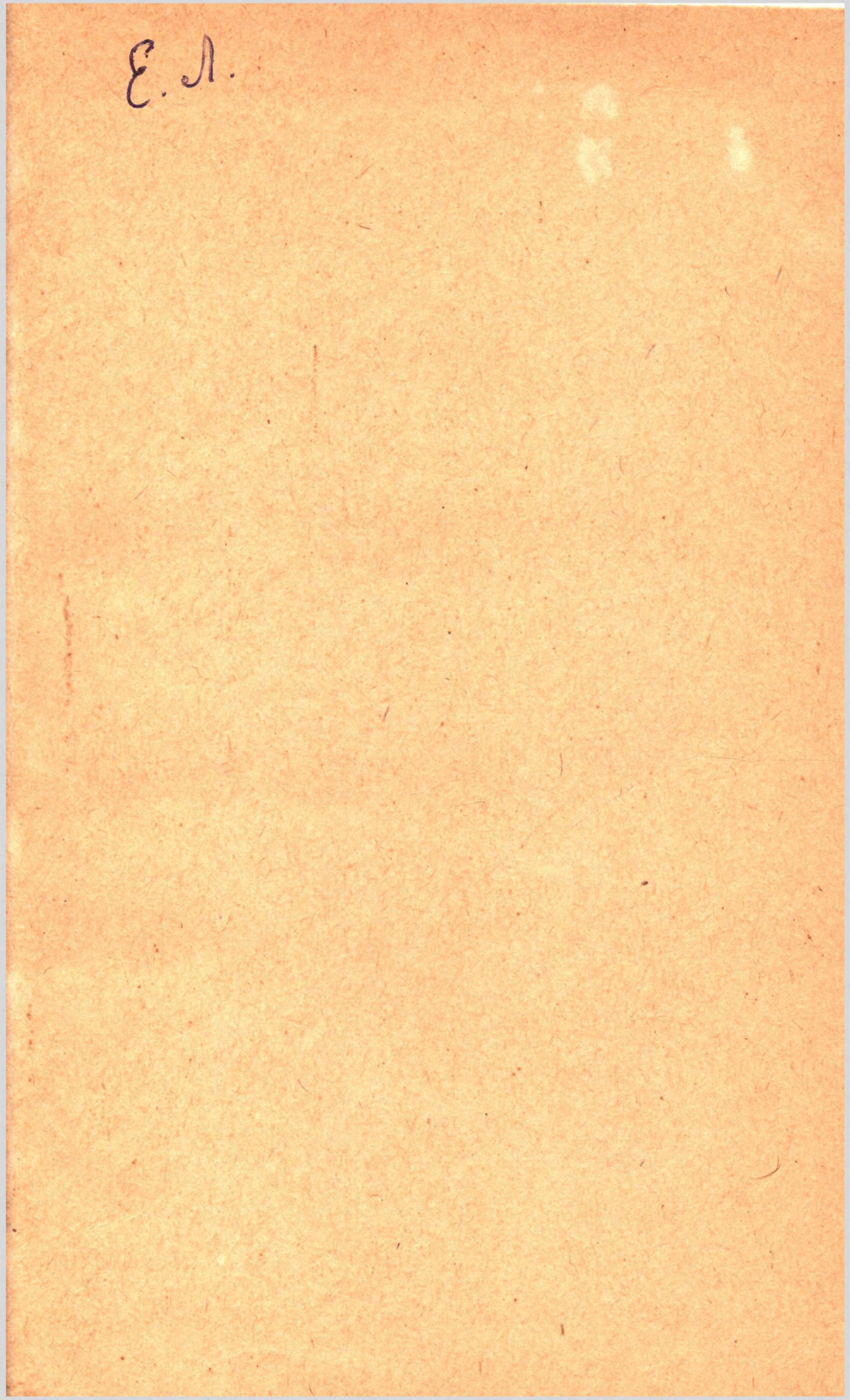
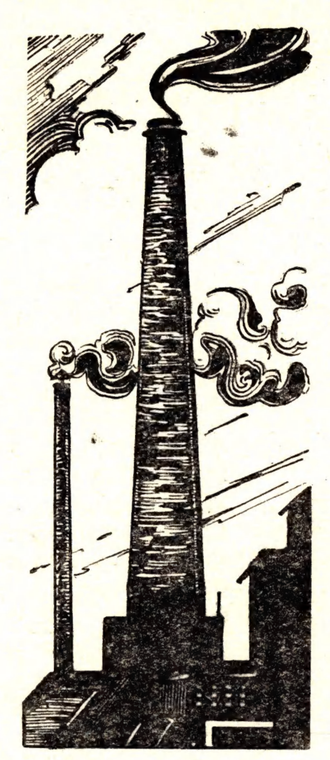
В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

КОГДА НАМ СЕМНАДЦАТЬ

Е. Л.

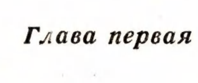
Когда нам семнадцать...

САХАЛИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Южно-Сахалинск
1962

«В последний час. Северное море, 14 февраля 1934 года. Вчера в 15 часов 30 минут вследствие сжатия льдов... затонул пароход «Челюскин». Эта весть, как штормовой ветер, ворвалась в одну из далеких сибирских школ. «На Север! Спасать гибнущих!» — загорелись сердца Алеши Рубцова и его товарищей. Но жизнь оказалась полна и других волнующих событий. На заводе обнаружено вредительство, ночной выстрел разбивает окно в квартире Ольги, с которой дружит Леша... Ребята находят партизанскую пушку и отправляются в тайгу на поиски ее наводчика Зотова...

Скоро Леша и его друзья кончат школу. Как жить дальше? Работать? Учиться?

О том, как жило и закалялось для труда и борьбы поколение семнадцатилетних, и рассказано в этой повести.

Глава первая

ЛЮДИ НА ЛЬДИНЕ!

Начинался трудовой день девятого класса «А»... В ожидании урока ребята раскладывали на партах тетради, учебники, ручки, чинили карандаши, между делом вели разговоры. Словом, все проходило своим чередом.

Только Игорь Русанов, мой друг и сосед по парте, был какой-то беспокойный.

В руках у Игоря — автоматическая ручка, новенькая, сияющая черной полировкой и золотым ободком. Не отрывая от ручки восхищенных глаз, Игорь чиркает по листку бумаги. Парта вздрагивает, это мешает наливать чернила в «непроливалку».

— Хоть бы не ерзал! — с укором говорю я.

Главное, конечно, не в чернилах. Мы с Игорем решили делать радиоприемник в складчину. Но вчера он увидел в магазине автоматическую ручку и купил ее вместо деталей к приемнику. Правда, ручка куплена на двоих, но от этого не легче, — деньги истрачены.

— Сиди спокойно! — прошу я еще раз.

Игорь уже распознал в моем голосе недовольные нотки и, повернувшись, изучающе смотрит на меня.

— Так и знал, что ты, Лешка, рассердишься! А зря. Ведь это же новинка. Высший класс техники! Ни у кого в школе нет такой самописки!

Брови Игоря веселыми усиками уходят вверх, голос самый добродушный. И спорить с ним сейчас бесполезно. Будет твердить одно: «Техника! Высший класс! Новинка!»

— Ладно. Разберемся после, — решаю я.

Впрочем, занимаясь авторучкой, Игорь не оставлял без внимания нашу соседку сзади.

— Послушай-ка, Лешка! — Он ткнул ручкой через плечо. — Послушай, что наша киноактриса говорит...

За своей спиной я услышал восторженный шепоток Милы Чаркиной.

— Не знаю, чем объяснить, но помогает страшно! — убеждала она сидевшую рядом с ней Ольгу Минскую. — Надо только выбрать пятак что ни на есть старинный, пусть совсем стертый, и класть под самую пятку... Не веришь? Тогда сама убедишься, хоть сегодня: Ковборин за сочинение мне меньше «удочки» не поставит. А то и высший балл схвачу!

На хорошеньком лице Чаркиной не было и тени сомнения — она верила в приметы. Разговаривая, Мила осматривала свое новое нарядное платье, снимая с него невидимые пушинки. Взглянув на обернувшегося Игоря, Чаркина приподняла тонкие брови:

— Ах, Конструктор! Приветик!

Игорь, что-то буркнув в ответ, мгновенно занялся авторучкой. «Нет уж, — подумал я, — насчет этого дурацкого пятака надо что-то сказать...»

Но в это время в дверях показалась Тоня Кочкина. Улыбнувшись, она тихонько сказала «здравствуйте» и пошла к своей парте. Кажется, ничего особенного не произошло. Однако Игорь многозначительно подмигнул мне:

— Она ведь это тебе просияла!

Я не сообразил даже, что ответить.

— Ага, покраснел, Лешка! Пор-рядок!

— «Пор-рядок!» — передразнил я. — Когда ты отучишься от этого вульгарного слова? И вообще... ты совершенно бесхарактерный!

Игорь заткнул пальцами уши, отодвинулся и выразительно зевнул:

— Ох, Лешка, до чего ты скучная личность! Так любишь мораль читать... Привет, Рябина! — крикнул он вбежавшему в класс маленькому веснушчатому Вовке.

Запыхавшийся, взъерошенный Вовка Рябинин, не садясь на свое место, вытащил из кармана газету.

— Слыхали новость? — Он спросил это с таким таинственным видом, что все ребята невольно смолкли. —

Так вот, слушайте! — Расправив газету, Вовка принялся читать: — «В последний час. Северное море, 14 февраля 1934 года. Вчера, в 15 часов 30 минут, вследствие сжатия льдов в 155 милях от мыса Северного и в 144 милях от мыса Уэллен затонул пароход «Челюскин». Уже последняя ночь была тревожной из-за частых сжатий и сильного крошения льда. 13 февраля в 13 часов 30 минут внезапным сильным напором разорвало левый борт на большом протяжении: от носового трюма до машинного отделения. Одновременно лопнули трубы паропровода, что лишило возможности пустить водоотливные средства, бесполезные, впрочем, ввиду величины течи...»

— Как это ужасно! — вздохнула Милочка.

— Еще бы! — Вовка сурово взглянул на Чаркину.

— Читай, читай! А ты, актриса, молчи! — послышались сердитые голоса.

— Не перебивайте! — Вовка читал торопливо, словно горохом сыпал: — «Через два часа все было кончено. За эти два часа организованно, без единого проявления паники были выгружены на лед давно подготовленный аварийный запас продовольствия, палатки, спальные мешки, самолет и радио. Выгрузка продолжалась до того момента, когда нос судна уже погрузился под воду... Живем в палатках, строим деревянные бараки. У каждого — спальный мешок, меховая одежда. Просим родных не беспокоиться, не посылать запросов — мы экономим аккумуляторы и не можем давать частых телеграмм... Настроение у всех бодрое. Заверяем правительство, что несчастье не остановит нас в работе по окончательному освоению Арктики, проложению Северного морского пути...»

Как только Рябинин кончил читать, в классе враз заговорили, зашумели. Игорь выхватил у Вовки газету. Ребята повскакали с мест и кинулись к Игорю. Началась возня.

— Вы что, с ума сошли? — возмущалась староста класса Ольга Минская. — Ведь уже звонок, сейчас Максим Петрович войдет!

Учитель физики появился как-то незаметно. Он уселся за столик, молча перелистал классный журнал и поглядел на нас спокойными, чуть прищуренными глазами. Ребята быстро расселись по местам, притихли.

— Максим Петрович, вы слышали? — срывающимся голосом спросил Вовка.

— О «Челюскине»? Да, слышал. — Учитель в раздумье взял указку, лежавшую в желобке классной доски, и подошел к карте. — «Челюскин» прошел вот сюда, в Баренцово море, — прочертил он путь парохода. — Преодолел льды Карского... В море Лаптевых — помните? — его встретил шторм. — Кончик указки медленно передвигался все дальше на восток. — В Чукотском море судну пришлось бороться со льдами. Одолели и льды, вышли в Берингов пролив — на самый край земли советской. До выхода в Тихий океан оставалось всего несколько километров, и вдруг... — Максим Петрович задержал кончик указки в правом верхнем углу карты, посмотрел на нас, как бы ища ответа...

— Тайфуны! — выдохнул Вовка.

— Да, тайфуны, — медленно опустил указку учитель. — Они вызвали течение, откинувшее пароход далеко на север.

— Ну и что же? — выпятив губу, посмотрела на карту Чаркина. — Потом что?

— «Что, что»! Читать газеты надо! — вспылил Вовка.

— Умник! Зачем мне читать, когда ты их читаешь?

— Эх, темнота!.. — Вовка хотел было еще что-то сказать, но увидел, что кончик указки уставился прямо на него.

— Так вот, Чаркина, — продолжал Максим Петрович. — Пароход «Челюскин» попал в сплошные льды, потерял ход и вынужден был дрейфовать. Льды раздавили его...

Наступило молчание. А потом заговорили все сразу:

— Что же теперь будет с людьми? Одни на льдине!

— Людей надо вывозить! Немедленно!

— Чукотка-то вон где... как же добраться?

— Да, далеко, — снова повернулся к карте учитель. — Правительство принимает срочные меры. Создана комиссия под председательством товарища Куйбышева.

Максим Петрович положил указку в желобок доски, одернул защитного цвета гимнастерку и взял в руки мел:

— Прошу приготовиться к выводу формулы...

Всю перемену в классе шли горячие споры.

— На собачьих упряжках вывезут! — настаивал Вовка. — Чего вы смеетесь? Чукчи запрягут собак в нарты — и айда на выручку. Они народ смелый!

— Упряжки! — посмеивался Игорь. — Нашел технику! Самолетами надо! С них и людей видно, и радио на самолете есть. И на полярных станциях тоже...

— Там-то все есть, — заметил я, поглядывая на авторучку, торчащую из кармана Игоревой блузы.

Игорь, перехватив мой взгляд, постарался засунуть ручку поглубже.

— Слушай, Лешка, — тихо сказал он, — у нас ведь еще многое не собрано. Ты контурную катушку намотал?

— Тебя, что ли, ждать?

— Кончил? Тогда я радиолампы куплю завтра же! Все, Лешка, и не сердись! — Игорь вдруг растерянно-радостно взглянул на меня, потом на ребят и охнул: — Что я придумал! Надо быстро, в несколько дней, оборудовать в школе радиоузел, и тогда, тогда... мы сами свяжемся с лагерем челюскинцев!

— Тоже придумал! — презрительно откликнулся Вовка. — Спасать надо, а не связываться! Дела поважнее есть!

— Опять маниловщина пошла! — махнула рукой Тоня. — Ты, Игорь, подумай: разве просто связаться с лагерем?

— Ерунда! — пробасил, приглаживая пробивающиеся усики, Андрей Маклаков. — Действуй. Конструктор! Хочешь, я тебе на радиоузел тысчонок пять отвалю? О-го-го!.. — захохотал он, хлопая себя по карманам.

Игорь со злостью посмотрел на рослого Маклакова, которого мы все звали Недорослем, и ничего не сказал.

Пыл девятого «А» не угас и на следующем уроке. Нельзя было сказать, что кто-то разговаривал или шумел, но в классе стоял тот самый «пчелиный» гул, что сразу настораживает преподавателей.

— Прошу внимания! — сказал резким, тягучим голосом учитель литературы Ковборин. Глаз его мы не видели, лишь холодный блеск пенсне.

Гул утих. Вовка Рябинин поднял руку.

— Что вам? — поджал тонкие губы Ковборин.

Вовка встал и заговорил, тщательно подбирая слова. Он привык говорить быстро и потому теперь заикался, лицо у него и краснело и бледнело:

— Такие, я бы сказал, исторические факты, как гибель «Челюскина», Владимир Александрович, привлекают, я бы сказал, большое внимание общественности, и миллионы наших граждан, я бы сказал...

— Безусловно! — оборвал Ковборин. — Разделяю ваше мнение. Я убежден, что кто-нибудь, например, напишет героическую поэму... — Ковборин заложил руки назад. Был он длинный, прямой, как указка, и бледно-серое лицо его не выражало никаких чувств.

Класс затих. Поэму? При чем здесь поэма? Мы переглядывались, пожимали плечами. И всем стало как-то не по себе. Ведь Ковборин был не просто преподаватель, но и директор школы... А Ковборин, как ни в чем не бывало, взяв со стола кипу тетрадей и прохаживаясь меж парт, стал раздавать домашние работы.

Страницы моего сочинения были испещрены пометками. Ух, и погулял же по ним красный карандаш!

— Не вздыхай, Лешка, — толкнул меня под локоть Игорь. — Полюбуйся, что в моей тетрадке: «Очень плохо», «Мысль не сосредоточена», «Ересь», «Плохо», «Вопиющая неграмотность». Три-то ошибки — вопиющая?

— Чудак! — вмешалась в разговор Мила Чаркина. — Это же вам попало по всем правилам педологии. Ясно?

— А тебя что, обошли?

— Сейчас посмотрим... — Мила быстро-быстро перелистала тетрадь и мгновенно стихла.

— Ну? — повернулся к ней Игорь.

— Какое-то непонятное слово. Латинское, что ли? «Де-де-кус», — по складам прочитала Милочка.

— Дедекус? Ха-ха! Так это же «срам», — прыснул Игорь. — Не помог, значит, пятак...

— Одного пятака, видать, мало — ты десяточек попробуй, — посоветовал я.

С соседней парты доносился ворчливый полушепот Вовки:

— «Че-пу-ха»... Ничего себе отметочка! Ну, и плевать! Что значит гибель моего сочинения в сравнении с катастрофой «Челюскина»? Че-пу-ха!

Спасение челюскинцев оказалось делом не таким простым, как думалось нам вначале. Ни собачьим упряжкам, ни самолетам полярных станций не удавалось пробиться к лагерю: мешала бесконечная северная пурга. Челюскинцы посылали бодрые радиограммы, но радиограммы не успокаивали. О людях, затерянных на далекой арктической льдине, шли тревожные разговоры и дома, и в школе, и на улице.

Однажды, придя с завода, мой брат развернул газету и, сведя короткие, жесткие брови, долго читал ее.

— Да, дела у них плохи, — сказал он.

Слова брата, смелого и решительного человека, еще больше встревожили меня.

Ночью мне приснился страшный сон. Я отчетливо увидел огромную льдину и на ней людей. Вдруг льдина треснула, стала быстро расходиться в стороны... В темную, как пропасть, воду падали женщины, дети... Они звали на помощь, но никто не откликался. Я закричал и, проснувшись, долго не мог опомниться от страха.

— Что, Алеха, не спится? — услышал я негромкий голос брата.

В мутноватой глубине комнаты, словно уголек, затлела папироса. Вот красноватая точка поплыла, делая зигзаги, и остановилась у моего изголовья. Я услышал дыхание Павла.

— Тяжело, Алеха, — снова заговорил он, садясь на мою кровать. — К Чукотке и пароходы и самолеты двинули. Ледокол «Красин» готовится. Даже дирижабль скоро вылетает. Успеют ли? Ведь до лагеря тысячи километров... Когда-то доберутся! Льдина крошится, беда может опередить. А ведь там сто два человека!

Павел встал, в темноте прошелся по комнате и снова сел рядом со мной.

— Не может быть, спасем челюскинцев, Алеха! Всю технику двинем, а спасем!

Разговоры о челюскинцах шли в школе беспрерывно. Какой силы прошел циклон? Где находится льдина с людьми? Сколько у них в запасе аккумуляторов? Этим интересовался каждый. Книг об экспедициях в Арктику нельзя было достать ни в школьной библиотеке, ни в городской.

Удивляла нас внезапная перемена с Вовкой Рябининым. Он вдруг стал необыкновенно тихий, в спорах не участвовал, как бы ушел в себя. «Подменили Вовку, — смеялись ребята. — Не парень стал — загадка...»

В один из последних дней февраля на уроке немецкого языка я получил записку, адресованную мне, Игорю и Филиппу Романюку:

«Ребята! После звонка останьтесь в классе — будет ответственный разговор. В. Р.».

На перемене Вовка прежде всего проверил, хорошо ли закрыта дверь и не прячется ли кто за партами. Потом вытащил из кармана «Комсомольскую правду», небрежно развернул ее и сказал:

— Решено. Еду в Арктику. Спасать челюскинцев.

— Кто, ты?

— Да, я.

Мы переглянулись.

— А что! — воскликнул Игорь. — Неплохо придумал!

— Не я придумал, — солидно поправил Вовка. — Раньше меня нашлись. Вот, — он ткнул пальцем в газету, — парень один пишет в «Комсомолке». — Вовка кашлянул и прочел: — «В Ленинградский Арктический институт. Заявление. Товарищи! Парень я вполне здоровый, жигулястый, грудь сто сантиметров, построения крепкого, хороший лыжник, знаю слесарное дело. Могу сейчас же выехать в ваше распоряжение для спасения бедствующих товарищей»... Ясно? — Вовка бережно сложил газету.

— Да, но тот же парень здоровый, не то что ты. Ты и лыжник не очень хороший, — сказал я.

— И не очень-то жигулястый, — добавил Игорь.

— Ну, ну! Не хуже других! — Вовка залихватски сунул руки в карманы и прошелся по классу. — Экзамены за девятый сдам, когда возвращусь с Чукотки.

— Хорошо, — сказал Игорь. — А как же ты, так сказать, доберешься до Чукотки?

— Запросто! — Вовка оглянулся на дверь. — Уеду с летчиками... Из Сибирска вылетают туда два полярных летчика, мои соседи по дому. Уговорю их взять с собой.

— М-да... Сильнó! — сказал молчавший до сих пор Филипп Романюк. — И с летчиками уже договорился?

— Договорюсь, возьмут!

— Сильно́! — повторил Филя.

Огромный, широкоплечий, он стоял напротив маленького Вовки и внимательно рассматривал его через очки. Потом встряхнул густой гривой волос:

— Ты подумал, нужен ты спасательной экспедиции?

— А чего думать!

— Тогда, брат, ты рано в поход собрался. И вообще...

Не найдя подходящего слова, Филя, как всегда в трудные минуты жизни, вытащил из кармана рубашки зеленый гребешок и стал расчесывать свою гриву.

Филина невозмутимость разозлила Вовку.

— Удивительный ты человек, Романюк! Ни мечты, ни порыва. Тебе бы только сидеть да протирать штаны над задачками... Да оставь в покое свои лохмы! — Он выхватил у Романюка гребешок. — Ну, что хотел сказать? Говори, говори, а то не видать тебе гребешка!

Филя добродушно пожал плечами:

— Силенок у тебя не хватит, вот и все!

— Силенок! Хо-хо, сказанул! Да их еще, может, больше, чем у тебя!

Филя улыбнулся и с несвойственной ему быстротой схватил Вовку одной рукой за шиворот, другой пониже спины, приподнял над головой и тотчас же осторожно поставил на ноги. К нашему удивлению, Челюскинец спокойно сказал:

— Ну и что? Сила-дура у тебя, и все. А вот Седов с двумя собаками ходил...

— Так то же Седов!

— И у Вовки есть знаменитые псы — Шарик и Малявка, — сорвалось у меня с языка.

Сказать по правде, меня разозлило, что Вовка, именно Вовка, ничем не отличавшийся от других ребят в классе, собрался на Чукотку. Чем он был лучше других? Я хоть спортом занимался, радиотехникой...

Упоминание о знаменитых псах распалило Вовку больше, чем неуклюжая проделка Романюка. Дело в том, что Шарик был обыкновенной дворнягой с отвислыми ушами. Малявка вообще была ничто: маленькая, на кривых ножках, она и лаем, и всем своим видом напоминала велосипедный звонок.

— Уязвил! Собак вспомнил... — подступил уже ко мне Вовка. — Если по-серьезному, так я лучше любого

из вас подготовлен для Чукотки. Морозов не боюсь — раз. На лыжах хожу отлично — два.

— Чемпион! Первый в мире, второй по Сибири.

— Чемпион не чемпион, а такому, как ты, дам десять очков вперед! Хоть сейчас на Ангару!

— Что же, пошли! — Я наотмашь провел рукой по ершику Вовкиных рыжеватых волос. — Хвастун!

— Я хвастун? — Вовка сжал кулаки, готовый броситься в драку, но звонок прервал нашу ссору. — Ты, Рубцов, трус. Хуже всякой Малявки! — прокричал он мне вслед.

Сидя за партой, Вовка петухом поглядывал по сторонам. В классе уже знали о нашем разговоре.

— Вовка — Челюскинец! — потихоньку острила Чаркина.

По классу перекатывался чуть слышный смешок.

А мне было не по себе. Разговор с Вовкой получился грубый, и я ему ничего не доказал.

— Да... с Малявкой сравнил. Перенести это невозможно, — сочувственно нашептывал в ухо Игорь. — Что же ты будешь делать — драться с ним?

— Не знаю...

— Нет, драться, Лешка нельзя. На комсомольское собрание потянут. Ты лучше вот что. Он тебя вызвал? Вызвал! А ты возьми да и обставь его на лыжах. Порядок будет полный! А насчет состязания не беспокойся, организацию я беру на себя!

Глава вторая

«ДУЭЛЬ»

Своенравна наша Ангара. Вряд ли еще другую такую реку найдешь. Декабрь на дворе, по озерам и рекам, скованным льдом, тянутся вереницы обозов, снуют пешеходы, а Ангара по-прежнему озорует. Из голубой сделалась синей, окаймилась белоснежными заберегами, точно разоделась в меха, и мчится, спасаясь бегством от лютого мороза. Вот и Новый год подошел, а ей все нипочем, бежит, поддразнивает стужу. А та уже разозлилась не на шутку: крепчает, стелет по реке седые туманы, хочет обманом взять. Зверем бросается река на бой с ледяными оковами, дыбится торосами и, несмиренная, ощетинившись своим заледенелым хребтом, так и остается коротать остаток зимы...

Я стою на краю отвесного берега. Подо мной Ангара, по-зимнему молчаливая, в холодном блеске солнца. На всем пространстве реки, куда хватает глаз, торчат ледяные скалы — торосы. Присыпанные снегом, они издали напоминают густой лес, поваленный бурей.

Дует шквалистый ветерок. Время клонится к вечеру...

Лыжня, на которой я остановился, круто сбегает вниз, вьется меж торосов и, уткнувшись в дорогу, идущую поперек реки, теряется из виду. На дороге люди, автомашины, повозки. А дальше снова ледяные скалы, и лишь где-то вдалеке виднеется ровное снежное поле. Это остров, залитый водой в ледостав и прикрытый снегом. Там происходят все лыжные гонки, там сегодня и наше состязание с Рябининым.

Разбежавшись, я покатил вниз. Ветер свистел в ушах,

ноги не чувствовали опоры. Подскочив на трамплине, забыл вовремя нагнуться, но ничего, устоял...

— Молодчина! — донесся чей-то голос.

Неподалеку, среди торосов, я увидел знакомый зеленый шарф и красную шапочку.

— Ты здесь? — спросил я, подъехав к Тоне.

— Странный вопрос! — она опустила глаза. — У вас же дуэль...

На раскрасневшихся щеках Тони появились слегка заметные ямочки. У Тони была привычка смеяться как-то молча, про себя. Иногда в середине разговора ей точно залетала в рот смешинка. Она плотно сжимала губы, а на щеках у нее проступали ямочки.

— Дуэль, говорю, назначена, — повторила Тоня, — между двумя юношами.

— Что же здесь смешного? Ну, поспорили. Ну, решил ему доказать. Соревнование, вот и все, — попытался объяснить я.

— Если бы просто соревнование, ребят пригласили бы!

Облокотившись на палки, Тоня с усмешкой смотрела на меня, а я уставился на ее косы — русые, тугие, не умещавшиеся под вязаной шапочкой и лежавшие на плечах. Мне хотелось дернуть за эти косы так, как делал я мальчишкой в младших классах, когда Тоня вредничала.

— Между прочим, — продолжала Тоня, — вы все так тонко обставили, что нигде, кроме городского базара, о вашей дуэли не знают. В классе даже объявление вывешено с приглашением...

— Мы не вывешивали!

— Ну, не знаю, кто просил Маклакова. Он прямо чернилами на газете расписал. — Тоня оглянулась: — Так где же твои секунданты — могучий Филя и верный Игорь?

Я молчал. Действительно, все было известно.

— Игоря я понимаю, — все с той же усмешкой говорила она: — обидели его закадычного друга. А Филя? Такая ученая личность, и вдруг... секундант!

Я все молчал. Тоня взмахнула палками и покатила к острову. Отъехав немного, обернулась, помахала рукавичкой:

— По правде говоря, люблю дуэли!

Я долго не мог двинуться с места. «Смеется, а все же пришла... Почему я так глупо с ней разговаривал?»

Мимо меня, быстро перебирая палками, пролетел Вовка Челюскинец. За ним, смешно задрав хвосты и заливаясь лаем, бежали Шарик и Малявка.

Я не спеша тронулся за Вовкой. Неподалеку от острова дорогу мне преградила длинная фигура в белых бурках, добротной шубе и каракулевой шапке. Это был Андрей Маклаков.

— Рубчик, наше вам-с! Где мордобой устраиваете? — Черноватое, с широкими скулами лицо Недоросля расплылось в улыбочке. — Где, спрашиваю, а?

— Отвяжись! — выкрикнул я.

— Повежливей! — понеслось мне вдогонку. — Все равно знаю: у тальника на острове. О-го-го!..

Возле тальника уже хлопотали Филя и Игорь. Здесь же, подбрасывая ветки в огонь, со скучающим видом грелась у костра Тоня. Вовка с собаками устроился чуть подальше. «В самом деле, как на настоящей дуэли», — мелькнуло у меня в голове.

Вдалеке, где кончалась, ровная, засыпанная снегом площадка острова, виднелся красный флажок.

— Дотуда и бежать, — деловито объяснял Филя. — Ровно километр. А если трижды сбегать туда и обратно, будет и все шесть... Ясно?

На голове у Фили шапка-ушанка, на ногах сапоги, стеганая отцовская тужурка распахнута. Зато Вовка вырядился, как на парад: раздобыл где-то пьексы, белую вязаную шапочку и серый байковый костюм. «Конечно, так легче бежать», — мелькнуло у меня в голове.

— Начинает Рубцов! — негромко объявил Филя. — Давай, Лешка, засекаю!

Мелькали кустики, торосы... Лыжня была старая, хорошо укатанная, насаленные лыжи скользили легко. Правда, на лбу, под шапкой и за воротником телогрейки становилось все мокрее от пота, и я с завистью вспоминал о Вовкином лыжном костюме. Не так надо было мне готовиться к этому состязанию!

Вот и красный флажок... Я обошел его по кругу и вскоре повстречался с бегущим навстречу Вовкой. За ним по пятам, высунув от усталости языки, мчались его

дворняжки. Вовка отстал от меня метров на двести. «Это хорошо!» Я приналег на палки.

Вот Игорь, Филя, Тоня, Маклаков. Я мельком взглядываю на них. У Фили, как у всякого порядочного судьи, на лице полная беспристрастность; он глядит на часы с секундомером и кричит, что первый круг пройден. Игорь прыгает и машет руками: «Давай, давай, жми, Лешка!» В руке у него булка — успел проголодаться! Красная шапочка сползла Тоне на лоб. Маклаков гогочет, корчит страшные рожи. Единственное мое желание — вперед и вперед!

Вовка снова повстречался, и, как показалось мне, раньше, чем следовало. Бежал он легко и уверенно. «Держись, Челюскинец!» — подумал я со злостью и рванулся сильней. Перед глазами чаще, чем прежде, замелькали кустики, деревца. Все быстрее, быстрее...

И вдруг словно кто-то кинулся мне под ноги, — и небо, и деревья, и тропинка куда-то скрылись, а я очутился в снегу. Правая лыжа стремглав мчалась вперед, и за ней с веселым лаем бежали повернувшие от своего хозяина Шарик и Малявка.

И вот я держу эту чертову лыжу в руках. Гнилого ремня не заметил!

Сойдя с лыжни, я растерянно смотрел на лопнувший ремень. Что же теперь делать? Ехать дальше — потерять время, возвратиться на старт — заранее признать себя побежденным. Перед глазами проплыло насмешливое лицо Тони...

Кое-как стянув шпагатом ремень, я пошел дальше. Вот и красный флажок показался. Обернувшись, я увидел приближающегося ко мне Вовку и остановился в нерешительности. Челюскинец, пролетая мимо, бросил на ходу:

— Чего стоишь, Малявка?

И Вовкины псы, промчавшись вслед за хозяином, протявкали в мою сторону: «Ты чего стоишь!»

Меня словно кто подтолкнул. Не отдавая себе отчета, я побежал вперед. Вот и красный флажок позади, я все больше отдаляюсь от старта, от ребят. «Что случилось со мной, куда я бегу?» — эти вопросы смутно мелькнули в голове. Дуэль, секунданты. Жалкий хвастун! Но вернуться теперь я уже не мог.

Тропинка вилась меж торосов, уводя все дальше, на левый берег реки. Вот и знакомый железнодорожный мост через балку. В этих местах мы не раз бывали с Игорем. Пройдя под мостом, я очутился у подножия высокой заснеженной горы. Не раздумывая, стал взбираться вверх. Обходя пни, кусты, вышел на вершину и остановился. Внизу, по насыпи, вдоль берега, пролегал железнодорожный путь. Дальше открывала свою снежно-ледяную ширь река, все еще по-зимнему белая и лишь ближе к берегам начинавшая буреть. Вдали, в мутной дымке уходящего дня, виднелся город. Высились трубы, чернели старые каменоломни.

Я пытался разглядеть остров и тальники, откуда стартовал, но сумерки сгустились и ушел я далеко. Пронзительными порывами налетал ветер, шумел в кустах.

Чем дольше стоял я один, вдали от товарищей, тем становилось горше: зачем ушел? Ребята, наверно, уже ищут меня. Ищут и не могут найти. Струсил, сбежал, не смог доказать... Нет, сейчас же домой! Но скомандовать было легче, чем сделать. Скатываясь с горы, я ударился лыжей о пень и переломил ее.

При падении неловко подогнулась нога, стало больно ступать. Положив на плечо уцелевшую лыжу, я с трудом спустился к реке. Стемнело, ветер усилился. Он дул с каким-то неприятным подвыванием, пронизывая все тело. Вскоре начался и настоящий буран — один из тех буранов, которые бывают в Сибирске перед весной.

Едва передвигая ушибленную ногу, я шел по льду реки. Вокруг меня вихрилась и ревела белесая снежная тьма. Все скрылось из виду, моим ориентиром стал ветер, и я пошел прямо на него. Горсти колючего снега хлестали по лицу. Ветер не давал дышать и сбивал с ног. Одежда на морозе заледенела. Так шел я долго, очень долго...

Вдруг я обо что-то споткнулся и упал. Протянув во тьме руку, нащупал ледяную глыбу, скользкую, с острыми зазубринами и отвесную, как стена. Это был торос. Я пополз назад и снова уперся в такую же глыбу. Метнувшись в сторону, я опять не нашел выхода. Мне стало страшно: я забрел в ангарские торосы, они теснили меня со всех сторон!

Медлить нельзя, надо выбираться из ловушки. Но в какую сторону? Можно сделать два шага, и выйдешь туда, где ты только что был. А если забредешь в глубь этих ледяных скал? Я приткнулся к торосу. Вьюга выла на разные голоса, где-то со стоном ломался лед. Стужа пробиралась за ворот, к ногам, коченели руки. «Неужели замерзну?» Я с трудом поднялся, в нерешительности сделал шаг, другой... Наткнулся на торос. Ощупав его, вскарабкался наверх, спустился, пошел дальше... Еще торос, еще — и вот я на ровном месте.

Порыв ветра свалил меня с ног, я пополз, пригибаясь к сугробам. Тело наливалось тяжестью, желание уткнуться лицом в снег и отдохнуть становилось все неодолимее. Вскоре я почувствовал под руками что-то твердое. «Дорога!» Я нащупал колею, сделал попытку встать, но ноги подкосились: из мрака надвигались два огромных светящихся глаза... Я закричал, рванулся в сторону. А светящиеся глаза, в упор рассматривая меня, замерли на месте.

Кто-то приподнял меня, с ожесточением стал тереть онемевшие руки, лицо.

В неисчислимом множестве голосов бурана я различил человеческий голос:

— Эх, паря, еще бы немного, и каюк тебе. Шофер, подсоби-ка!

Глава третья

СОБИРАЕМСЯ НА СЕВЕР

Проснувшись, я ощутил во всем теле необычайную легкость.

Тишина, только тиканье часов над головой. Тихо и за стенкой, у соседей: все на работе. Часам словно наскучили шаги на месте, они прошипели и пробили одиннадцать раз. «День в разгаре... Чего же я валяюсь в постели?»

Рядом на столике — листок бумаги. Знакомый размашистый почерк жены брата:

«Лешенька! В обеденный перерыв не приду, сбегаю за пайком. Горячее молоко в термосе на столике. Можешь походить. Только немного, смотри-ка! Зина».

«Смотри-ка!..» Предупреждает еще... Да меня в постели не удержит сейчас никакая сила! Хватит, за неделю належался.

Я подошел к окну, раздвинул занавески и невольно зажмурился от яркого солнечного света. Ранняя весна развернулась по-хозяйски. Улица ожила от множества лужиц и ручейков. Канавы наполнились грязно-мутной водой. От сырых досок тротуара парило. Даже сквозь двойные рамы доносились крики ребят.

А щека и подбородок все же болят. Обморожены... Перед глазами снова замелькали Вовка, Филя, Тоня... Лыжня, торосы, буран... Эх, лучше не вспоминать...

На стене против окна — фотография отца. Шапка с красногвардейской ленточкой, щетинистое лицо. А глаза какие-то удивительно живые, беспокойные. Они словно

следят все время за мною. То отец смотрит строго, то вдруг подобреет. Сейчас читаю я в отцовских глазах укор: «Хвастун ты, сынок, хвастун...» Хвастун! Ведь это слово я бросил в лицо Вовке. Однако, как кружится голова. Нет, надо прилечь. «Хвастун, хвастун...» Что думают сейчас обо мне ребята?

— Леша, что же ты!

Это голос Зины. Все-таки пришла! На лбу я чувствую ее прохладную ладонь.

— Все спишь, не надоело?

— Как же, я недавно вставал, в одиннадцать...

— Недавно! — засмеялась Зина. — Уже шесть, мы с работы пришли. К тебе, кстати, гость явился.

В коридоре раздались шаги. Один — Павла, другие — незнакомые.

— Он не спит? — донесся чей-то басок.

— Проходите, Лазарев, проходите! — приглашала Зина. Она отвинтила блестящую крышку термоса. — А почему молоко не выпил?

— Ладно! — отмахнулся я. — Где же Лазарев-то?

Зина со стуком поставила термос на стол и вышла из комнаты. Вот так всегда — сердится из-за мелочей.

Я, кажется, вовремя оделся. В дверях стоял Павел, а рядом с ним — широкоплечий, приземистый паренек. Оба в спецовках — прямо с работы. Но Вани Лазарева с ними не было...

— Знакомься, Алеха! — Подхватив под локоть паренька, брат подвел его ко мне. — Не узнаешь? Василий Лазарев, с нашего завода.

«Как же я могу узнать, если это не Ваня Лазарев, а какой-то другой Лазарев!» — подумал я.

А глаза у брата хитрые-хитрые.

— Да, Алеша, еще бы немного... — сказал Лазарев.

И сразу я узнал этот голос, и мне вспомнились протяжные, доносившиеся откуда-то издалека слова: «Эх, паря, еще бы немного, и каюк тебе...»

Так вот это кто!

— Хорошо, что пришли! — Я протянул Лазареву руку. — Если бы не вы...

— Проезжали на машине, тут ты и подвернулся. Только и всего геройства!

Павел подставил Лазареву стул:

— Поговорите, а я по хозяйству...

Оставшись вдвоем с Лазаревым, мы долго не решались завести разговор: сидели, присматриваясь друг к другу. Волосы у Лазарева были черные, жесткие. На обветренном лице поблескивали голубые задумчивые глаза. Увидев на стене двустволку, Лазарев спросил:

— Павла Семеныча?

— Его, — ответил я.

— А ты... охотник?

— Бывает, езжу на зорьки. — Вытащив из-за шкафа свою бердану, я протянул ее Лазареву: — Вот!

— Твоя? — Ловкие пальцы его прошлись от ствола до приклада, и затем он осторожно поставил бердану к стене.

Я снова протянул ружье Лазареву:

— Берите... Насовсем!

— Зачем? Нам это без надобности. Была у меня такая. Продал, как в город поехал. — Лазарев решительно отставил бердану. — На охоту потянет, тогда попрошу. Да ведь недосуг: с завода-то не вылазишь!

— Давно вы на заводе?

— Больше года. А все не могу обвыкнуть. Эх, и леса у нас в Забайкалье! — Лазарев достал кисет, отсыпал на кусочек газеты махорки, стал завертывать самокрутку. — Если бы не Павел Семеныч, катанул бы обратно в деревню. Не нравится мне здесь. Да вот твой брат не советует завод бросать... Куришь? — дохнул он дымком.

— Нет.

— Хорошо. А я давно курю, как отца лишился. — Лазарев затянулся, продолжая хрипловатым баском: — Кулачье отца убило. Сиротами нас трое осталось. Ваньку-то, поди, знаешь?

— Как же, в одном классе... А он и не скажет, что брат у него!

— Мы с ним братьями по отцу приходимся. Мать-то Ваньки мне не родная... — Помолчав, Лазарев добавил: — А Ванька башковитый, не гляди, что щуплый. Все за шахматами сидит. Прославился...

— Мы его в школе чемпионом прозвали, — подтвердил я.

— Да, далеко пойдет! — Лазарев вздохнул. — Обра-

зование получит. А я вот грузчиком. Да и кем я еще могу?

Мне стало как-то неловко, будто я виноват в том, что мы с Ваней учимся, а Лазарев не учится.

— А что вы делаете? — только и нашелся я спросить.

— Детали в цех подвозим, а когда и на железную дорогу ездим. В ту непогодь я как раз за чугуном ездил... Понимаешь, паря, — живее заговорил Лазарев, — вагранки у нас на заводе есть, печи такие... Да тебе чего рассказывать — твой отец литейщиком был. — Примяв пальцами окурок, он положил его в пепельницу. — Не хватает иной раз чугуна-то, вот и ездим.

В окно постучали. Один раз. Второй. Третий.

— Стук, паря, условный, — определил Лазарев. — Видать, товаришок?

— Игорь! — разглядел я в сгустившихся сумерках смеющееся лицо друга.

Игорь вошел как-то боком, держа под рукой знакомый мне лакированный ящичек.

— Фу, Лешка! Наконец-то к тебе прорвался! Как ни придем, все нельзя да нельзя. Твоя тетя Зина — что китайская стена.

«Ага, значит, не только Игорь справлялся! — обрадовался я. — Кто же еще?»

Искоса взглянув на Лазарева, Игорь поставил на окно приемник и отнял его заднюю стенку.

— Сам собрал? — подивился Василий.

— Ага! Вот катушка, лампы, конденсатор. — Игорь нетерпеливо пригладил ладонью черные вьющиеся волосы. — Собрал, а не работает!

— Может, батарея старая? — подошел я к приемнику.

— Ну, нет! — Игорь быстро отсоединил электрическую батарею и, как заправский радист, лизнул языком контакты. — Дергает!

— Дергает? — рассмеялся Лазарев. — Без языка останешься!

— Эй, радисты, пока языки целы, живо к столу! — позвал нас Павел.

Зина уже разливала по тарелкам уху.

— Достается, поди, — сочувственно заметил Лазарев, следя за быстрыми движениями хозяйки. — В цехе за разметочной плитой орудуй, дома — за кухонной.

— Вот и хорошо, — посмеивалась Зина. — Я нарочно две плиты захватила — больше власти!.. Павел, передай-ка гостю уху.

Невысокая, худенькая, с туго закрученной на голове косой, Зина, когда смеялась, удивительно молодела.

— Ну вот, — Павел придвинул к Лазареву тарелку, — ешь и рассказывай: чего это ты с завода бежать собрался?

Глаза у Павла отцовские — беспокойные. От уголков их, точно трещинки, расходятся ясно видимые морщины, в них въелось машинное масло. Темные волосы местами пробивает седина. Ему уже за тридцать...

— Начальству не по нраву пришелся, вот и все. — Лазарев долго дует на подымающийся из тарелки парок. — На днях Бойко опять стращал.

— А какое ему дело до тебя? — пожал плечами брат. — Бойко главный энергетик завода, а ты грузчик на складах.

«Бойко, — вспоминаю я. — Слышал эту фамилию. Ага, это же отчим Ольги Минской. В прошлом году Ольгина мать вышла за него замуж... Так что же Лазарев говорит про Бойко?»

— Если ты начальник, разбирайся! — Лазарев сердито хлебнул и отложил ложку. — Третьеводни нефть качали в цистерны на склады. Трубопроводчик — Семкой зовут — вентиля перепутал. Нефть на землю пошла. Разлейся ее поболе — пожара не миновать. Я на Семку, а за него само начальство — Бойко. Кричит, будто во всем я виноват: мол, работник склада, а проглядел. Давай меня тюрьмой пугать. Где правда? Нет, с завода надо бежать... — Лазарев даже приподнялся со стула.

— Бежать? — Павел погрозил Лазареву своей ложкой. — Бежать легче всего. Что ж, хороших людей на заводе нет?

— Поели бы сначала, — вмешалась Зина. — Вечно ты, Павел, о делах!

Но, взявшись за ложку, Лазарев снова с горечью заговорил о Бойко.

Игорь, сидевший рядом со мной, вдруг подтолкнул меня локтем.

— Возьми-ка! — шепнул он. — Я уж моргаю тебе, моргаю!

Он сунул мне в карман брюк вчетверо сложенный листок бумаги. Письмо? Да, письмо. Я тихонько развернул листок.

«Леша, я очень соскучилась по тебе...»

В комнате словно светлей стало. И, что говорили за столом, я уже не слышал.

«Леша! — писала Тоня. — Я во многом виню себя... Зачем я пришла тогда на Ангару? Надо было просто разнять вас, «маленьких», после ссоры, и все. А теперь еще новый конфуз с Вовкой! Игорь расскажет... Нашему Максиму Петровичу достается. А Ковборин изругал наш класс. Вы, говорит, «имперфектус» (то есть несовершенные существа!). Представляешь? Поправляйся скорее и приходи». И подписалась: «Кочка».

Кочка... Так переделали ребята на свой лад фамилию Тони еще в четвертом классе. Тоня Кочкина была тогда совсем маленькая. На коротенькой косичке у нее болтался пышный бант. Я дергал за кончик ленты, бант распускался. Тоня плакала, а я хохотал на весь класс.

Да, но что же это за новая история с Вовкой? Я стал шепотом расспрашивать Игоря.

— Не история, а фантастика, — громко ответил Игорь. — Он чуть не сбежал с летчиками на Чукотку...

— Чего, чего? — насторожилась Зина. — Кто это?

— А вы разве не знаете? — Игорь отодвинул пустую тарелку. — Весь город говорит о нашем Вовке Челюскинце. Значит, забрался Вовка в хвост самолета, где багаж, и сидит ни жив ни мертв, ждет отлета. Думает: «Уж в воздухе-то не выбросят!» А штурман его цап-царап — и к милиционеру. Что тут было!

— Он же говорил, будто летчики знакомые! — удивился я.

— Так это ведь не в кино пригласить — полет в Арктику!

— Ну и дела! — всплеснула руками Зина. — У него, видно, родителей нет?

— Есть и отец и мать, — ответил я. — Отец каменщиком на заводе работает.

— Значит, проглядели сыночка!.. — сердилась Зина. — Пойду-ка я лучше чай налаживать, чем такое слушать!

— Проглядели? Почему проглядели? — обиделся я за Вовку. — Он же не зря, не по-пустому...

Зина остановилась у двери, покачала головой и вышла в кухню.

— Все равно, — ответил как бы за нее Лазарев, — все равно, он вроде авантюрист. Ишь ты, бежать из дому!

— «Авантюрист»! — засмеялся Павел, вставая из-за стола. — А те, кто с завода бегут?

— Ишь, как подвел, Павел Семеныч! — Лазарев скосил глаза на нас. — У меня причина на то есть...

Я почувствовал, что ему неловко, и сказал Игорю:

— Давай займемся приемником.

Мы отошли к окну, но невольно прислушивались к разговору за столом.

— Ну и у парня причина была, — закуривая, спокойно говорил Павел. — На Чукотку спасать челюскинцев... Вон ребята-то знают. Ты скажи мне, Василий, хочешь настоящим металлистом стать? Например, токарем, а?

— Что вы, Павел Семеныч! Смеетесь! Когда я смотрю, какие вы вещички на станке работаете, у меня аж нутро жжет.

— Завидуешь?

— Завидую. Только не суметь мне этого!

— Почему же?

— Вы у нас знаменитый человек на заводе, первый токарь механического цеха, а я что... Прямо от плуга.

Павел расстегнул воротник рубахи, сгреб руку Василия и просунул ее за рубашку к лопатке:

— Чуешь? Рубец на спине. А под ним, внутри — пуля-стервятка. Колчаковец засадил, не вытащишь... Так вот, я с гражданки прямо на завод подался. Пять лет грузы таскал, как ты. А потом — в токаря. Понял?

— Понять-то понял, да ведь семья подмоги требует, Павел Семеныч. Ваньку в люди выводить надо.

— Вот упрямый человек! — уже горячился брат. — Понимаю, что из грузчиков в ученики переходить не денежно. Да ведь я сам учить тебя стану, как когда-то меня Петрович. — Павел встал и прошелся по комнате. — Слыхал о Петровиче? Старик такой у нас в цехе. Бывший токарь. Когда-то с нашим отцом на сходки хаживал...

Пока у Лазарева с Павлом шел этот разговор, мы с Игорем все возились с приемником. Я еще раз проверил батарею, схему присоединения аппаратуры. Все, кажется, было на месте.

— А ну, попробуем! — предложил я Игорю.

Установив приемник на табурете, мы присоединили к клеммам антенну, потом «землю» — кусок ржавой проволоки, уходящей наружу сквозь отверстие в оконных рамах, — и, волнуясь, принялись за настройку. Игорь то и дело смахивал со лба пот, щупал руками обмотку, проводнички, зажимы. Но двухламповый молчал.

— Чего ты расстраиваешься? — стал я успокаивать Игоря. — Сходим к Максиму Петровичу, он поможет.

— Максим-то Петрович сделает, а вот мы, безрукие, не смогли. Плохие мы радисты! Эх, Лешка, какая мысль у меня была!

— Ну, какая?

— Да что уж теперь... Думаешь, почему у Вовки не получилось с Чукоткой? Действовал без подготовки. А вот мы приемник собирали...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Лешка, — шепотом заговорил Игорь, — нам с тобой скоро по семнадцати. Кончим девятилетку. А что делать дальше?

— Пойду работать, — ответил я просто. — На иждивении брата сидеть не хочу.

— А мне что?

— Смотри сам, у тебя дела получше: отец профессор... И мать есть.

— А я тоже не собираюсь на отцовской шее сидеть. Ясно? Давай, Лешка, двинем радистами на полярную станцию!

— Куда, куда?

Да, попал Игорь в самую точку... Я от неожиданности не мог больше сказать ни слова.

— Ребята, чай пить! — Зина с пыхтящим самоваром в руках стояла рядом с нами.

Самовар, купленный еще когда-то отцом, был как бы фамильной драгоценностью и ставился по особо праздничным дням. Пузатенький, сияющий затейливыми узорами на своих потертых боках, самовар стоял посередине стола, посвистывая, попыхивая парóчком.

Медные бока его блестели, и мы с Игорем не без интереса смотрели на наши искаженные самоваром изображения.

«Значит, согласен?» — прочитал я на отраженном в самоваре лице Игоря.

Я надул щеки и закивал головой. И вдруг между нашими лицами мы увидели нахмуренное лицо Зины.

— Ну, говорите, говорите, куда собрались.

Наши лица вытянулись. Игорь спрятался за самовар и из-за него выпалил:

— Ну и скажем! На Чукотку, радистами.

Крышечка чайника, которую Зина придерживала рукой, наливая заварку, упала и звонко покатилась по полу. Игорь уткнулся подбородком в стакан.

— Исподтишка хотели, как ваш Рябинин? — повысила голос Зина. — Тайком, значит, от родного брата? Нечего сказать, вырастили...

Голос Зины осекся и, закрыв глаза кончиком косынки, лежавшей у нее на плечах, она вышла из-за стола.

Наступило неловкое молчание.

— Куда же вы собрались? — строго спросил Павел.

— На полярную станцию... Да не сейчас... — пытался выкрутиться я.

— Нет уж, — снова закричала Зина. — Я им покажу Чукотку! Ремнем по одному месту!

— Тише, ты! — косясь на молчаливого Лазарева, сказал брат. — Ох, неспроста, выходит, эти лыжи! Думал, озорство одно. — Он встал, прошелся по комнате. — Ну что же, хорошо... Не маленькие, пусть решают сами.

Павел, походив, остановился возле меня:

— Видишь ли, Алексей, отец, отправляясь в девятнадцатом на Колчака, давал мне наказ определить тебя по литейному делу, на инженера выучить. А ты, вишь, радистом на Север захотел... Запретить не могу, иди, куда душа зовет. Одного не пойму: как случилось, что завод, который вскормил всех Рубцовых, не близок и не дорог тебе? Нет, не пойму я этого!

Глава четвертая

ЧТО ДОНЕСЛИ РАДИОВОЛНЫ

О-го-го! Победитель пожаловал! — Андрей Маклаков сидел развалясь за партой, с ухмылочкой поглаживая квадратный ершик волос своего великолепного «бокса». Ворот его рубахи под бостоновым пиджаком, как всегда, был расстегнут. — Тут по тебе все белугой ревели, — продолжал своим баском Недоросль. — И я, и еще кое-кто... и даже Филипп Могучий!

Филя Романюк, стоявший с Вовкой у карты, повернулся к Маклакову и угрожающе вздохнул.

— А-а! Понимаю! Ну, пожалуйста, пожалуйста! — лениво поднялся Маклаков. — Нужно мне ваше п-полярное общество... как слону боржом! — Сунув руки в карманы, он, раскачиваясь, вышел из класса.

— Иди-ка сюда, Лешка! — подозвал меня Филя. — Погляди на карту.

— Чего глядеть-то, и так известно: циклоны, погода нелетная.

Но все же я подошел, стараясь не глядеть на Вовку.

— «Циклоны»... Заладили одно и то же, как сороки! — сердито сказал Вовка. — А если циклоны еще с месяц просвистят? Ждать ясна солнышка? Нет, какие это летчики? С Уэллена до льдины не могут долететь.

Распахнулась дверь, и в класс стремительно вбежала Тоня.

— Ты чего это, Вовка, своих собак распустил? — набросилась она на Рябинина. — Чуть чулки не порвали!

— А что я им, пастух?

— Хоть бы на дворе оставлял! С целой свитой в школу ходишь!.. Ой, Леша, здравствуй!

— Кому здравствуй, кому палкой по голове! — проворчал Вовка. — Все равно сбегу от вас!

— Опоздал, мальчик, — рассмеялась Тоня. — Пока вы тут у карты геройствуете, челюскинцев начали вывозить.

— Что? Что ты сказала? — Вовка был уже возле Тони.

— Только-только по радио передали. Вывезли с льдины несколько человек.

— Как — вывезли? Кто? — стал допрашивать Вовка.

— «Кто, кто»! Твои летчики! — Тоня отошла от ошеломленного Вовки и тихо спросила меня: — Тебе передали записку?

На уроке немецкого языка, усаживаясь, Вовка вдруг громко сказал:

— Подумаешь, спасли несколько человек. А их сто!

— Ахтунг, ахтунг, геноссе! — добродушно успокаивала Мария Павловна. Волосы ее, затейливо убранные на голове, возвышались монументальной башней. — Сегодня мы с вами займемся...

Но мы ничем не успели заняться. В классе вдруг раздалось собачье повизгивание. Затем послышались удары коготков по крашеному полу, и от парты Недоросля в сторону Марии Павловны побежала косолапенькая Малявка. На хвосте у нее, стоявшем торчком, подрагивал пышный бумажный бант с крупной чернильной надписью: «Полярная собачка В. Рябинина».

Раздался смех. Малявка тем временем добежала до учительницы и с подвизгом тявкнула на нее. Мария Павловна, обомлев, поднялась со стула. Малявка вцепилась ей в платье. Мария Павловна повернулась. Повернулась вместе с ней и собачка. Учительница повернулась еще и еще и закружилась, словно в танце, и вместе с ней кружилась и Малявка.

— Что же это, ребята! — крикнул Филя и выскочил из-за парты.

Но проворней всех оказался Вовка. Он схватил Малявку за загривок и вышвырнул ее за дверь.

Мария Павловна дрожащей рукой поправила свою башню-прическу и вышла из класса.

Ольга Минская, бледная, взволнованная, выскочила вслед за ней, но вернулась.

— Рябинин! Это все из-за тебя! — крикнула она. — Зачем собак привел?

— А я их в класс не запускал! Отвяжись!

— Все равно, твоя собака!

— Привязалась: «твоя, твоя»! Меня же осрамили!

— И верно, — громко сказал Ваня Лазарев, — пусть Маклаков скажет, зачем он это сделал!

— Маклаков, отвечай! — крикнула Ольга.

Маклаков, вытянув ноги, развалившись, сидел за партой и победоносно ухмылялся.

— Встань! — снова крикнула Ольга.

— Ишь, командует! — с той же ухмылкой ответил Маклаков. — Тут не завод, и ты не главный энергетик!

Ольга растерянно глядела на него... Намек был слишком понятен. На красивом смуглом лице ее проступил румянец.

— Маклаков! — с отчаянием выкрикнула она. — Ты вел себя возмутительно, ты окончательно распустился!..

— Ха! Да мне подтянуться, что плюнуть! — Недоросль встал и без стеснения подтянул ремень на брюках.

— Ну, Маклаков, — сказал Филя, — это хамство тебе так не пройдет!

— Ребята, тише! Кто-то за дверью, — предупредила Тоня.

В самом деле, классная дверь как-то странно приоткрылась и снова закрылась.

— Опять Малявка, — засмеялась Чаркина. — Извиняться пришла!

— Кто скребется за дверью? Бр-рысь! — полетело с задних парт.

В это мгновение на пороге класса появился директор школы. Ковборин стоял, заложив руки назад, смотря на нас холодным, презрительным взглядом.

— Хоминес импудентес! — процедил он сквозь зубы и, повернувшись, хлопнул дверью.

Вечером, захватив приемник, я направился в школу. В это время Грачева почти всегда можно было застать в

лаборатории физического кабинета. То он готовил опыт к уроку и ребята помогали ему, то чинил сломанный прибор; иной раз садился с кем-нибудь из нас за шахматную доску. Частенько Максим Петрович занимался, готовясь к сдаче экзаменов за институт. В такие часы ребята молча подходили к дубовому верстаку, стоявшему у окна, и, стараясь не шуметь, принимались за свои дела: одни конструировали механизмы, другие — приборы по электричеству, а кто-то даже ремонтировал настоящий электромотор с пережженной обмоткой.

Максим Петрович... За что мы так любим его? Помню, года три назад в школе пронесся слух, что преподавать физику будет демобилизовавшийся из армии командир-пограничник.

«Был начальником заставы, два ордена. В бою на границе разбил большой отряд самураев... Ранили, и вот пришлось демобилизоваться...» — перешептывались ребята.

А вскоре мы увидели и самого Максима Петровича Грачева. На нем была гимнастерка защитного цвета, темно-синие командирские брюки и до блеска начищенные сапоги. Подтянутый, загорелый, он уверенно вошел в класс, положил на учительский столик книги и, прежде чем назвать себя, улыбнулся — просто, серьезно и чуть задорно, и на наших лицах невольно засветились ответные улыбки.

— Что же это у вас — ни кола ни двора, — пошутил новый учитель, окидывая взглядом пустые стены физического кабинета. — И приборов маловато. Нужна лаборатория!

— А мы не против, — откликнулся кто-то. — И комната подходящая есть, за стеной, только там парты ломаные хранятся.

— Комната? И рядом с классом? Отлично! Есть охотники помочь?

Охотники нашлись.

С того дня и повелась у нас с Максимом Петровичем дружба.

Когда я вошел в лабораторию, Максим Петрович сидел за шахматами с Ваней Лазаревым. Щупленький, вихрастый «чемпион», совсем не похожий на своего брата

Василия, старался держаться спокойно. Но его выдавали глаза, горевшие торжеством: он выжидал очередного хода учителя. Рядом с шахматистами пристроился Игорь.

— Да, «хоминес импудентес», — конечно, обидно... — как будто разговаривая сам с собой, сумрачно произнес учитель и переставил пешку.

— А что это значит? — спросил Ваня. — Мы уж гадали-гадали!

— Я в словаре нашел, — быстро откликнулся Игорь. — «Хоминес» — люди, а это самое «импудентес» — бесстыдные... Значит, получается...

— Ясно, что получается...

— Да уж, видать, очень плохо вели вы себя, если пришлось вас по-латыни ругать!

— Максим Петрович, — заговорил я, — это вышло случайно. Мог же Ковборин разобраться, а он хлопнул дверью, и все. Ольга Минская ходила к нему, извинялась от имени класса.

— Он директор, командир, — неопределенно сказал Максим Петрович, упершись подбородком в кулак. Учитель долго смотрел на шахматную доску: — Ну что ж, пройдемся слоном, — и передвинул фигуру.

Ваня, вздрогнув, схватился за пешку, с недоумением посмотрел на шахматную доску, потом на учителя:

— Это как же так? Мат?

Грачев взъерошил Ванины волосы и молча поднялся со стула.

Мы вместе с ним подошли к верстаку.

— Контурную катушку дома, видать, мотали? — спросил Максим Петрович, сняв стенку приемника.

— Дома, — подтвердил Игорь. — А что, неправильно?

— Неаккуратно... Но дело не в катушке. — Учитель задержал свой взгляд на межламповом трансформаторе: — Конец обмотки у вас к чему припаян?

— К земле.

— А надо?

— К аноду, — смущенно поправился Игорь.

— То-то же! Надо перепаять конец проводничка.

Игорь нагрел паяльник. Подошли Романюк, Вовка, Тоня. Филя подключил наш двухламповый к антенне.

Сев на верстак, Максим Петрович попросил нас по-

молчать и не спеша стал настраивать приемник. Медленно накаливались радиолампы. Из наушников раздались сначала глуховатые хрипы, потом треск, похожий на отдаленные громовые разряды, и вдруг все стихло. Лица ребят замерли в растерянности.

— Что-то испортилось? — встревожилась Тоня.

Но в тот же миг точно ветерок пронес по комнате отдаленные звуки музыки.

— Действует! Действует!

Ребята засуетились, теснее окружили Максима Петровича. Вдруг наушники снова умолкли, но учитель поднял руку, передвинул рычажок, и в наступившей тишине прозвучал знакомый голос диктора сибирской радиостанции:

— ...Внимание трудящихся всего мира в течение многих недель было приковано к героическому отряду полярников, находившихся среди дрейфующих льдов Чукотского моря. Отважные, безгранично преданные нашей стране советские пилоты покорили полярную стихию. Из ледяной пасти, готовой каждую минуту сомкнуться и поглотить смелых людей, они вырвали челюскинцев и доставили их на материк... Советская авиация победила! Все ценные грузы, кинопленка, на которой запечатлены основные моменты плавания «Челюскина» и жизни лагеря, судовой журнал, научные материалы забраны и доставлены на материк. Лагеря челюскинцев в Ледовитом океане больше не существует. Операция по спасению челюскинцев закончена. На льдине реет алый советский флаг!

— Ур-ра! Ур-ра! — зазвучало в лаборатории.

Максим Петрович выключил приемник.

— Ну вот, не сумели бы построить свой двухламповый, не узнали бы... Поздравляю, друзья!

Снова крикнули «ура». Игорь завел разговор о постройке в школе радиоузла. А мне стало грустно, и я отошел к окну, где приткнулся Вовка Рябинин.

— Как же это... лагеря больше не существует?.. — вдруг сказал он и умолк. — Эх, Лешка, Лешка, закрылись лучшие страницы жизни!

Я думал о том же. Вот сейчас, в этот вечер, из школы уходило что-то душевно волновавшее всех нас. И оно, быть может, уже никогда не вернется...

Глава пятая

В СТАРОЙ КАМЕНОЛОМНЕ

Картофельное поле заводских огородников у самой реки. За голубой ангарской ширью — зеленеющие луга с просветами озер, холмы, волнистая синева горизонта...

Оставив лопату, Павел вздыхает:

— Утиная пора, Алеха. Апрель на исходе...

Заметив, что я обгоняю его, брат начинает быстро и сосредоточенно копать, потом, схватив горсть земли, смеется. На ладони у него дождевой червяк.

— Скажи, какое мясо пропадает! Нажива на окуня.

— А ты сегодня веселый, — говорю я.

— На природе, Алеха, всегда хорошо. Только ты не радуйся, я с тобой все равно ругаться буду.

Павел вытаскивает пачку папирос, но его неожиданно схватывает кашель. Отбросив лопату, брат идет к костру.

— Тьфу! Не забывает, стерва, — тычет он пальцем под сердце и, как будто что-то нащупывая в груди, шевелит плечом. — С ней, видно, и в гроб заколотят... Да нет, шалишь. Пуля — не дура, но и мы за так не сдадимся! Иди-ка, Алеха, поговорим...

Присев на корточки, Павел выхватывает из пепла дымящуюся картофелину, бьет по ней кулаком и, взяв в пальцы чашечкой, долго и старательно дует на белоснежную мякоть.

— Слышь-ка, Алеха, говорят, будто нынче десятые классы откроют?

— Читали нам в школе такое решение.

— А ты чего же молчишь?.. Передай соль.

Я передаю соль, беру сучок и копаюсь в горячем пепле.

Картофелина, вытащенная мной, дымится, я не решаюсь разбить ее, как Павел, кулаком.

— Не бойся, не сгоришь, руки-то, поди, не дворянские. Вот так, так. Еще раз ее по макушке. Ну!

А мне уже расхотелось есть...

— Так как же ты решил? — не отступает Павел.

— Работать пойду!

— Слыхал уж! — Брат сердито отшвыривает обугленную кожуру. — Так! Отец неучем век прожил — понятно, не те времена были. Я рано работать пошел поневоле — семья. Ну, а ты-то чего куролесишь? Да и меня еще впутываешь.

— Тебе тоже надо учиться.

— А я не знаю? Гляди, глава семьи выискался!

«Сказать разве ему все начистоту? Будь что будет!» — решаю я.

— Пойми, Павел! — начинаю я. — Учиться в школе стало неинтересно. Со спасением челюскинцев закрылись лучшие страницы жизни.

— Чего, чего? Какие страницы? Ишь ты, как завернул! Подбрось-ка, парень, веток в костер.

Облокотившись о землю, брат вытащил папиросу.

— Говоришь, закрылись лучшие страницы жизни? Ты, выходит, и не рад, что летчики спасли челюскинцев?

— Ну, знаешь!..

— Ладно. Я просто хотел наглядно показать, что дешевая романтика приводит к чепухе, к бессмыслице.

— Там, на Севере, — настоящий труд и романтика настоящая!

— Вот-вот... — задымил папиросой Павел. — А ответь-ка мне, Алеха, на такой вопрос: за что я свое токарное дело люблю? Молчишь? Боишься меня обидеть? Не бойся. Я свою романтику задешево не отдам. — Павел улыбнулся каким-то своим мыслям и продолжал: — Вот я тебе случай расскажу. Подходит как-то к моему станку наш главный конструктор завода — не знаешь — товарищ Чернышев. Уважаемый инженер. Подает мне чертеж и говорит: «Вот, Рубцов, тебе задание: выточить эту деталь. Сделаешь — опытный образец машины войдет в строй, нет — значит, всю технологию перекраивать

заново. Эту штучку не просто сделать, предупреждаю». И я взялся! Два дня и две ночи не отходил от станка. Ну и горячился же я! Одну деталь запорол, другую пришлось еще раз точить. И все же сделал: в машину мою деталь поставили. Народ собрался смотреть. А я места себе не нахожу. «Пойдет, — думаю, — машина или нет?» И машина, Алеха, пошла! В детальке весу-то всего граммов двести, а без нее экая махина — ни с места! Это как понять? Не романтика?

Рассказ брата не тронул меня. Просто не хотелось огорчать его. Я сбивчиво заговорил о рабфаке, куда Павел собирался поступать, и о том, что я уже не маленький и что мне пора начинать самостоятельную жизнь.

— В рабфак я, между прочим, идти раздумал, — ответил Павел.

— Это чтобы я закончил десятый класс?

Павел сделал последнюю затяжку и бросил окурок в костер.

— Нет, решил готовиться в техникум. Как ты считаешь, в течение года осилю за седьмой класс? Без отрыва от станка. Помогать-то станешь?

— Павел!

— Ну, вот и договорились. А ты... ты поучись еще годок в школе — и на индустриальный факультет. А потом хоть на север, хоть на юг езжай. Гляди, на какую стройку страна размахнулась! Вот ты давай в инженеры подавайся, а я в техники. Василий Лазарев когда-то станки по картинкам знал, а теперь, гляди, в токари выходит! А ты заладил: «Кончились лучшие страницы...»

Снова принялись за работу. Рыхлая земля отдавала весенней прелью, легко рассыпалась под лопатой. Камни и стекло мы отбрасывали на межу. Вдруг Павел нагнулся, попытался поднять какой-то предмет, но не смог и подозвал меня.

— Обыкновенное железо. Да еще ржавое... — пожал я плечами.

— А вот и не железо, а чугун! — усмехнулся Павел. — Спица вагонного колеса... Как же ее сюда затащило?

— Нашел, из-за чего ломать голову!

— Чудак, ведь интересно же! — Он громко засмеялся. — Ты иди-ка сруби палку, да потолще, — негромко приказал он.

Когда я вернулся из леска, брат, докопав огород, сидел возле находки.

— Так... Палка подходящая, — повертел он в руках березину. — А теперь прикручивай к ней спицу, вот тебе проволока.

Я молча выполнил его указание.

Пощупав, крепко ли привязано, Павел поднялся, взвалил на плечи лопаты, показал мне глазами на спицу:

— Берись за тот конец, я за этот.

— Куда? Зачем?

— На завод. В вагранку.

— Вот уж ерунда какая! Такую паршивую ржавчину нести по городу! Смеху наделаем и только.

— Да, действительно, не романтика. Просто черный труд!

Подойдя к спице, я со злостью взялся за палку. Молча, стараясь не раскачивать тяжелый груз, мы пошли по полю. Передохнули, снова взялись. Тропинка повела в гору, к Заводской улице. Солнце припекало. Рубаха неприятно прилипла к спине. Заныли руки, ключица. Хотелось бросить проклятый березовый конец, сесть вот тут, на краю дороги, и плакать от злости.

Но брат, молчаливый, строгий, упрямо шагал вперед, и я подчинялся его размеренному шагу.

«Ребят бы не встретить, засмеют», — осмотрелся я при входе на Заводскую улицу.

Но Павел, как нарочно, свернул с тротуара на мостовую и так же размеренно шел, не обращая внимания на взоры любопытных. Вдруг впереди, у магазина, я увидел нарядное платье, знакомое хорошенькое лицо под затейливым зонтиком... Милочка Чаркина! Узнав меня, она сошла с тротуара и крикнула свой «приветик». Меня бросило в жар. Павел усмехнулся и предложил переменить руку. Он и тут не произнес ни слова. И только когда мы пришли на завод к литейному цеху, бросили в общую кучу металла спицу, брат сказал:

— Ну вот, теперь пойдем домой, обедать.

Утром, перед уроком ко мне подошел Андрей Маклаков.

— Что, копеек двадцать вчера подшиб? — спросил он с нагловатой усмешкой.

Я отошел от него, но он снова настиг меня.

— Утилье по дворам собираете? И как, выгодное дельце?

— Уйди, гад! — бросился я на него с кулаками.

— Но, но! — Маклаков загоготал.

Схватившись за борта своего широкого пиджака и махая ими, как крыльями, он пошел разносить новость по школе.

— Что случилось, Алеша? Что это к тебе Недоросль привязался? — удивлялась Тоня, когда мы возвращались домой из школы.

— Да так, ничего, — буркнул я.

— Нет уж, говори, — не отставала она. — Что это за «утилье», какое там у тебя «дельце»?

Пришлось рассказать, как мы с Павлом нашли на огороде чугунную спицу и как Павел заставил нести ее на завод. Конечно, насчет разговора о романтике — ни слова.

Тоня, задумавшись, шла рядом со мной.

— Интересное совпадение. Отец вчера пришел с завода — он там осмотр производил, — говорит, на заводе все без конца твердят о чугуне.

Тонин отец работал в больнице. В городе его хорошо знали. Высокий, могучего телосложения, с черной купеческой бородой, он говорил всегда громко, грубовато, насмешливо. Я побаивался его.

— Знаешь, Леша, пришла мне в голову мысль: устроим воскресник, поможем заводу, а? — Тоня заглянула мне в лицо.

— Капля в море! Павел говорит, что в вагранки ежедневно идет двенадцать тонн. Двенадцать тысяч килограммов! Понимаешь? Из-за этого у меня и спор с братом вышел...

— Нет, Леша, давай все же посоветуемся с ребятами.

Первый, кого мы спросили на следующий день, был Филя. Он тут же произвел подсчет.

— Тонну, две чугуна может собрать каждая школа. В городе, кажись, более тридцати школ... Выходит, пятьдесят тонн, не меньше, можно собрать в один воскресник. А если повторить?

— Вот видишь! — посмотрела на меня Тоня.

На следующей перемене я решил посоветоваться насчет воскресника с Игорем.

— Эх, Лешка, мне не до чугуна!.. Смотри, чем я вчера занимался.

Игорь вынул из парты кусок ватманской бумаги, на котором были начерчены какие-то продолговатые коробки.

— Понимаешь, лыжи... по воде ходить. — Игорь медленно провел пальцем по чертежу. — Видишь два продолговатых каркаса? Они обтягиваются брезентом, потом красятся, становятся непроницаемыми для воды. Вот здесь киль, клапаны. Ремешками я прикрепляю лыжи к ногам и скольжу себе спокойно по воде.

— Ты что это, сам придумал? — с недоверием уставился я на Игоря.

— Это неважно, — со скромной загадочностью ответил Игорь. — Но признайся, дело стоящее! Особенно при переходе со льдины на льдину во время охоты на моржей...

Охота на морского зверя не была для меня злободневным вопросом, и я прервал друга:

— Лыжи лыжами, моржи моржами, но почему ты отказываешься собирать чугун?

— Леша! Друг мой! В воскресенье я начну делать каркасы. Это поважнее!

— Правильно, — вмешался Вовка. — Тоже мне, черепки, обломки собирать! Я думал, ты предложишь лететь на Южный полюс. Очень в нас нуждается завод! Без нас справятся!

— Вовка! — пробасил Филя. — Опять ты с заоблачными мечтами! Вся школа выйдет на воскресник. Впрочем, как хочешь, а я пойду договариваться с Ковбориным.

Из кабинета Ковборина Филя вышел... нет, скажем прямо — вылетел необыкновенно быстро.

— Ну что? — подскочил к нему Вовка.

Филя растерянно вынул из кармана рубахи гребешок и с ожесточением вонзил его в волосы.

— Ясно! Опять латынь! — догадался я.

— И по-русски, и по-латыни, — сокрушенно признался Филя. — По-русски: «Не рекомендую», а по-латыни... Ну, забыл. Лопатос... нет, кульпатос!

— А что такое «кульпатос»? — спросил Игорь.

— А черт его знает! «Тупица» или «идиот», наверно.

— Ах, так! Ну, тогда и я кульпатос! — вскипел Игорь. — Не хотел идти, но пойду.

— А ты, Вовка?

— Ну вас!

— Твое дело! А мы пойдем, — сказал Филя. — Мой братишка Петька рассказывал недавно, что знает места, где лома этого целые завалы!

Из-за горы, где были старые каменоломни, выкатилось яркое, приветливое солнце. Утренний ветерок доносил лесную свежесть. Вдали шумел просыпающийся город.

Тоня смеялась, на ходу осматривая каждого из нас.

— Ты, Лешка, похож на трубочиста, — она дернула меня за рукав старенькой братниной спецовки, — а Игорь — на турецкого дипломата!

— Сама-то уж, — обиделся Игорь, — цыганка не цыганка... Зачем-то и ведра взяла.

Тоня, смеясь, оглядела себя — свой ситцевый сарафан, физкультурные шаровары.

— Это я нарочно, чтобы Филе понравиться!

Домик, где жили Романюки, стоял на самом краю железнодорожного поселка. Выцветший от времени, с покосившимися стенами, он напоминал дремучий пень, вросший в землю. За ветхим забором заливчато лаяла собачонка.

Тоня храбро открыла калитку, и мы вошли. Навстречу нам, отчаянно тявкая, выбежала черная дворняга. В просторном дворе было пусто, из дому тоже никто не показывался.

— Эй, есть тут кто? — крикнул Игорь.

На крыше сарая, стоявшего в глубине двора, сначала показалась вихрастая голова, а потом и весь мальчуган в длинных штанах, рубахе без пояса, в картузе с лакированным козырьком. На груди у него болтался подвязанный на веревочке старенький «цейс» с дырками вместо линз.

— Ну, чего вам? Мать ушла на базар, отец уехал на паровозе, а я занят.

— А ты кто? — улыбаясь, спросила Тоня.

— Петька я.

— Ты Филин брат?

— Ну, брат! Все равно некогда мне: я на наблюдательном пункте, — ответил Петька.

— Ты что же, разведчик или командир? — снова заговорила с ним Тоня.

— Артиллерист я.

— Вот оно что! А где же твое орудие?

Петька, пошвыркивая носом, показал нам на большой глиняный горшок около сарая. Дно лежащего на боку горшка было выломано, из него торчало деревянное дуло.

— Тут и лафет и замок — закрывать снаряды, — объяснил Петька. — А вот панорама куда-то пропала... Эх, была бы у меня настоящая!

— Скажи-ка, какой бравый! — с восхищением поглядел Игорь на Петю. — Молодец! А теперь отвечай: где Филя?

— А вы кто?

— Товарищи Фили, кто же еще.

— А он не велел говорить, — хмуро ответил Петя. — И не скажу.

— Петя! Петенька! — ласково заговорила Тоня. — Он нам очень нужен..

В это время Игорь, обойдя вокруг сарая, поманил нас к щелистой его двери.

— Ребята, поглядите, тут целая обсерватория! Ого, что мы видим!

В самом деле, на дощатом полу сарая высился стол и на нем в треноге — медная трубка. Верхний конец трубки уходил под самую крышу, где зияло отверстие. Возле треноги возился Филипп Романюк. Он оторопел, когда мы все гуськом вошли в сарай.

— Это же телескоп! — заволновался Игорь, заглядывая внутрь трубки. — Кто его делал?

— Мы с отцом, — нехотя откликнулся Филя. — Паровозный машинист он и вот астрономией увлекся... Ну, а я так, помогаю... А что в этом телескопе мудреного? В трубку с обоих концов линзы вставили, и вся недолга.

Сквозь отверстие в крыше виднелся голубой кусочек неба. От дуновения ветерка в сарае шелестела солома, как бы оживляя нехитрую обстановку «обсерватории».

— И ты как же, Филя, — робко спросила Тоня, —

смотришь на небо, изучаешь? Может, звезду неоткрытую найдешь?

— Черти вы этакие! — незлобиво сказал Филя. — Разыскали, проникли, угадали! Что с вами поделаешь! Вот, читайте!

Он достал с полки потрепанный журнал «Вокруг света» и показал небольшую заметку. «Наблюдайте за небом!» — призывал ее заголовок, а под ним рассказывалось об удивительном факте. Двое московских ученых, Паренаго и Кукарин, открыли недавно формулу, позволяющую предсказывать появление на небе новых звезд. Воспользовавшись этой формулой, другие советские ученые предвосхищали появление новой звезды в 1934 году.

— А где, в каком месте? — спросил я, передавая Тоне журнал.

— Вот здесь, — ответил Филя. Он уже открыл «Атлас звездного неба» и вел пальцем по Млечному Пути. — Вот, глядите: созвездие Геркулеса... отойдем немного в сторону... девять звездочек видите?

— Ну? — пожал плечами Игорь. — Ну и что? Чего же их открывать, если они на карте?

— Среди этой группы звезд должна появиться десятая звезда, новая, — терпеливо пояснил Романюк.

— А увидишь ты ее в свою трубку? — Игорь насмешливо покачал головой. — Ученые знаешь какие телескопы имеют!

— Ну, это посмотрим! А сейчас довольно прохлаждаться, — сказал Филя. — Надо дело делать... Петь, слазь с крыши. Покажешь, где чугун лежит.

— Ну еще! Далеко! И некогда мне.

— Слазь, говорю!

Петя спрыгнул с сарая.

— Ближний покажу, а дальний нет, — сказал он.

— Начнем с ближнего, — согласился Романюк-старший.

Напялив поглубже картуз, Петька командирски махнул рукой, и мы вышли на пустырь.

Солнце припекало. Ветер стих. Из кустов багульника пахнуло жарким смолистым ароматом. Вскоре извилистая тропинка привела нас к обрывистому краю заброшенной каменоломни. Петька, сняв картуз, показал вниз:

— Вон торчит железина, видите?

— Чугунная?

— А кто ее знает... Железина!

— И все? — разочарованно спросил Игорь.

— Чего еще вам надо?

— Маловато, — заметил Филя. — Ты же говорил, что железа видимо-невидимо.

— То не здесь, то за горой, — деловито пояснил Петька. — А думаете, эта железина махонькая? Ребята говорят, она из самого центра земли тянется.

— Вот это железина! — серьезно сказала Тоня. — Заводу на сто лет хватит.

Держась за руки, мы стали спускаться с кручи. Под ногами осыпалась земля, падали камни. В одном месте спугнули серо-зеленую змейку, и наш храбрый артиллерист, присмирев, долго поглядывал в сторону, куда она скрылась. Наконец достигли дна каменоломни, заваленного щебнем и глиной, заросшего бурьяном. Несло сыростью, где-то невдалеке журчал ручей... Прямо перед нами торчала из земли Петькина железина. То был обычный рельс, поржавевший от времени.

— Зачем нам эта штуковина? — разочарованно протянул Игорь. — Она стальная, а сталь в вагранку не идет. И возни сколько: откапывать да выволакивать наверх.

Я вспомнил, что на заводе будет пущена электрическая печь для плавки стали. В конце концов, пригодится и рельс.

— Когда-то это еще будет... Да и чем копать? Ни лопат, ни кайл.

— Ерунда! — выкрикнул Петька. Глаза его хитровато блеснули из-под козырька фуражки. — Я с ребятами давно думал откопать эту железину. Инструмент у нас заготовлен! — Он побежал к темневшей невдалеке пещере и притащил кайло с лопатой. — Бежим, там еще есть! — позвал он Тоню.

Игорь, нехотя взявшись за кайло, стал долбить каменистую землю. Я отбрасывал лопатой сырые комки. Тоня с Филей работали ломами. Время шло, а яма углублялась медленно. Игорь вскоре выдохся и, присев на бугор, стал смахивать рукавом пот со лба. Петька, поковыряв немного лопатой, тоже устал и побежал к ручью умываться.

«Стоит ли, в самом деле, из-за какого-то куска стали терять чуть ли не целый день? — подумал я. — Не проще ли пойти в другое место?»

Вдруг мое кайло стало при ударе отскакивать. Я нагнулся, но, кроме рельса, ничего не обнаружил. Тотчас же что-то звякнуло под кайлом у Фили.

— Смотрите! — Тоня разгребла землю руками.

Откопанный конец рельса оказался скрепленным с железной рамой. Торчали проржавевшие заклепки, обод деревянного колеса... Дальше шел грунт. Вскоре на дне ямы показался угол какой-то замысловатой части.

— Ей-ей, «ископаемое», да еще чугунное! — определил Игорь.

— Скорее, скорее! — торопил Петька. — Дайте я сам! Говорю — из центра земли!

— Не вертись под ногами! — отгонял его Филя.

— Я нашел, понятно? Я нашел! — захныкал Петька.

Тоня притянула к себе Петьку:

— Да погоди ты! Успокойся!

Филя, запустив под «ископаемое» лом, приподнял его и, косясь через очки, стал не торопясь, разглядывать:

— Чугунное... Длинное... Пустотелое... Что же это может быть?

— Разве ты не видишь? — закричал изумленный Игорь. — Пушка! Пушка петровских времен!

Перед нами лежал ствол небольшой примитивной пушечки. Толстыми обручами ствол был скреплен с лафетом, сделанным из старых рельсов.

Пушка! Чья она? Как здесь очутилась?

— Отдайте пушку! — заплакал Петька. — Знаете, как она мне нужна...

Тоня погладила Петьку по вихрастой голове:

— Погоди! Мы после решим, кому отдать находку. А пока вот что, Петя. Ты знаешь, где наша школа?

— Еще бы! Я осенью поступаю в первый класс.

— Тогда вот что. Ты же артиллерист, человек военный, выполняй приказ: беги сейчас в школу и скажи завхозу, что мы пушку нашли. Пусть немедленно грузовик присылает с людьми и веревки. Понял?

Петька недоверчиво посмотрел на Тоню, напялил на уши картуз и скрылся в бурьяне.

Глава шестая

ОТКРЫТИЕ ТОНИ КОЧКИНОЙ

На школьный двор пушка была доставлена поздно вечером. Деревянные колеса пушки совсем развалились, и ее примостили у яблони под окнами нашего класса. В тусклом электрическом свете — свет падал на пушку из окон школы — она казалась еще более древней и загадочной.

Мы устали, проголодались, но расходиться по домам не хотелось.

Петька, увивавшийся за нами целый день, оказался хорошим помощником. Он то исчезал, то появлялся снова, с военной точностью выполняя все наши поручения. Нам опять понадобились лопаты, потом обтирочные «концы». Наконец Петька притащил из дому огромную кастрюлю горячих щей.

Поужинав, мы снова принялись за работу. Филя взялся чинить колеса, мы с Тоней соскребали лопатами грязь с лафета, а Игорь обтирал тряпкой ствол.

— Похоже, что пушка петровская, — настаивал Игорь. — Я помню по картинке. А может, ее еще Ермак привез, когда Сибирь покорял? Я такую пушку видел в Москве, в Историческом музее.

— Лафет-то у нашей пушки из рельсов, — заметила Тоня. — А разве при Ермаке или даже при Петре железные дороги были? Истории, Игорек, не знаешь...

— Ну и что? — возразил Игорь. — Лафет-то могли и потом приделать, верно ведь?

— Нет, — ответила Тоня, — не то, не то! — Она

уже, наверно, в пятый раз обходила пушку кругом. — Партизанская это пушка, — внезапно сказала она. — Читала я, что у партизан были свои самодельные пушки.

— Где же партизаны их отливали? В тайге, что ли? — попробовал сострить Игорь.

— Вот и давайте выяснять, где, — спокойно ответила Тоня.

На другой день спозаранок мы снова были у пушки — продолжали счищать с нее грязь, скребли железо изо всех сил...

Возле пушки сгрудились ребята. Некоторые даже забрались на яблоню и глазели на пушку сверху.

Подошел и Вовка Челюскинец.

— Разве так грязь счищают?

— А как?

— Водой надо. Эх, вы!

По всему было заметно — ему неловко и обидно, что не пошел вчера с нами. Он постоял с минуту, потом исчез и появился со старым пожарным шлангом. Размотав шланг, деловито посапывая, стал прикручивать резиновый рукав к торчавшей поблизости водопроводной трубе.

— Помочь ему, что ли?

Но Романюк придержал меня за плечо:

— Не мешай. Ишь, совесть парня мучает...

Наконец шланг был подключен к крану. Вовка, взявшись за брандспойт, направил струю на пушку. Вместе с водяными брызгами полетели кусочки глины, песок, мелкие камешки.

Вмиг возле пушки никого не осталось.

Вдруг откуда-то со стороны подошли к пушке Маклаков и Чаркина. Маклаков — в новом синем костюме, Чаркина — в светлом нарядном платье.

— Вовочка, — с деланным изумлением произнесла Чаркина, — ты что, на войну собираешься?

— Что ты, Милочка! Это он из полярника да и в дворники, — пробасил Маклаков. — Поздравляю! Не та, видно, фортуна!

И тут же струя воды окатила обоих с ног до головы. Милочка, подхватив края платья, бросилась наутек. Маклаков попытался спрятаться за яблоню. Однако и тут

настигла его струя. Тогда мокрый, всклокоченный, Маклаков с кулаками бросился на Вовку. Он вцепился в шланг, но Вовка вывернулся. Они вырывали друг у друга брандспойт, и то один, то другой оказывались под струей воды. Все же Маклаков, более сильный, оттолкнул Вовку и завладел шлангом.

— А, вы все против одного! — С победоносным видом он вскочил на пушку, направляя струю из-под пальца веером то на меня, то на Тоню.

Но в тот же миг деревянное колесо пушки подломилось, и Маклаков плюхнулся в грязную лужу, образовавшуюся возле яблони. Под общий смех он, отряхиваясь, пошел к школе.

— Ну погодите, пушкари! — пригрозил он кулаком на ходу.

А через минуту кто-то крикнул:

— Ковборин! Максим Петрович!

Максим Петрович почти бежал, а директор школы шел не спеша, отмеривал ровные длинные шаги, как всегда заложив руки назад. Что-то недоброе почувствовал я в его уверенной походке. В отдалении плелся Маклаков.

— Любопытная штучка! — сказал Максим Петрович, подойдя вплотную к пушке. — Из таких в гражданскую войну по белякам палили.

— Я же говорила! — воскликнула Тоня. — А можно про пушку точно узнать, кто ее сделал и какой части она была?

— Вероятно,—ответил Максим Петрович, с беспокойством поглядывая на подошедшего Ковборина. — В архиве, должно быть, сохранились документы, воспоминания.

— Очень может быть, — холодно откликнулся Ковборин. — Только школьникам это ни к чему.

Он стоял позади ребят и точно окаменел, глядя на пушку. Я незаметно придвинулся к нему. Впервые в жизни так близко и не через стекла пенсне я увидел его глаза. Округленные, немигающие, они смотрели безжизненно — мне даже стало страшно. Что с ним?

— Владимир Александрович, — обратился к директору школы улыбающийся Грачев, — не кажется ли вам, что эта пушка может дать выстрел?

— Что... что вы сказали? — очнулся Ковборин. — Что вы имеете в виду?

— Многое... Начиная с поисков в архивах, — все так же улыбался наш классный руководитель.

Ковборин, видимо, пришел в себя.

— Вам мало недавних дурацких споров, лыжных дуэлей и попыток бежать на Чукотку? Простите, но я не понимаю вас... Учащийся должен учиться! Завхоз! — крикнул он в сторону школьного гаража. — Немедленно очистить двор от этого хлама!

— Как — хлама? — вспыхнула Тоня. — Это же пушка... Партизанская пушка!

— Партизанская? Откуда вам известно? — сказал Ковборин точно в пустоту. — А может, белогвардейская, а?

Сколько яда было в этих словах!

Тоня, вся пунцовая от волнения, замолчала. А я готов был броситься на него с кулаками.

— Убрать на свалку! — негромко, но жестко повторил директор свой приказ.

Я посмотрел на изменившееся лицо Тони, и мне стало жаль ее...

Что же делать? Как перехитрить Ковборина?

Не знаю, как мне пришла в голову эта счастливая мысль.

— Поручите мне вывезти пушку, — лихо, почти весело сказал я.

Ребята переглянулись. Филя вытащил свой гребешок. У Тони вытянулось лицо.

— Вам? — недоверчиво спросил Ковборин, и я вдруг подумал: «Сейчас латынью обзовет!» — Ну что же, юноша, — усмехнулся Ковборин, — пожалуй, это вам по силам. — Он круто повернулся и пошел к школе.

Что-то обидное скрывалось за последними словами Ковборина, но мне в ту минуту было не до обид.

— Ребята, приходите вечером, поможете! — громко обратился я к товарищам.

— Что ты задумал? — спросила Тоня, когда мы гурьбой пошли в класс.

— Увидишь.

— Улыбнулась пушечка-то! — подмигнул Маклаков.

Никто не отозвался на эти слова.

В большую перемену я побежал на завод к Павлу.

...Ровно в девять часов вечера за дощатым забором

школьного двора раздался протяжный и сиплый гудок грузовика. Филя и Тоня открыли ворота. Сверкнули фары, шум мотора стал яснее и громче. Но сидел ли кто в кабине рядом с шофером?

— Сюда, сюда подкатывай! — крикнула Милочка.

Грузовик подошел вплотную к яблоне, где стояла наша пушка. Щелкнула дверца кабины, и из нее выпрыгнул... Василий Лазарев. На сердце у меня отлегло. Все идет так, как задумано.

— Откуда вы? — осведомился у Лазарева Ковборин. Он вышел на шум из своей квартиры при школе.

— С завода. Тут у вас металлолом, говорят, есть.

— Есть, есть, молодой человек!

Вежливо и деловито попросив у Ковборина веревку и доски, Лазарев стал командовать погрузкой. Мы с трудом затащили пушку на площадку грузовика.

— Вася, — приставал к Лазареву-старшему Лазарев-младший, — верно, на переплавку?

— Отстань! — тихонько отозвался Василий. — Тут, паря, ход конем!

Пушка наконец была погружена. Филя, я и Вовка прыгнули в кузов. Василий, усевшись рядом с шофером, свистнул, и грузовик, обдав ребят бензинным перегаром, рванулся к воротам.

— Налево, налево сворачивай! — начальнически крикнул Маклаков.

— Можно и налево, — высунулось из кабины хитроватое лицо Василия.

Грузовик быстро помчался, петляя по темным улочкам города.

Шли дни. Уже давно над городом пролетели караваны уток, отгремели далекие охотничьи залпы, и моя длинностволая бердана снова покоилась за шкафом. В раскрытые настежь окна сползала густая летняя теплынь. Кружа голову, она тянула в поле, на реку...

— Ты, парень, поменьше бы в окошко заглядывал, — покрикивала на меня Зина. — Испытания ведь... За девятый класс.

— Знаю, не маленький! — склонялся я над учебниками. А сам не в силах был отогнать назойливые думы.

К хорошо известному чувству тревоги — как-то пройдут экзамены! — примешивалось какое-то смутное, безотчетное беспокойство. Наконец я понял из-за чего. Пушка! Да, пушка! Спрятав ее, мы как бы бросили негласный вызов тому, кто приклеил ей ярлык «белогвардейская»... А что мы сами знали о нашей пушке? Вдруг из нее и вправду стрелял бандит-каратель?

По ночам, когда небо тревожилось заревом лесных пожаров и в окно влетал тягучий запах гари, воображение рисовало самые невероятные картины. Вот о нашей проделке узнает Ковборин. Возьмет да и сообщит, скажем, в уголовный розыск. «Зачем спрятали пушку?» — спросят. «Не увозить же ее было на свалку». — «Да, но можно было на завод, в вагранку». — «Правильно. Мы так и хотели». — «Директор вам ясно сказал, что она принадлежала карателям. Это доказано, вот свидетели...»

Однажды, когда я чуть не в десятый раз представил себе эту картину, Павел как бы невзначай спросил меня:

— Слышал я, будто ваш Маклаков в гараж ходил.

— В какой гараж?

— Да в наш, заводской. Искал того шофера, что пушку вашу отвозил... К чему бы это?

Вот, вот, начинается...

Чего добивался Маклаков, сказать трудно. Последнее время он неожиданно подобрел и даже разговаривал с Вовкой. Разнюхал? Разузнал про нашу тайну? Может быть, пушки в том месте уже не было?

Всю ночь я не мог заснуть. Как только пропели петухи и рассвело, я вышел из дому. Утренний холодок ободрил, я ускорил шаг.

Вот знакомая улочка, погруженная в сонливую тишину. В разрыве между домишками — длинный забор, в нем — меченая доска. Стоит ее отвернуть — и открывается нутро сарая, примыкающего вплотную к забору.

Метку на заборе я нашел без труда, огляделся, прилег. Все, кажется, шло, как и в те разы, когда подходила моя очередь проведывать пушку. Я взялся за нижний конец доски, потянул на себя, и вдруг в сарае послышались шорохи. Меня бросило в жар: «Кто-то есть!» Затаив дыхание, я прислушался... На другой стороне улицы по-утреннему задорно пропел петух. Золотистый луч солнца коснулся столбика забора. «Не век же лежать

тут», — решил я и снова потянул доску. Зашуршала бумага, в которую была упрятана пушка, но тут же все стихло. Я вгляделся в открывшуюся мне темноту сарая. Вот вырисовывается краешек брезента, которым мы прикрыли лафет. Брезент на том же месте, значит, и пушка должна быть здесь. Но что это? Я всмотрелся пристальней и среди вороха старых вещей, принесенных в сарай с клубной сцены для маскировки пушки, увидел неподвижный человеческий силуэт. Я окаменел, как и тот неизвестный... Когда прошел шум в ушах и я овладел собой, я опустил конец доски и поднялся. Надо было немедленно предупредить ребят.

В доме Русановых еще спали. Однако на мой стук из приоткрытой двери показалась седенькая бородка Виталия Львовича, отца Игоря. У профессора было твердое правило вставать рано поутру. Оказалось, что Игорь тоже давно уже встал (у него, впрочем, такого правила не было) и ушел испытывать свои водяные лыжи на Ангарскую протоку. «Нашел время для опытов!» — подосадовал я и, не теряя времени, отправился на реку.

Мне по-прежнему не верилось, что из сумасбродной затеи Игоря может получиться толк. Однако то, что я увидел, отвлекло меня на короткое время от неприятных мыслей. Игорь проводил свои опыты в мелкой и тихой заводи Ангары. Стоя на длинных коробчатых поплавках, окрашенных в зеленоватый цвет, очень похожих на те, что значились у него в чертеже, Игорь пытался раскатиться по воде. Но получилось у него это плохо. Лыжи, напоминающие обрубки шпал, подвертывались или расходились в стороны, и изобретателю приходилось принимать самые невообразимые позы, чтобы как-то сохранить равновесие.

Увидев меня, Игорь хотел было сделать молодцеватый шаг, но чуть не нырнул в воду.

— Ну как? — спросил он, приставая к берегу. Лицо его горело — от возбуждения и от затраченных усилий.

— Молодец! — ответил я, придерживая Игоря за весло. — Только вылазь быстрее, дело есть...

Но Игорь не слушал меня. Отстегивая на ногах ремешки, он не переставал говорить про лыжи.

— Суть в том, Лешка, чтобы на таких лыжах можно было действительно ходить по воде. — Он не торопясь вытер лицо платком, потом прыгнул на берег, не обра-

щая никакого внимания на мое нетерпение. — Захотел путешествовать по Байкалу, надел лыжи и шагай!

— У меня же к тебе спешное дело, — уже сердясь снова начал я.

— Погоди, Лешка!.. А хорошо, что я испытываю лыжи утром, никто не видит.

— Черт бы побрал тебя и твои лыжи! — заорал я. — Наша пушка в опасности! — И рассказал присмиревшему изобретателю о том, что я видел в сарае.

— Шорохи были сильные? — спросил Игорь, присаживаясь на кончик лыжи.

— Подходящие.

— А визг?

— Какой визг?

— Ну, крысиный, — пояснил он, счищая щепочкой с брюк пятна зеленой краски.

— Ты обалдел от своих лыж или смеешься? Я же говорю, что там был человек. Понимаешь, человек! Все пропало!

— Человек! — Игорь почему-то ухмыльнулся. — Он справа стоял или с другой стороны, твой человек?

— Справа.

— И смотрел прямо на тебя?

— Прямо.

— И на меня также смотрел, — не проявляя никакого беспокойства, сказал Игорь. — Это Аполлон Бельведерский с отломанным носом. Его выбросили из клуба, а я подобрал и перетащил в сарай... Вроде пугала для таких, как ты.

— Что? — упавшим голосом спросил я. — Ну да...

— Вот те «ну да»!

— А шорохи?

— Шорохи крысиные. Тоже лично установил. Во время дежурства. А вообще, сказал бы я тебе и Кочке...

— Что сказал бы? — насторожился я.

— С ума вы сошли с этой пушкой! Кочка всю пыль из папок в архиве вытрясла. Максим Петрович, наверно, ради шутки помянул этот архив, а она всерьез взялась.

— Ну и что же, правильно! Ведь партизанская пушка?

— А Ковборин что сказал, слышал? Нет уж, лучше своими лыжами буду заниматься — дело верное.

— А с пушкой как же?

— Ее на переплав, в вагранку. И хватит в детские игры играть.

— Ты... ты предатель! — сказал я и пошел прочь.

Обернувшись назад, я увидел, как Игорь вскочил, подхватил под руки лыжи и торопливо поволок их по гальке, стараясь догнать меня. А я шел и злился: на Игоря, на себя, на Аполлона Бельведерского с отбитым носом.

Дошли молча до косогора, тропинка повела вверх. И тут почти над головой раздался знакомый радостный голос:

— А-ле-ша! И-горь!

Тоня стояла на краю косогора и махала нам папкой, с которой ходила в архив.

— Ой, молодцы-то вы какие, что я вас нашла! — Тоня выхватила у Игоря лыжину и, выбежав вперед, заторопила: — Подымайтесь быстрее, я вам что-то скажу! Хотела увидеть вас в школе, да вспомнила, что мы уже распущены на экзамены.

Мы вскарабкались наверх. Тоня уселась на лыжину.

— Глядите! — раскрыла она папку.

Перед нами лежало два листка бумаги. На первом из них был нарисован круг с условно обозначенными деревьями, в центре него — кружочек с черточкой, а пониже кружка стояла подпись: «Наводчик Степан Зотов». Второй листок был копией какого-то документа.

— Читай, читай! — уставилась на меня горящими глазами Тоня.

Я взял листок. Документ был короткий, всего из нескольких фраз: «Удостоверение. Настоящее выдано Степану Ивановичу Зотову из поселка Удыль. Товарищ Зотов избран делегатом на партизанский слет». Тоня скопировала неразборчивую подпись и дату: «1925 год». Сбоку приписка: «Зотов на слет не явился по причине безнадежного заболевания. Сдано в архив».

Перечитав еще раз удостоверение с припиской, я перевел взгляд на первый листок.

— Не понимаешь? — спросила Тоня. — Это тоже копия с какой-то военной карты. Меня привлекла фамилия наводчика и условный кружок с черточкой.

— Пушка?

Игорь взял листок у меня из рук.

— Да, так обозначают пушки.

— Ну вот, — обрадовалась Тоня. — А фамилия в документах одна: «Зотов». Вот мне и пришла в голову мысль: «Не из нашей ли пушки стрелял этот Зотов?»

— Гениально! — усмехнулся Игорь. — А может, Ковборин?

— Да не поясничай, Игорь! Честное слово, тут есть какая-то связь. — Тоня прижала к груди листки и задумалась. — Карта, с которой я рисовала этот круг, была очень старая, затертая. Но мне показалось... Вот посмотрите... Нечестно, но я утащила на часок.

Склонившись над картой, мы стали внимательно вглядываться в еле заметные извилины речушек, очертаний гор, но ничего понять не могли. Даже надпись на этой истрепанной, выцветшей от времени карте и та была неясной. «Полковая карта» — только-то и значилось вверху справа.

В одном из своих карманов Игорь, ко всеобщей нашей радости, обнаружил лупу. Но и лупа не помогла. Четко выделялся нажим цветного карандаша, обозначивший позицию пушки, но что это был за район, яснее не стало.

— Да, на каменоломню не похоже, — почесал затылок Игорь и сочувственно взглянул на Тоню.

Она молчала, теребя тонкими пальцами краешек карты.

— А ну, пошли к нашей пушке! — сказал я.

Мы шли, и все трое, задумавшись, молчали.

Да, со времени того партизанского слета прошло почти десять лет. Зотов, по свидетельству надписи на документе, еще тогда был «безнадежно болен», и не зря его удостоверение сдали в архив...

Вот и знакомая улочка, погруженная в сонливую тишину. Длинный забор, в нем — меченая доска. Вот и полуразрушенный сарай, и в нем под ворохом бумаги и брезентом — наша пушка. Мы пролезли в сарай и сели рядом с пушкой.

— Где все же этот поселок Удыль? — спросила вдруг Тоня.

— Удыль? — переспросил Игорь. — На восточном побережье Байкала.

По Тониному лицу пробежала озорная улыбка. Она вынула из кармашка своей клетчатой блузки карандаш, коснулась кончиком карандаша карты — названия «Сибирск» — и медленно повела отточенное острие вверх по Ангаре. Дойдя до истока реки, карандаш прошел влево по побережью, задержался на какой-то миг и быстро пересек озеро.

— Как видите, выход есть!

— Отправиться в гости к Зотову? — уже что-то прикидывая в уме, спросил Игорь.

— Но ведь его, может, и в живых нет? — заметил я.

— Есть, наверно, родственники, знакомые. Ребята! — сказала Тоня. — Сдадим экзамены и едем! В поход по следам истории. А командиром — Максима Петровича!

— Что ж, — согласился Игорь, — в поход так в поход! Я не зря лыжи насаливал... На Байкале их проверю!

Глава седьмая

«ПРОСПРЯГАЙТЕ ГЛАГОЛ «ФАРЕН»

Заботы о предстоящем путешествии на Байкал не покидали нас ни на один день...

— Подумаешь, переводные испытания! Сдадим! — бодро твердил Вовка.

Узнав о походе на лодке, он тут же согласился ехать, даже не моргнув глазом.

— Ты же в экспедицию собирался... На Север! — добродушно посмеивался Филя.

— Хо-хо! — Вовка сунул руки в карманы брюк. — Вспомнила бабушка девичий век! Уж неделя, как мне пришла резолюция. Отказали за малолетством.

Разговор этот шел вечером на лавочке возле дома Романюков. Посматривая в сторону каменоломни, Игорь удивлялся

— Смотри, как заварилось! Начали с чугунного лома, а поплывем на Байкал.

— Так уж и поплыли! — грустно-насмешливо сказала Тоня. — Ты же, например, насчет лодки совершенно не беспокоишься...

Да, лодка — главная наша забота. Покупать новую дорого, да и нет денег. Недавно мы решили просить о помощи отца Игоря, профессора-зверовода. У него на Байкале, на Мысовой, в клетках соболи. Туда он выезжает каждое лето на моторной лодке. Почему бы ему не взять с собой нас?

— Ну, чего молчишь? — затеребила Игоря Тоня. — С отцом говорил?

— Да ладно тебе! Говорю, лодка будет, — почти рассердился Игорь. — Дайте только экзамены сдать. Эх, скорее бы!

И вот позади математика, литература, химия... Остался последний...

Преподавательница немецкого языка Мария Павловна сегодня наряднее, чем обычно, и очень довольная.

— Зер гут, зер гут, геноссен! — похваливает она Ольгу Минскую, Тоню, Филю...

С Вовкой же получился конфуз — схватил «удочку»! Челюскинец, не смущаясь, признался, что он был занят подготовкой к походу на Байкал. Игорь только что получил «отлично» и не мог уже сидеть спокойно.

— Отец моторку дает. Ясно? — зашептал он мне на ухо. — Но, понимаешь, крупная неприятность... Ковборин запретил Максиму Петровичу ехать с нами.

— Ковборин узнал о пушке? — заволновался я.

— Да нет! Тогда бы нам совсем крышка. Просто запретил ехать в поход, а Максим Петрович сказал, что он все равно поедет. В учительской кру-упный разговор вышел.

— Вот так дело! — Я даже забыл, что меня вот-вот может вызвать Мария Павловна.

— Это еще не все, — шептал Игорь. — Максим Петрович сможет поехать только в июле, у него же государственные экзамены за институт... А отец едет раньше.

— Вот черт!

Мария Павловна взглянула на нас, нахмурила брови:

— Чаркина!

Мила быстро поднялась, по привычке прихорашиваясь.

— Прочтите вслух и переведите отрывок «Айнзаме киндер».

Игорь замолчал. Он настороженно следил за Чаркиной. Она, бледная, быстро листала страницы учебника и одновременно едва слышно шептала что-то Ольге Минской. Но та сидела как каменная.

— Ин ден штрассе фон Парис конте ман офт айнен

кляйнен юнген... — читала по складам Чаркина и все время косилась на Ольгу.

Лицо у Ольги пошло пятнами, но она не шевельнулась. Тогда Мила не нашла ничего иного, как пойти на рискованный, но единственно возможный в ее положении выход. Через три парты за ней сидел Филя. Филя уж безусловно знал перевод, но, как было всем известно, не выносил шпаргалок. Бросив на Романюка умоляющий взгляд, Мила быстро написала что-то на клочке бумаги и, ухитрившись привязать бумажку к нитке, ловко подкинула к ногам Романюка — и все это время продолжала читать.

Но «неподкупный» остался верен себе. Он с равнодушным видом поднял записку и, прочитав, порвал ее.

— Вот черт очкастый! — возмущенно заерзал Игорь. — Ортодокс! Человек засыпается, а у него и сердце не дрожит!

Игорь с необыкновенной быстротой вынул из кармана авторучку, написал на листочке перевод, подтянул ногой нитку и, привязав к ней свернутую в трубочку шпаргалку, бросил на пол.

И тут началась потеха... Из узкого прохода между партами послышался непривычный шелест — это Мила левой рукой с воровским видом тянула на ниточке бумажку. Класс затаил дыхание.

Между тем непривычная тишина и подозрительный звук заставил Марию Павловну насторожиться. Не сходя со своего стула, она внимательно огляделась, как бы спрашивая себя, что случилось, и вдруг увидела... между партами что-то ползло!

Щуря близорукие глаза, Мария Павловна с любопытством уставилась на белый комочек. Она не успела понять, в чем дело, как в классе раздался оглушительный крик Вовки: «Брысь, противная!» — и белый комочек мгновенно исчез. В классе поднялся смех. Когда шум утих, Вовка объяснил учительнице:

— Это, геноссин лерерин, крыса-альбинос. Повыпускали их юннаты, они теперь и бегают.

— Альбинос? Крыса? — переспросила растерянно Мария Павловна. — Знаю, знаю, по-немецки «албине ратте». — Поправив свою прическу, она снова засияла улыбкой и стала слушать бойкий ответ ученицы.

Предложив Миле еще два-три нетрудных вопроса, учительница сказала: «Генуг, довольно», — и вывела отметку.

Сидящий за первым столиком Вовка провел рукой по волосам, показывая четыре растопыренных пальца. Это означало, что за ответ Чаркиной поставлено «хорошо». Улыбающаяся Мила посылала благодарные взгляды Игорю.

Последним вызвали Андрея Маклакова. Он заглядывал в учебник и судорожно выдавливал из себя каждое слово.

— Геноссе Маклаков! Вы читаете, как ученик первого класса!

— А я всегда так читаю, — невозмутимо отвечал Маклаков.

— Но это же зер шлехт! Очень плохо.

— Что поделаешь, как могу!

— Ну хорошо, хорошо! — поморщилась Мария Павловна. — Назовите предлоги, управляющие аккузативом и дативом, то есть винительным и дательным падежами.

Маклаков замялся.

— Цвишен, цвишен! Унтер! — раздалось позади Маклакова.

Беспомощно ловя руками воздух, Андрей покорно повторил:

— Цвишен... унтер...

— Ну, а еще какие? — не отступала Мария Павловна.

— Фор! Фор!.. — несся шепот.

— Фор! — тяжело выдохнул Маклаков.

— А еще? — тянула учительница. — Отвечайте смелее!

— Небен, небен! — нарастал шепот, в котором трудно было что-нибудь разобрать.

— Ну, пожалуйста! — просила Мария Павловна.

— Небен, небен! — старалась Милочка.

— Ой, что же это у нас творится! — посмотрел на меня Игорь. — А вдруг Ковборин зайдет? Помнишь, как тогда на собрание.

— Маклаков сам виноват!

— Леший с ним, лишь бы директор не нагрянул. Небен, небен, — громко защептал Игорь.

Я потянул его за рукав:

— Знаешь что, помолчи! Милочке помогай сколько хочешь, но этому дубине...

Игорь вспыхнул:

— А ты знаешь, что Маклаков становится лучше? Ты заметил, как он последнее время ведет себя с нами? Исправляться стал парень!

— Сказанул...

— Небен, небен, чтоб тебя... — подключился Игорь к общему хору.

— Мебель! — решившись наконец, брякнул Маклаков.

— Вас ист дас? Что с вами! — развела руками Мария Павловна. — Да вы же ничего не знаете! Садитесь! Зер шлехт! — взявшись за ручку, она стала выводить отметку.

Над головой Вовки промелькнули два пальца. Все умолкли.

— Что же это, Маклаков, — кивнула своей прической Мария Павловна, — неужели я вас ничему не научила? Как нехорошо!

— Он готовится в поход! — крикнула Чаркина. — На Байкал!

— На Байкал? Это правда, геноссе Маклаков? — удивилась Мария Павловна.

— Совершенно точно, — переступил с ноги на ногу Недоросль.

— Это, конечно, похвально. — Смущенная неожиданным оборотом дела, Мария Павловна растерянно поправила свою башню-прическу и тихо произнесла: — Маклаков! Проспрягайте глагол «фарен» — ехать.

Недоросль чуть не подпрыгнул от радости. К нашему удивлению, а может, и к собственному, он знал этот глагол! Рука учительницы снова потянулась к журналу, и над головой Вовки показалось три пальца.

Тут уж и Игорь с негодованием посмотрел на Маклакова. А я даже глядеть не мог, до того было противно.

— Эх ты, чем заработал отметку! — сказал я Маклакову, когда после экзаменов мы выходили из класса.

— А что, разве я не еду? Я еду — я фарен! — развязно ответил Маклаков. — Попробуйте не взять.

— Вот тебе! — Игорь смастерил фигу из трех пальцев. — Видел Байкал?

— Но-но, поосторожней! — ощерился вдруг Недоросль. — Вы ведь все в моих руках... Знаю, где пушечку-то храните!

Меня точно стукнули по голове:

— Что ты сказал?

— То, что слышал! Так что выбирайте одно из двух...

И Маклаков ужом проскользнул между нами и выскочил в коридор.

Глава восьмая

КУРС НА БАЙКАЛ

Хорошо на берегу Ангары в жаркий летний полдень! Гладь реки голубая, струистая. Если зажмурить глаза и долго смотреть на поверхность воды, облитую солнцем, кажется, что над водой, повиснув в воздухе, кружится бесчисленное множество спиральных хрусталиков. Веет прохладой и каким-то особым ангарским ароматом, его не вдыхаешь, а словно пьешь...

Возле берега, где помельче, бродят мальчишки, засучив до коленок штаны. В руке у каждого самодельная острога, палка с прикрученной на конце столовой вилкой. Высмотрев в прозрачной воде крупный камень, рыболов осторожно переваливает его набок и вонзает вилку в широколобку, притаившуюся на дне. Широколобки — смешные коротенькие рыбешки с головами, как картофелина. Смешные и мальчишки — вихрастые, увлеченные охотой. Но в ангарской воде долго не пробудешь, босые ноги быстро коченеют, и поэтому мальчишки, бросая свои «остроги», с гиканьем кидаются в горячие кучи песка у подножия косогора и подолгу там барахтаются.

К речному аромату примешивается запах вара — где-то поблизости смолят лодки. Стремительно плывут вырвавшиеся из плотов одиночные бревна. Вдали за островами вьется черный дымок парохода.

Мы сидим с Тоней рядом у самого края воды. Она в летнем ситцевом платье, на плечах у нее голубая косынка. Обхватив руками колени, Тоня кусает кончик косын-

ки и молчит. А я бросаю камни в плывущее мимо бревно. Тоня поворачивается ко мне и долго с укором смотрит:

— Хоть бы сказал что-нибудь на прощанье!

Невдалеке от нас приткнулась к берегу моторная лодка. На корме ее орудуют Игорь и Вовка. Они в трусах, майках-безрукавках. Из-за наваленного в лодке багажа видна соломенная шляпа — это отец Игоря.

Виталий Львович беседует со своим закадычным другом доктором Кочкиным. Отец Тони, длиннобородый, рослый, подбоченившись, стоит на берегу. Он в белой чесучевой рубахе, перехваченной крученым пояском, в свободных, как шаровары, брюках, чуть свисающих на голенища сияющих блеском сапог. От всей его фигуры веет спокойствием и какой-то богатырской силой. Может быть, глядя на синеву речного простора, доктор вспоминает свою юность, когда он служил грузчиком на ангарских пристанях...

Виталий Львович маленький, суховатый; он часто вскакивает и нервно глядит на косогор — опаздывает помощник.

Кто он, мы не знаем.

— Почему ты молчишь? — снова спрашивает меня Тоня.

— А что говорить? Столько времени просидеть в архиве, найти следы партизана Зотова и отказаться ехать с нами? Где логика? Доплыли бы с Виталием Львовичем до питомника на Байкале, занялись бы подготовкой к походу... Тем временем после своих экзаменов подоспел бы и Максим Петрович. В чем дело, Тоня?

— Леша, милый, не могу я сейчас ехать!

— Почему? Говорят, тебя опять видели в этом архиве. Что там еще?

Брови у Тони чуть сходятся:

— Не спрашивай, Леша, не скажу...

— Ну что ж, раз у тебя секреты от меня...

Я порывисто встаю и иду к лодке.

Игорь с Вовкой уже перестали возиться с мотором и, лениво развалившись на корме, выжидающе посматривают на Виталия Львовича.

— Папа, где же твой помощник? Целый час ждем его! — не выдержал Игорь.

— Шут его знает! Придется, вероятно, самому мышей ловить! — Виталий Львович торопливо вышел из лодки и снова уставился на верх косогора.

Речь идет, разумеется, не о комнатных мышах, а о лесных — для кормления соболят.

— Каждое лето беру себе в помощники кого-нибудь из ребят, — продолжал Виталий Львович. — Тайга... Байкал... Для них это развлечение и в то же время труд. Правда, ловить мышей мог бы и мой сын, но у него другие интересы. Что поделаешь?

— А кто ваш помощник? — поинтересовался доктор.

— А я, признаюсь, и в глаза его не видал. Зашла ко мне на кафедру одна почтенная дама и предложила услуги своего сына. Уверяла, что он трудолюбивый, скромный... — Профессор пожал плечами и снова уставился на косогор.

Время тянулось томительно и скучно. Незаметно для себя я тоже начинал сердиться на добродушного Виталия Львовича. Из-за его оплошности придется, может быть, отложить сегодняшний выезд.

Но вдруг профессор оживился и приветственно взмахнул шляпой:

— Ну вот, наконец-то! Они!

Сердце мое захолодело. По тропинке, ведущей прямо к нашей лодке, шествовал Андрей Маклаков в сопровождении полной нарядной женщины. Виталий Львович пошел им навстречу.

— Вот так сюрприз! — оторопело посмотрел на меня Игорь. — Как же это получилось?

— Хитер! — сплюнул Вовка.

Доктор заметил наше замешательство:

— Знакомый?

— Еще бы... Недоросль! Маклаков!

— Это не тот, о котором ты мне рассказывала, Тоня? — спросил Кочкин.

— Он самый, папочка! — Тоня решительно встала и подошла к нам. — Нет, вы посмотрите, как он вырядился!

Андрей был разодет, как иностранный турист: клетчатые брюки «гольф», на голове ковбойская шляпа, за спиной рюкзак, в руках камышовая трость.

— Такой мышей ловить не станет, — усмехнулся доктор.

Виталий Львович внимательно, даже с некоторым удивлением оглядел Маклакова, о чем-то спросил его и подал руку.

— Здорово, комарики! — сказал, приблизившись, Недоросль, явно обращаясь к нам.

Сняв со спины рюкзак и волоча его, он направился к лодке.

— Ты куда? — Я бросился к лодке, загородил Маклакову дорогу: — Проваливай!

Недоросль замахнулся на меня рюкзаком.

Вовка, оказавшись рядом, ловко выдернул из рук Андрея рюкзак и пустился с ним наутек по берегу.

— Вернись! Вернись сейчас же! — крикнул ему вслед Виталий Львович.

Но Челюскинец уже скрылся за баржей.

— Это что ж такое! — пронзительно завопила Маклакова. Подбежав к Виталию Львовичу, она схватила его за руку: — Профессор! Что же вы смотрите! Андрюша, не бегай за ним — он изобьет тебя!

Рассерженный и возмущенный профессор крикнул:

— Что за хулиганство? Немедленно верните рюкзак!

Я помчался догонять Вовку. Он уже примостился за высоченным рулем баржи и категорически отказался отдать мешок с вещами.

— Нет, братец, тут дипломатическими переговорами не возьмешь! — сверкнул глазами Челюскинец. — Действовать надо! Видал, какой иудушка? Мать попросил... Хотел нас обвести вокруг пальца!

Спорить с Вовкой я не стал. Я думал так же. И обратно не пошел. Тем более, из-за баржи хорошо было видно, что делается у лодки.

Маклакова уже не кричала. Поддерживаемая Виталием Львовичем, она глотала из кружки воду, и доктор о чем-то внушительно ей говорил.

— Неправда! — снова раздался ее крик. — Мой Андрюша хороший, он заслужил! А вы, профессор, не сдерживаете своего слова.

— Лешка! Погляди! — вдруг закричал Вовка.

Сцепившись друг с другом, Игорь с Маклаковым ка-

тались по песку. За ними бегала Тоня, пытаясь их разнять.

— Ну чего... чего она лезет? — горячился Вовка. — Бей, бей его, Конструктор!

Так продолжалось несколько минут. С помощью доктора дерущихся удалось наконец разнять. Тоня махнула нам рукой, и Вовка согласился на «дипломатические» переговоры.

Когда мы подошли, бросив к ногам Недоросля рюкзак, у лодки было уже относительно спокойно. Маклакова, сидя на камне, прикладывала к голове мокрый платок. Возле нее со смущенным видом прохаживался Виталий Львович. Маклаков, выставив вперед ногу, нещадно колотил об нее шляпу-ковбойку, выпачканную в песке. Игорь ополаскивал лицо. Тоня уединилась в лодке и, опустив за борт руку, с грустным видом чертила на воде кружочки. Доктор стоял подбоченившись, усмехался в бороду, ожидая развязки. Наконец Недоросль закончил чистку своей шляпы. Напялив ее на голову и сунув руки в карманы «гольфов», он обратился к профессору:

— Так что, берете или нет?

— Вы же видите, — оправдывался профессор, — ваши же товарищи не хотят.

— Так. Ну что ж, товарищи, мы еще встретимся! Все припомню: и пушечку, и сегодняшний день!

Подняв рюкзак, Маклаков вразвалку поплелся по берегу. Дойдя до баржи, он остановился и показал нам кулак. Сконфуженная мать шла сзади.

— Заводи! — скомандовал доктор.

Игорь с такой силой крутанул маховик, что мотор сразу взревел, и сизые кольца дыма покатились по реке.

Я уселся за руль, Вовка с Игорем — возле мотора. Виталий Львович, все еще хмурясь и покачивая головой, расположился в носовой части.

— Прибавь газку! — весело крикнул доктор, сталкивая моторку.

Лодка качнулась на воде, потом сделала плавный разворот и понеслась от берега.

— Счастливо! — махнула голубой косынкой Тоня, прижимаясь к отцу.

И мне снова сделалось грустно. Маклаков помешал по-хорошему проститься с Тоней...

Ангарская быстрина подхватила лодку. Все глуше становились голоса, стерлись расстоянием лица, и только голубая косынка, как флажок, еще долго виднелась на берегу. Тоня, Тоня... Почему она не поехала с нами?

Моторка уже вышла из мелководья протоки и шумливо шла навстречу течению. Знакомые места — островки, разводья... Здесь мы с братом не раз охотились на уток.

Лодка уверенно шла вперед, и вот справа замелькали темные лесистые сопки, у подножия их временами вились паровозные дымки. По левую сторону, за зелеными шапками островов, маячили чуть заметные очертания города. Он все удалялся, удалялся... А прямо перед нами расстилалась широкая синь Ангары, освещенная горячими лучами солнца.

Виталий Львович, придвинувшись к Игорю и Вовке, стал с увлечением что-то рассказывать. До меня доносились лишь отдельные слова. Но, когда напротив небольшой деревушки профессор вскочил и энергично махнул рукой поперек реки, я понял: здесь в будущем пройдет могучее тело ангарской плотины. Когда это будет?

От воды и от зелени, от солнца и от неумолчного рокота мотора кружилась голова.

Начало вечереть. От реки понесло сыростью. За лесистыми сопками багровел закат. По воде с берега потянулись черные тени. Показался мысок мохнатого острова. Решено было пристать на ночлег.

Я круто повернул руль. Лодка пронеслась еще вперед и плавно взлетела на шелковистую осоку.

С острова уезжали ранним утром. Снова речной простор, снова рокот мотора. Ангара здесь стала заметно уже, а течение сильней. Лодка с трудом продвигалась вперед, подолгу задерживаясь на перекатах. Во всем сказывалась близость Байкала: воздух стал прохладнее, по берегам потянулись высокие скалы. Нежную зелень березовых рощ и осинника сменила темная хвоя сосен и лиственниц.

Еще один поворот за остров. Отвесные берега реки стали сближаться, подыматься ввысь, как бы образуя ворота. Из них, из этих каменных ворот-великанов, седой Байкал выпускал на просторы Сибири свою единственную дочь — Ангару.

Вот слева у берега над водой показался кусок мутнозеленой скалы. Вершина ее плоская, как крышка сундука.

— Шаманский камень! — приветственно помахал своей шляпой Виталий Львович.

Возле истока реки течение стало почти неодолимым.

— Не подкачай, милый! — хлопотал Игорь возле мотора.

Лодка то застывала на месте, то делала чуть заметные сдвиги и вдруг с силой рванулась вперед... Перед нами открылась равнина Сибирского моря. Под лучами солнца оно казалось даже не голубым, а каким-то прозрачным, как небо. И только чуть заметная дымка на горизонте напоминала о том, что и у этого простора есть где-то край...

Игорь выключил мотор. Сразу стало тихо-тихо, только пронзительные крики вертких ласточек нарушали тишину. Но так казалось поначалу. Вот откуда-то справа, из-за зеленеющих скал, донесся протяжный гудок паровоза, потом послышался шум пароходных колес. Судно, отойдя от пристани, повернуло прямо в открытое море. Где-то там, в далекой синеватой дымке, затерялось селение Удыль...

— На питомник! — скомандовал Виталий Львович, показывая рукой, куда мне рулить.

Мотор заработал как-то удивительно весело и легко, лодка стремглав понеслась к отвесным берегам.

> Славное море, священный Байкал, —

затянул густым тенорком Виталий Львович.

Мы дружно подхватили:

> Славный корабль, омулевая бочка,
> Эй, баргузин, пошевеливай вал. —
> Молодцу плыть недалечко.

Глава девятая

СЛАВНОЕ МОРЕ

Домик, принадлежащий питомнику, стоял на самом берегу Байкала. Рядом с ним на узкой песчаной полоске тянулось еще несколько строений. Эту крохотную деревушку молчаливым полукольцом окружал скалистый таежный хребет. Он как бы сдвинул домики к самой воде.

Неподалеку, в больших проволочных клетках, под кедрами жили соболя. Весной зверьки принесли приплод. Соболиные детеныши нуждались в свежей пище, и поэтому в тайге были расставлены капканы.

На второй день после приезда Вовка перезнакомился со сторожами питомника, высмотрел, где они ставят капканы, и предложил себя в помощники. «Конечно, до похода за Байкал», — предупредил он солидно. Мы с Игорем занялись мелким ремонтом лодки, шитьем палатки и пробковых спасательных поясов...

Дни, заполненные хлопотами, проходили незаметно. Утром, проснувшись, мы соскакивали с сеновала, бежали к озеру и, наскоро ополоснув лица обжигающей байкальской водой, ехали выбирать сети. Рыбы попадалось много, и с ней приходилось возиться чуть не до самого обеда. А потом принимались за свои дела. Так в дружной работе прошла у нас первая неделя...

— Скучища! — зевнул как-то Вовка, валяясь со мной на песке в послеобеденный час.

Набежавшая волна пощекотала его голые пятки, и Челюскинец сел, обхватив руками колени.

— Сколько дела, а тебе скука, — лениво ответил я.

— Вот именно! С утра — рыба, днем — бурундуки. Никакой, как говорится, — Вовка тоненько сквозь зубы сплюнул, — романтики.

— Ладно, будет тебе и романтика, — вмешался в разговор Игорь.

Перед заходом солнца, когда на озере улеглось волнение, Игорь вытащил из сарая свои чудо-лыжи и стал, как тогда на Ангаре, проводить «опыты». Вовка, нахохлившись, сидел у самой воды — он о чем-то размышлял, поглядывая на медленно передвигавшегося по воде Игоря.

— Хорошо бы палочки приспособить, — наконец сказал он.

Вскоре я ушел, оставив их на берегу.

Ночью меня разбудил странный шум. Кто-то лез на сеновал, но, видимо, оборвался, поломав при падении ветхую лестницу. В темноте я разглядел Игоря. Согнувшись, он стоял на краю сеновала и махал кому-то рукой:

— Тише ты, черт!

— Чего «тише», когда вся шея ободрана! — ругался внизу Вовка. — Чтоб она провалилась, окаянная!

Отшвырнув обломки лестницы, он снова полез. Игорь протянул ему руку. Крадучись, как заговорщики, они проползли в угол сеновала и, пошуршав соломой, утихли.

— Как думаешь, Лешка слышал? — спустя некоторое время раздался шепоток Игоря.

— Отвяжись! У меня ухо вспухло, — буркнул Вовка, но тут же строго добавил: — Ты смотри никому не брякай!

Через несколько минут раздалось сонное храпенье обоих.

А я уснуть уже не мог. «Где они шатались столько времени? Что от меня скрывают?» Мучила обида...

— Что, дружба врозь? — не выдержал я, когда утром мы с Игорем возились у лодки. — Куда ночью ходили? Отвечай!

Он виновато отвел глаза в сторону, продолжая молчать.

— Понимаю... «Не брякай»!

Игорь испуганно взглянул на меня.

— Не могу я тебе сказать, Лешка... Мне Вовка тогда язык отрежет.

Боясь проронить хотя бы еще одно слово, Игорь помог мне быстро оттащить в лодку мотор и сам шмыгнул под навес. Там уже ждал его Вовка, прибежавший из лесу. Ребята принялись что-то мастерить.

После обеда они опять скрылись под навесом. С сеновала мне было видно, как Игорь к концам двух сосновых палок приколачивал пустые консервные банки, а Вовка бегал в дом за котелком. Потом сбегал в дом Игорь и принес что-то за пазухой. Посоветовавшись, ребята берегом пошли в сторону видневшегося вдали мыса.

В котелке, который тащил Вовка, была, очевидно, недоеденная за обедом уха. Уха — им для ужина, понятно. Но для какой цели предназначались эти странные палки с набалдашниками из консервных банок?

Первым моим желанием было броситься за ребятами. Потом одумался: назовут шпионом! Взял книгу — и в лес. Тропинка привела меня на вершину высокой горы. Отсюда я мог наблюдать и за озёром, и за домиком. На склоне горы в окружении дремучих кедров зеленела поляна. В шелковистой траве узорами сияли цветистые маки. Порхали большие пестрые бабочки, разливался звенящий стрекот кузнечиков. Из кедровника шел жаркий смолистый аромат. А внизу, у подножия горы, бушевал Байкал. От горизонта, подернутого дымкой, непрерывной чередой катились лохматые волны. Приблизившись к берегам, они трясли сединой и разъяренно бросались на утесы. Грохочущий шум воды наплывал на тайгу, хоронясь меж деревьев, и смешным, по-своему отважным, казался воинственный стрекот кузнечиков над поляной. Как здесь было хорошо!

Вот поросший мхом камень, можно сесть на него, раскрыть книгу. А мысли о другом... Где ты сейчас, Тоня?

В горле застревает щекочущий ком. Я глотаю воздух, чтобы одолеть его.

Ветер злой и неотступный разъяренно бьет в утесы...

Что это, стихи? Мне самому хочется писать?

Домой вернулся поздно. Игорь, беспокоясь, поджидал меня на кухне. Вовка тоже был здесь. Он дремал,

прислонившись к печке, а лицо у него было довольное-довольное. «Наконец-то, кажется, ты нашел себе геройское дело», — подумал я и, не сказав ни слова, отправился спать.

Так прошел день, другой, третий...

Однажды, проснувшись утром, я не нашел на сеновале ни Вовки, ни Игоря... Не оказалось их и в питомнике. Может, ушли на озеро? Я посмотрел в сторону мыса.

После шумливых ветреных дней над Байкалом поднялось ясное, тихое утро. Таинственная синева морской дали как бы рассеялась, и на светлом фоне воды и неба отчетливо выделялась на том берегу линия гор. Точно купола парашютов, белели их снеговые вершины.

— Что, брат, красиво? — услышал я голос Виталия Львовича. Он шел по росистой траве, размахивая биноклем, и улыбался. — Вот это утро! — Профессор взял меня под руку и показал биноклем в сторону снеговых вершин: — А там сейчас буран метет, ртуть в термометрах стынет... Да, вот что, дружок, не видел ли ты мою грушу?

— Грушу? Какую грушу?

— Мою, парикмахерскую грушу. Подстриг бороду, побрился, а одеколониться как?

— Н-не знаю, не видел.

— А ребят видел? Где они? Ищу целый час.

— Н-не знаю, — признался я.

— Может, сети выбирают? — сказал он.

На озере ребят не было. Невдалеке, отражаясь в воде, как в зеркале, маячил сетевой поплавок.

— Странно... — потеребил бородку Виталий Львович. — Где же они? А ну-ка, Алеша, съездим, проверим сети, — кивнул он на поплавок.

Садясь в лодку, я обратил внимание, что на берегу не было одной из шлюпок. Сторожа питомника не могли уехать в такую рань. А впрочем, кто их знает... Я молча приналег на весла.

Профессор сидел на корме, с интересом посматривая за борт. Сквозь прозрачную, как стекло, воду ясно виднелось дно. Мелькали камни, обросшие тиной и ракушками, мохнатые губки, похожие на длинные зеленые пальцы. Пальцы тянулись вверх, к серебристым стайкам играющих рыбок. Но с каждым новым взмахом весел

причудливая картина байкальского дна становилась все более смутной. Так мы доплыли до поплавков.

Бросив весла, я потянул веревку. В зеленой толще воды шевельнулись серебристые блестки. Вот уже и сеть в руках. Мы потянули ее сильнее. В лодку шлепнулась пара омулей, хариус, и вдруг, запутавшись в нитяных ячейках, над водой затрепетали большеголовые рыбки, отливавшие перламутром.

— Широколобки! — изумился я.

— Нет, Алеша, это бычки, — поправил профессор и, продолжая выбирать сеть, начал рассказывать о необыкновенных бычках. — Этот вид рыб встречается только в южных морях и у нас на Байкале, заметь!

Неожиданно к ногам профессора упала белая рыбка с оранжевым ободком вокруг глаз.

— Голомянка!

Виталий Львович до того растрогался, что бросил выбирать сеть и склонился над рыбкой. Осторожно высвободив голомянку из ячей, он положил ее на ладонь.

— М-да... Чудо! Как она нам попалась? Ведь голомянки живут на огромных глубинах. Они так жирны, что просвечивают насквозь. Смотри, видны даже трещины на моей ладони. Нет ли у нас здесь клочка бумаги?

Виталий Львович привстал, осматриваясь, потом, заметив что-то на воде, схватился за бинокль и замер. Недалеко от мыса, куда последние дни скрывались ребята, размахивая палками, шагал по воде на лыжах Игорь. Он держал путь в открытое море. За ним, держась в отдалении, слегка подгребая веслами, плыл в шлюпке Вовка. На светлой глади воды лыжи не были заметны. Казалось, Игорь просто шел по воде.

— Что такое? — испуганно посмотрел на меня Виталий Львович. — Мой сын, как Христос, шествует по воде!

Профессор крикнул, махнул рукой. Но ребята были так увлечены своим делом, что не замечали нас.

— Немедленно вдогонку!

Выдернув из воды остаток сети, я бросился к веслам. Лодка рванулась наперерез Игорю. Я греб изо всех сил. Виталий Львович неотрывно смотрел в бинокль и, волнуясь, шептал:

— Торопись, торопись, Алеша! Игорь остановился... Приняв из рук Рябинина резиновую трубку, вставил ее в

рот и снова шагает. Рябинин гребет одной рукой и держит перед Игорем какую-то штуку. Шут их возьми, это же моя резиновая груша! Сумасшедшие!

Когда до беглецов осталось несколько десятков метров, Игорь, схватившись вдруг за горло, упал в воду. Вовка, как мышь, заметался в лодке.

Игорь, захлебываясь, бултыхался в воде. Мешали лыжи, привязанные к его ногам. Вовка, пытаясь схватить Игоря, сам вылетел из лодки и стал пускать пузыри. Тут, к счастью, подоспели мы.

Мокрые, дрожащие, сидели наши мореходы на рыбачьей сети и молчали. Рядом с ними лежали парикмахерская груша, сосновые палки с жестяными набалдашниками, лыжи. Вовка пытался пересесть на буксируемую сзади шлюпку, но Виталий Львович запретил ему даже шевелиться. Профессор был бледен и угрюм.

Так в молчании проделали весь обратный путь. Вовка, решив, очевидно, как-то развеять мрачное настроение, негромко заговорил:

— Конечно... Вроде морского инцидента вышло. Вымочились малость. А в общем, пустяки! Еще пара, тройка таких тренировочек, и можно смело через Байкал. Мировой рекорд обеспечен!

— О каком рекорде ты говоришь, Рябинин? — очнулся Виталий Львович.

Челюскинец вежливо кашлянул и умолк.

Когда лодка причалила к берегу, Виталий Львович удалился в дом. Было слышно, как хлопнула дверь.

— Ну вот, достукались! — сердито буркнул Игорь, стягивая прилипшую к телу рубашку.

— А кто виноват? — огрызнулся Вовка.

— Будто не знаешь... Кто совал мне в рот шланг?

— Дурак, я же о тебе, обжоре, заботился, кормил на ходу. Специально уху варил, цедил ее через сито, а он возьми подавись! Чего же ты раньше не давился?

Игорь наконец снял рубашку и выпрыгнул из лодки.

— Охота человеку героем стать, до чего же охота! — заговорил он с сердцем. — Р-раз — и на Чукотку собрался. Д-два — подавай ему мировой рекорд. Авантюрист!..

Глава десятая

В ЛУННУЮ НОЧЬ

Виталий Львович закончил «допрос». Он прошелся по комнате и, хмурясь, сказал:

— Мой сын — легкомысленный молодой человек. Ему нельзя доверять серьезное дело. — И уже обращаясь прямо к Игорю: — Вот так. В поход не пойдешь.

Игорь, оглядываясь на отца, медленно пошел к двери. Он еще надеялся, что Виталий Львович передумает. Но тот не сказал больше ни слова.

В распахнутое окно я видел, как болтнулись голые ноги Игоря под крышей сеновала.

Вовка, скребя затылок, вышел вслед за Игорем.

— Глупость! Безотчетная мальчишеская глупость! — вздохнул Виталий Львович. — Задаться целью перейти Байкал. Зачем?..

Игоря я с трудом раскопал в соломе.

— Конечно, — всхлипывал он, зарывая лицо в желтые сухие стебли. — Когда Недоросля нам подсовывал — это ничего. А лыжи — тут легкомыслие. Что я, вредитель?

Я успокаивал его как мог. Взял за руку, чтобы вытащить из соломы.

— Не тронь, а то стукну! Уж ты отцу по вкусу. Какой умный, какой примерный! Уходи!

— Ах, так! Ну, черт с тобой! — И я ушел с сеновала.

Под кедром возле соболиной клетки я наткнулся на Вовку. С мрачным видом Челюскинец швырял зверькам пойманных в капканах бурундуков, приговаривая:

— Жрите, жрите, чтоб вы сдохли, твари мои, каторга моя!..

— Чего ты на них?

— А я не на них. Разве с такими, как вы, кашу сваришь? Один нюни распустил, другой пришел морали читать.

— А ты непонятый герой? Подвига тебе не дают свершить!

Я ждал, что Вовка огрызнется.

Вовка вытер о траву руки и сел в раздумье на пень.

— Разве это жизнь? — заговорил он с грустью. — Перед профессором авторитет подорван. От Максима Петровича ни звука. Полный разброд и шатание!

Я заскучал, глядя на него, и ушел в лес на знакомую мне поляну. Так же, как и в те дни, ярко светило солнце, трещали в траве кузнечики, шумно дышал Байкал. Я пошвырял камнями в круживших над утесом чаек, — надоело. Прилег на краю утеса и стал размышлять.

Конечно, Вовка был во многом прав. Прошло три недели со дня нашего выезда из Сибирска, а вестей оттуда не было никаких. Неладно с экзаменами у Максима Петровича? Навредил чем-то Недоросль? Что же происходит там, в городе?

А Байкал расходился, свинцовой волной шумел у берега. Вдруг среди волн мелькнуло что-то белое. «Катер! — дрогнуло сердце. — Ведь Тоня и Максим Петрович могут приехать на попутном катере». Суденышко как-то беспомощно поболталось в волнах и скрылось из виду. «Нет, не на этом...»

С высоты донеслась убаюкивающая трель. Она повторилась громче, звонче: из облака выплыл самолет. Поблескивая стальным крылом, он летел над морским простором, направляясь к Сибирску. Эх, мне бы с ним!

Самолет — птица-сталь...

Снова, как в тот раз, закружились легкие, звонкие, как трель самолета, слова. А голова тяжелела, заволакиваясь туманом, и вот я уже лечу на невидимых крыльях... Подо мной бурлящий Байкал, чайки, но как-то не страшно. Вдали Тоня. Она сидит на камне и машет мне своей голубой косынкой.

— Лешка! — раздался над ухом громкий голос Игоря. — Вставай, Вовка сбежал!

Я вскочил. Передо мной стоял Игорь, встревоженный, запыхавшийся.

— Кто сбежал? Куда?

— Вовка сбежал! Сторож питомника видел... Пошел берегом к Сибирску. С рюкзаком за плечами.

— Почему не вернули?

— Сразу не догадались. А потом я записку в дверях нашел, пишет: «Не беспокойтесь и не ищите». Бежим за ним! — Игорь, трясясь от волнения, показал в кусты. — Там овражек! По нему спустимся к берегу. Бежим!

Раздумывать было некогда. Мы стали спускаться к Байкалу. Вечерело. Мы то и дело натыкались на скрытые в сумерках коряжины и камни, цеплялись одеждой за сучья. К воде подошли в темноте.

Освежив потные лица и потуже затянув ремни, мы зашагали вдоль берега. Светловатая каменистая полоска, по которой проходил наш путь, то расширялась, то сужалась настолько, что приходилось раздеваться и, стиснув зубы, брести по холодной воде вдоль отвесных скал. Если Вовка шел тем же путем, то у него было большое преимущество: он двигался засветло и намного опередил нас.

— Быстрее, быстрее! — поторапливал я спотыкавшегося в темноте Игоря.

Он молча повиновался. Но, когда на нашем пути повстречалась шестая или седьмая по счету скала и предстояло снова лезть в воду, мой товарищ в изнеможении сел:

— Не могу больше. Ну не могу!

— Что с тобой?

— У тебя нет хоть крошечки хлеба?

Только сейчас я сообразил, какую ошибку мы допустили. Прежде чем отправляться за Вовкой, надо было забежать домой и взять чего-нибудь на дорогу.

— Затяни потуже ремень, — посоветовал я Игорю.

— Ремень и так уж на последней дырочке. Не поможет. Есть хочу.

— Знаешь что, — разозлился я, — кормись собственным жиром! Пошли!

Игорь нехотя сбросил одежду, вошел в воду, я за ним. Ощупывая ногами дно и держась за выступы ска-

лы, мы брели, дрожа от холода, и казалось, нашему пути не будет конца. «Да, поступили опрометчиво, — с горечью рассуждал я. — Вовку догнать не просто». Невольно вспомнил нашу дуэль на Ангаре. История повторяется.

— Ох! — Игорь сделал неосторожный шаг и провалился с головой в яму.

С трудом вытащил я его.

— Залазь на скалу! — крикнул я, поняв, что дальше идти опасно.

Ухватившись за корни какого-то дерева, мы вскарабкались на небольшую площадку в скале и стали выжимать одежду. Коробка спичек — единственная, что была у нас, — превратилась в кашицу!

— Как хочешь, а я больше ни шагу, — выстукивая зубами дробь, заявил Игорь.

— Вот что, — сказал я, снова уцепившись за корни, чтобы спуститься к воде, — ты посиди, я сейчас...

Мне казалось, что скала должна была вот-вот кончиться. Я спрыгнул в воду и поплыл. Ожидания мои оправдались. Сразу за площадкой, где мы сидели, начиналась тихая бухточка.

На узкой полоске берега горел костер, большой, яркий костер. Он пылал у края воды, освещая заливчик. Кто же там? Вовка не мог миновать этого места!

— Э-эй! —крикнул я и вернулся, чтобы позвать Игоря.

Обгоняя друг друга, мы побежали к костру.

— Лешка! Игорь! — услышал я радостный возглас.

Тоня, да, Тоня бросилась к нам из темноты! Нас окружили какие-то люди, подошел Максим Петрович. Наши, наши приехали! И тут мы увидели Вовку. Он сидел у костра угрюмый и даже не шевельнулся, завидев нас.

— Ну, теперь мне понятно, в чем дело, — строго поглядел на Вовку Максим Петрович. — Присаживайтесь-ка к костру.

Нам подали миски с горячей ухой, и, пока мы ели, Тоня рассказала о приключениях почтового катера, на котором они с Максимом Петровичем добирались до питомника. Катер попал в бурю. Его снесло в открытое море.

— Погоняло нас по волнам изрядно. Думали, захлестнет. Все же добрались до берега.

Значит, это был тот самый катер, который я видел с утеса.

...И снова берег, и снова вечер. Мы сидим у костра, над нами нависли черные скалы. Чуть слышно шуршание сосен вверху. Рядом вздохи Байкала. Перед нами расстелена карта, мы склонились над ней.

— Красная линия, что пересекает Байкал, — путь нашего катера, — звучит голос Максима Петровича.

Он стоит на одном колене, выставив к костру ногу, обутую в простой солдатский сапог. Курчавые волосы и лицо его на свету отливают золотом.

— Итак, челюскинцы по местам! — скомандовал Максим Петрович. — Наш путь — на Удыль!

— Что же, счастливого пути! — вздохнул Виталий Львович. Буду сам ловить бурундуков. Скорее возвращайтесь!

Игорь подошел к отцу.

— Ну не сердись, папа...

— Я не сержусь ничуть! Максим Петрович, очень прошу: следите за этим легкомысленным юношей, или он вас всех утопит!

Мы, смеясь, побежали к лодке.

— Рулевой! Держать так! — положил передо мной компас наш командир.

— Есть!

За кормой моторки вскипела вода. Все быстрее набирая ход, катер понесся от берега.

Несколько минут мы ехали в глубоком молчании, вглядываясь в темноту. Но вот из-за мыса вышла луна, освещая черную воду.

— Плывем в открытом море! — сквозь рокот мотора донесся голос Максима Петровича.

— Жутковато как-то, — поежилась Тоня, сидевшая рядом со мной. Она опустила за борт руку и вздрогнула: — Вода — как лед!

— А ну-ка, измерим, — сказал Вовка (он уже забыл все, что с ним произошло), доставая термометр. — Действительно, всего семь градусов. Хо-хо!

Тоня вынула из нагрудного кармашка под свитером блокнот и сделала какую-то запись.

— Ты чего пишешь? — приподнялся над мотором Игорь.

— «Путевая книга челюскинцев», — улыбнулась Тоня. — Вот мы пересекаем Байкал, великое озеро мира... А интересно, чем заняты сейчас наши ребята в городе?

— Была бы с нами рация, знали бы, — мечтательно заметил Игорь.

— Спят сейчас наши ребята, — ответил Вовка, — или на танцульках в парке.

— Маклаков — не спорю, — возразила Тоня. — А Филя Романюк... Знаете, что сейчас делает Филя? — вдруг оживилась Тоня. — Сидит у телескопа и звезду высматривает. И отец, наверно, с ним!

Неожиданные слова Тони заставили нас невольно посмотреть вверх. Над нами серебристой дорогой пролегал Млечный Путь.

— Вон созвездие Геркулеса, — показал пальцем Игорь, — а вон и те девять звездочек... А может, их уже десять стало?

Пристально всматриваясь в небо, он стал считать.

— Нет, так просто звезды не открывают, — рассмеялся Максим Петрович. — А впрочем, в девятьсот первом году новую звезду в созвездии Персея открыл киевский гимназист Борисяк. Он хорошо изучил звездное небо и заметил на нем «лишнюю»... Но появление этой, Филиной, звезды будет событием особого значения!

Монотонно и ровно гудел мотор, врезаясь в тишину ночи. Шумела за кормой вода. Я держал руку на руле, следил за стрелкой компаса, думал о Романюках. За какое дело взялись! И как же мы, увлекшись пушкой, не сумели оценить этого?

Вовка, подливая масло в мотор, буркнул, что Филя вовсе не сидит у телескопа, а ездит с отцом на паровозе.

— Он же кочегаром устроился на все лето!

— Второе не исключает первого, — отозвался Максим Петрович. — И Ваня Лазарев пошел на время каникул работать. Руководит шахматным кружком при Доме культуры... У одного — астрономия, у другого — шахматы.

— Ну и хорошо... А вот что с Ольгой Минской? — снова заговорила Тоня. — Я приглашала ее поехать с нами — отказалась. Пришла провожать меня грустная-грустная!

— А! Наша староста всю жизнь такая, — усмехнулся.

Вовка. — Как монашка: засмеется и вдруг чего-то притихнет, словно смеяться грех.

— Хороша монашка! — возразил Игорь. — Английский изучает, музыкой занимается. Литературой теперь увлеклась... Нет, не в том дело!

— Я думаю, дома у нее неладно, — заметила Тоня. — Может, отчим плохо к ней относится?

Я сразу вспомнил тот разговор у нас дома за столом, когда выздоравливал после «дуэли», и вспомнил почти ненавидящее лицо Лазарева, когда он говорил о Бойко. Но воспоминание пришло и ушло...

— Берег! — раздался громкий возглас Максима Петровича.

Мы все взглянули вперед и только сейчас заметили, что стало светать. Между небом и водой протянулась темная полоса берега. Она все росла. И где-то в глубине ее мерцала красноватая точка.

— Править на огонек!

Моторка, словно почуяв близкое пристанище, стремглав понеслась вперед. Огонек на берегу разрастался, и вскоре стало ясно, что это костер.

— Приехали, ребята! — воскликнула Тоня.

Она встала и направилась вдоль борта к Максиму Петровичу. Но в тот же момент под днищем лодки раздался сильный скрежет. Неожиданный толчок выбросил Тоню за борт.

— Сели на мель!

Максим Петрович нагнулся и подхватил Тоню.

— Укройся тулупом! — отрывисто бросил Грачев.

Однако, как я заметил, Тоня не выполнила приказа. Очутившись в лодке, она схватилась за нагрудный кармашек под свитером, вынула из него какие-то бумажки и, поднеся их к глазам, тихо вскрикнула.

Что это за бумажки? Я только успел заметить, что чернила на них расплылись. Тоня расправила листочки и тотчас стала сушить их на еще не остывшем глушителе лодочного мотора. И только после этого вылезла из свитера и закуталась в тулуп.

Лодка плотно сидела на песчаной косе. Все наши попытки сдвинуть ее на глубокое место оказались напрасными. Но если бы нам даже и удалось это сделать, то в

какую сторону плыть? Песчаная коса тянулась по обе стороны далеко.

Между тем уже совсем рассвело. От берега, где бледно догорал костер, нас отделяла довольно широкая водная полоса. На песчаной отмели сушились рыбачьи сети, лежали перевернутые кверху днищами лодки. За сетями перед толстым кряжистым деревом стоял человек, попыхивая трубкой. На нем была длинная рубаха, меховые унты, шапка с отвислыми ушами.

Максим Петрович крикнул. Человек вынул изо рта трубку, сказал что-то по-бурятски и продолжал стоять. Легкий наплыв волны с моря чуть шевельнул лодку, и мы поняли, что она сидит крепко.

— Вот что, ребята, — сказал Максим Петрович. — Поплыву-ка я к берегу — пловец я неплохой — да привезу на подмогу рыбаков.

— Что вы? — всполошилась Тоня. — Вода как лед, уж мне-то поверьте, а плыть далеко!

Грачев тем не менее сел на край лодки и начал снимать свои тяжелые сапоги.

— Стойте! — взволнованно крикнул Игорь. — Стойте!

С этими словами он выбросил из моторки свои чудолыжи, встал на них и, взмахнув палками, двинулся по воде. Все это Игорь сделал с такой расторопностью, что нам оставалось только одно: смотреть на него. Лыжи неслышно скользили по воде. Палки с жестяными банками на концах глуховато хлопали при отталкивании, а лыжник уверенно продвигался к берегу.

Эх, жаль, профессора с нами нет! — горевал Вовка. — А то бы понял, поверил, раскаялся.

Фигура неизвестного у костра при приближении Игоря точно окаменела, даже дымок над трубкой исчез. Но стоило Игорю приткнуться к берегу и вытащить на песок лыжи, как человек укрылся за деревом.

Игорь громко позвал его, но тот не шел. Снова позвал — никакого ответа. Тогда Игорь уселся возле костра и стал ждать.

Наконец из-за дерева, осторожно ступая, вышел человек. Над водой прокатились ясно слышимые слова с бурятским выговором:

— Однако, ты кто будешь?

Игорь рассмеялся. Это приободрило бурята. Тыча

трубкой в сторону лыж, он стал медленно к ним приближаться. Не дойдя нескольких шагов, остановился. Из трубки обильно повалил дымок.

— Однако, эт сам парень делал или покупал?

— Сам, дедушка!

— Чудо, какой чудо! А ну стань!

Но, когда Игорь выполнил просьбу старика, тот замахал рукой в сторону моря:

— Ходи домой, хозяин, омуль, пугать будешь!

— Что-о? — опешил Игорь. — Как так — домой?

— Ходи, ходи, — отчаянно замахал руками старик.

— Дедушка, там люди ждут! На мель сели!

— Какие люди? — Старик, казалось, только сейчас увидел нас.

Выбив из трубки пепел, дед столкнул в воду стружок и, приказав Игорю следовать на своем «чуде» впереди себя, поплыл к нам.

Да, это был старик бурят. С круглого морщинистого лица на нас смотрели узкие, с лукавинкой глаза.

— Здравствуйте, дедушка! — протянул ему руку Максим Петрович. — Вот хорошо, что вас встретили! Как ловится омуль?

— Омуль? — старик неодобрительно запыхтел трубкой. — Как ловится омуль, Бадма, не знай.

— А вы сторож на рыбалке?—поинтересовалась Тоня.

Бурят, не отвечая, помог нам столкнуть с мели моторку, привязал за ее кормой свой стружок и пересел к нам, внимательно рассматривая наши лица.

— Откуда приехал? — спросил старик, набивая табаком трубку.

— Из Сибирска, — откликнулась Тоня.

— А зачем приехал?

Тоня посмотрела на Максима Петровича: «Сказать или нет?» Учитель кивком головы разрешил.

— Ищем партизана Зотова... Не знаете такого? — Глаза у Тони разгорелись, и она даже привстала от волнения.

Но Бадма точно не расслышал ее голоса в шуме заработавшего мотора.

— Эт лева маленько сверни, — сказал он сидевшему за рулем Максиму Петровичу.

Тоня повторила свой вопрос и добавила:

— Пушку мы его нашли, Зотова.

— Пушка? Какой пушка? — Старик с недоверием смотрел на Тоню. — Ты кто сам будешь?

— Ученица...

— Мы все из одной школы, ученики, — пояснил я, видя, что Тоня немного растерялась. — А Максим Петрович — учитель.

— Теперь эт направо маленько сверни, — продолжал невозмутимо Бадма.

— Странный старик, — сказала Тоня и, свернув калачиком ноги, притулилась у мотора.

Когда вышли на берег и подсели к костру, Бадма, снова засопев трубкой, как ни в чем не бывало спросил:

— Про кого эт меня спрашивал, девка?

— Про Зотова Степана Ивановича, — оживилась Тоня. — Он из Удыля, дедушка.

— Зотов? — Бадма молча отправился к сетям, принес котелок с рыбой и, устанавливая его на костре, вдруг обратился к Игорю: — Однако эт, парень, ты худо сделал — омуль пугал, Байкал сердил! Ух!

— Что вы, что вы, дедушка! — возразил Максим Петрович. Он одернул гимнастерку, с улыбкой посмотрел на свои разутые ноги и быстро поднялся: — Становись! Смирно!

Мы, переглядываясь, выполнили приказ.

— За находчивость участнику похода Игорю Русанову выношу благодарность! Его водяные лыжи взять на вооружение экспедиции.

Все это Максим Петрович выговорил громко и отчетливо. Лицо его было серьезно, а глаза улыбались.

— Ура-а! — прокатилось над отмелью.

Бадма оживился и с интересом посматривал на Игоря.

— Смелый, однако, ты парень... Степан хвалить будет.

— Какой Степан? Вы знаете Зотова? — вырвалось у Тони.

— Конечно. На одной улице с ним...

— Ой, дедушка! — захлебнулась от радости Тоня. — Что же вы молчали!

— Я не молчал. Я не говорил. Ты, девка, не так вопрос задавал. Степан Зотов колхозник, рыбу ловит.

— Так это сейчас, а раньше был партизан.

— Эт, девка, ты у него сама спрашивай, — сердито запыхтел трубкой Бадма.

— Скажи, какой ядовитый старикан! — заметил Вовка.

— Бадма может действительно не знать, — возразил Максим Петрович, — был или нет его знакомый партизаном. Ведь Зотовых на побережье, может, не один десяток. И Степаны среди них могут быть.

— Но это же Удыль? — протянула Тоня руку к крышам избушек, чуть видневшихся из-за горы.

— Удыль, — подтвердил Бадма.

— Вот мы и пойдем туда, найдем Зотова и все узнаем.

— Э, нет! Степан рыбу не ловит. Степан нога лечит, — скороговоркой пояснил бурят.

— В больнице?

— Больницы нету. Строить нада. В тайге лечит нога.

— Да чего он нас путает? — всполошился Вовка.

— Ключи... Горячий ключи, — стал пояснять Бадма. — Шибко хороший вода! Далеко ходить нада в тайгу.

— Проводника не найдется? — осведомился у бурята Максим Петрович.

— Весь колхоз омуль ловит. Ребята да старики дома.

— Ну, тогда покажите хоть, какой дорогой лучше идти, — сказал учитель. — Давайте, ребята, собираться.

Бадма покормил нас ухой. Потом помог подтянуть к сетям моторку и молча побрел по песку. Вскинув на плечи мешки и ружья, мы двинулись за ним.

Позади нас синел Байкал, впереди расстилался широкий луг. Солнце, выйдя из-за гор, разбросало лучи по зеленой траве.

За лугом начинался березняк. А вдали, в синеве тумана, высились горы с ярко-белыми снеговыми вершинами. Туда и показал рукой старик.

— Смотри, самый высокий гора. Пойдешь к нему, бежит много-много ручей...

— Горячих? — спросила Тоня.

Бадма отрицательно качнул головой:

— Холодных... Такой, как Байкал. Найдешь один ручей, самый большой. На кедрах метка есть. Иди в гору, все иди, иди. Потом повернешь — вниз иди, в долину, там горячий ключи. Степана найдешь — от Бадмы гостинец передай. — И старик сунул в Тонин мешок узелок с солеными омулями.

Глава одиннадцатая

ТОНЯ ИСЧЕЗЛА

К подножию «высокой горы» подошли на третьи сутки. Ручьев здесь текло действительно много, но какой из них вел к вершине? Не нашли мы и меток на кедрах, о которых говорил Бадма.

— Выходит, что мы вышли не точно к указанному месту... — задумчиво произнес Максим Петрович.

Развели на пригорке дымокур. Сварили обед из подстреленной тетерки. Передохнули.

— Я предлагаю, — сказала Тоня, — добраться до вершины горы...

— А дальше что? — Вовка, переобувавший ботинок на стертой ноге, сердито посмотрел на поцарапанные руки Тони, на ее обожженное солнцем лицо.

— Залезем на высокую сосну и с нее все увидим.

— Что ж, — сказал Максим Петрович, — предложение дельное. Идем к вершине!

Недалеко от пригорка, в овраге, журчал ручей. Максим Петрович спустился к нему, осмотрелся:

— Собирайтесь! Пойдем вдоль ручья, — сказал он и поглядел на небо. — А ведь гроза собирается. Давайте солдатским шагом!

Дорога все время шла на подъем. Каменистое дно овражка прикрывал серый полумрак. На пути то и дело попадались трухлявые валежины, обросшие мхом камни, вывороченные пни. Солнце уже садилось, мрак над тайгой сгущался, а сколько еще оставалось идти, никто не знал...

Вдруг где-то вдали прокатился гром. Раскаты его стали повторяться все чаще и сильнее. По темнеющему небу заметались зигзаги молний. Дышать становилось тяжелее.

Максим Петрович распорядился ставить палатку. Только мы сбросили с плеч свои мешки, хлынул дождь.

При свете электрических фонарей мы натянули палатку и, мокрые, усталые, укрылись под ней.

Гроза не утихала. Деревья словно сорвались с места и метались по лесу. С шумом проносились потоки воды по оврагам. Кое-как мы устроились и заснули.

Меня разбудили какие-то странные звуки за палаткой. В ночной тишине отчетливо раздавалось рычание и шум, похожий на борьбу. Я нащупал ружье, включил фонарик... Что такое? Тони, которая спала в противоположном углу, не было. Я разбудил Максима Петровича, мы выбежали из палатки. За нами — Игорь и Вовка.

Затемняя свет луны, клубясь и обгоняя друг друга, по небу плыли обрывки грозовых туч. Сомкнувшись темной стеной, высились деревья. Пахло лесной гнилью.

— Тоня! — позвал я.

В ответ донесся волчий вой. Максим Петрович дал залп из обоих стволов.

— Тоня! То-ня-а! — кричали мы.

Засветив фонарик, Вовка направился в чащу, но, пройдя несколько шагов, отпрянул назад. Посередине небольшого замшелого болотца валялись какие-то клочья.

— Мешковина... — определил Вовка. — Кто-то разодрал наш мешок с продуктами.

— Как же он попал сюда? — вглядываясь в темноту, спросил Максим Петрович.

Держась недалеко друг от друга, мы двинулись по чаще...

Необычно, оказывается, в тайге ночью. Простая и понятная днем, в темноте она словно преображается, становясь таинственной и страшной. Вот на моем пути встретилась лесина, поваленная ветром. Причудливо, точно щупальца осьминога, торчат вывернутые из земли корни. Я перелезаю прямо через ствол дерева и чувствую, что сзади кто-то держит меня за ремень ружья. Осторожно направляю свет фонарика. Сук! Иду дальше. Направляю сноп света вверх, и ветви, обычные ветви со-

сны, днем такие прозрачные на фоне голубого неба, кажутся сейчас массивными, точно вылитыми из чугуна. Направляю фонарик меж стволов и слышу громкую возню. Оказывается, это пролетела разбуженная светом птица. Вон невдалеке затаилось чье-то вытянувшееся темное тело. Может быть, рысь, а может, просто кусок обомшелой валежины... Где же Тоня?

Справа и слева от меня хрустят ветки, мечутся светлые тени по стволам. Это идут Вовка и Игорь. Чуть дальше — Максим Петрович... Как бы не потерять то место, где стоит палатка!

Игорь предлагает развести костер и кричать по очереди, насколько хватит голосу. Возвращаемся к палатке и кричим, кричим до хрипоты. Но никто не откликается. Нет нашей Тони. Где она? Что с ней?

Наступило утро. Я залез на дерево, осмотрелся. Вдали, озаренные ранним солнцем, блестели вершины снеговых гор. Внизу, под нами, точно на дне огромной чащи, темнела непроходимая тайга. Местами над лесом стлался туман. И в этой чащобе над небольшой ложбинкой поднимался едва заметный столб пара. Горячий ключ! Нам туда... Но как же без Тони? И мы опять отправились на поиски.

Воткнув у потухшего костра ветку с привязанной к ней запиской, мы пошли вниз по ручью. Солнце взошло над лесом и стало пригревать. Все громче становилось пение птиц. На песчаных отмелях ручья были ясно видны следы зверей.

— Медведица ходила с детенышем, — определил в одном месте Максим Петрович.

Он низко склонился над отпечатком медвежьей лапы. Рядом со следом — кровь.

— Медвежья? — Я во все глаза смотрел на учителя.

— Да, вероятно. Но... раненого зверя в лесу лучше не встречать... — Пораздумав, Максим Петрович сказал: — Разделимся на две партии. Я останусь в этом районе. Алексей с Игорем отправятся вниз по ручью... Ты, Владимир, будешь связным. Сигналы — выстрелами.

Поделив поровну оставшийся хлеб, мы простились с командиром.

Исчезновение Тони вызывало у меня самые тревож-

ные мысли. Зачем ей понадобилось выходить ночью из палатки?

До поворота ручья с нами шел «связной» Вовка. Мы попеременно кричали, вслушиваясь в отдаленное эхо, присматривались к следам...

— Лешка, смотри! — вдруг крикнул Игорь.

На сломанной ветке ракитника висел голубой лоскут.

— Тонина косынка?

— Да, Тонина, — озираясь по сторонам, прошептал Игорь. — Тоня должна быть здесь, в лесу... Она бежала, ее кто-то преследовал.

Я выстрелил. Гремящий звук покатился к верховьям ручья, отозвался эхом, и вслед за ним прогремели ответные выстрелы.

День был на исходе. По небу пролегли малиновые полосы. Странными, почти неслышными шорохами наполнялся лес. Собравшись все вместе, мы стояли у сломанной ветки ракитника... Где ты, где ты, Тоня, что с тобой?

— Тоня! Тоня!

И в ответ на наш призыв — мой призыв — в ясном предвечернем воздухе раздался протяжный знакомый голос:

— Ребята, здесь я!

— Тоня!

Мы бросились в чащу.

Глава двенадцатая

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Как мы ни звали Тоню, нового ответа от нее не было.

— Стреляй же! — приставал ко мне Вовка. — Она потеряла нас.

Я показал ему на патронташ, где оставалось всего два патрона, заряженных пулями, и сказал, что они на всякий случай.

— Все равно стреляй, дай знать о нас!

— Что вы! Нельзя! — раздался откуда-то сверху испуганный голос.

На вершине огромной ели сидела наша Тоня.

— Тише... Медведи...

Мы молча переглянулись и стали карабкаться на деревья. Я — на Тонино, Вовка и Игорь — на ближайшую к нему березу. Добравшись до ветки, на которой, обняв ствол, сидела Тоня, я увидел внизу медведицу. Она бродила по прогалине, освещенной лучами заката, тыкаясь мордой в деревья, кусты. Рядом с ней бегал медвежонок.

— Медведицу кто-то ранил... — торопливо заговорила Тоня. — Я чуть не наткнулась на нее утром в малиннике, едва убежала и забралась вот сюда. Хорошо, что она не заметила меня...

— Почему же ты не кричала нам?

— Не могла: ведь медведица целый день пролежала в нескольких шагах от дерева...

У меня прошел мороз по коже. В самом деле, допусти

Тоня малейшую неосторожность, откликнись погромче на наши призывы, зашурши ветвями, и раненый зверь полез бы на дерево...

— На, поешь, — сунул я Тоне сбереженный кусочек хлеба. — А что случилось ночью? Куда ты делась?

— Тише, Леша!

— Ну и что, у нас ружья!

Тоня с жадностью ела хлеб. Лицо ее осунулось, глаза ввалились. Не спуская глаз с медведей, она начала шепотом рассказывать.

— Все вышло из-за листков. Помнишь, я сушила листки, после того как искупалась в Байкале. Для надежности я спрятала эти листки в мешок с продуктами, там был потайной кармашек. Ночью мне показалось, что мешка в палатке нет. Я вышла, стала его искать, нашла в кустах. Обрадовалась страшно... Вынула листки, только собралась вернуться в палатку, кто-то с дерева прыг... Глаза зеленые, горят...

— Рысь?

— Откуда я знаю! Побежала не помня себя... А утром медведи.

— Скажи-ка, что же это за листки? Ты все время от меня что-то скрываешь.

— Потом, Леша, потом... Смотри, тебе Максим Петрович знак подает.

Я посмотрел вниз. Учитель стоял за толстым кедром и, сложив ладони трубочкой, отрывисто давал указания мне и сидевшим на березе Вовке и Игорю:

— Стрелять только в крайнем случае... Если побежит на нас.

Я проверил заряд и приготовился. Время тянулось медленно. Медведица то исчезала в лесу, то снова выбегала на прогалину.

— Смотри, как шерсть вздыбилась, разъярилась!..

Тоня не договорила. Медведица вытянула морду, будто что-то учуяв, и стремглав бросилась в нашу сторону. Руки мои невольно дрогнули, я оттянул курок, с секунды на секунду ожидая зверя. Вот раздался треск валежника, из кустов выкатилась темная туша. Почти не целясь, я нажал спуск... Медведица стала на дыбы, покачнулась и, взревев, пошла на кедр, за которым стоял Максим Петрович.

— Стреляй! — крикнул учитель. — У меня осечка!

Но не успел я перезарядить бердану, как откуда-то со стороны грянул выстрел. Медведица опрокинулась на траву, замерла, а медвежонок, метнувшись к первому попавшемуся дереву, вскарабкался по нему вверх.

Я стал было слезать с дерева, но меня остановил властный окрик:

— Погоди-ка, паря!

Из кустов, прихрамывая, вышел приземистый бородач с ружьем на изготовку. Обойдя медведицу кругом, он, постояв немного, крикнул:

— Выходи все. Дых пропал...

Он склонился над тушей.

— Моих пули две, — спокойно и просто сказал охотник. — Одной подранил вчерась, когда с собакой она сцепилась.

Поднявшись на ноги, незнакомец метнул на нас быстрый, внимательный взгляд:

— Откель будете? Из Сибирска? — Он достал кисет с табаком и закурил самокрутку. — Городние, значит... А зачем в наши края?

Немолодое уже лицо незнакомца поросло темной щетиной. Глаза пытливо прощупывали каждого из нас. Густые, сходящиеся на переносице брови как бы довершали его сумрачный вид. Не дождавшись ответа, он сплюнул на недокуренную самокрутку, положил ее в карман ватника, поправил висевший за спиной мешок и молча подошел к невысокому кедру. Верхушка дерева шевелилась.

— За медвежонком! — вполголоса сказала Тоня.

Незнакомец быстро и ловко взбирался на дерево. Он добрался до медвежонка, выбрал удобный момент и набросил на него мешок.

— Вот это работа, класс! — восхищенно сказал Вовка.

Когда охотник спрыгнул с дерева, мы склонились над медвежонком. Высунув из мешка свою пушистую мордочку, он плаксиво скулил, показывая нежно-розовый язычок.

— Что, нравится? — прищурился незнакомец, видя, с каким интересом рассматриваем мы Мишку. — Для городних, конечно, диковинка... Да вы берите его себе, добыча общая! — неожиданно добавил он.

Мы обрадовались подарку.

— Эх ты, плакса! — ласково погладила медвежонка Тоня. — Вот чем тебя кормить?

— Кормить просто, — сказал таежник. — Как к дому доберетесь, молоком коровьим поите, а пока так...

Незнакомец вытащил из кармана тряпку, положил в нее кусочек хлеба, завязал узлом и пошел к ручью. Вернувшись, он сунул хлебную соску медвежонку в пасть. Тот замотал головой и отшвырнул соску.

— Ничего, когда в животе заурчит — возьмешь. — Он просто и открыто улыбнулся. — Сами-то небось тоже голодные? Что ж, если хотите отведать окорока, то подсобите поднять медведицу. Будем шкуру сымать.

К шалашу охотника пришли на рассвете. Высокий, похожий на стог шалаш стоял под развесистой березой, и тропинка от него вела к небольшому озерку. Посредине озерка вода бурлила, подымался пар. Тоня не утерпела и, разыскав в сумке термометр, побежала к воде.

— Ого! Семьдесят два градуса! — воскликнула она.— А какой состав воды? Дайте бутылку, надо исследовать. Это настоящий горячий ключ.

— В нем вот и лечусь, — сказал охотник. — Купаюсь каждый день, крепко помогает. Почти уж не хромаю!

Мы переглянулись — догадка была уже у всех на языке.

От шалаша послышался лай, и к охотнику, припадая на переднюю ногу, подошла овчарка.

— Жена меня сюда приволокла на лошади вьюком,— продолжал таежник, гладя собаку. — Потом-то жену пришлось в обратную. Омуль, вишь, подошел, рыбачить пора.

— Омуль? — откликнулась с озерка Тоня. — Так вы рыбак?

— Экая невидаль! На Байкале кто же не рыбак?

— А вы, может, и Зотова знаете? Степана Ивановича? — с надеждой спросила Тоня.

— Не ошиблась, дочка, — погладил бороду таежник. — Хорошо знаю... Как же самого себя-то не знать?

Так и есть, и все же мы от неожиданности примолкли.

Тоня хотела спросить Зотова о чем-то еще, но вместо этого побежала к шалашу.

— Понимаете, Степан Иванович, — жалобно сказал

Игорь, — мы гостинец вам несли... омулей соленых, да пришлось...

— Ты, паря, на еду намекаешь, — перебил его Зотов. — Погоди, сварим чай, и тогда медвежьим окороком попотчую!

— Я не об этом, — Игорь умолк. — Омулей мы от Бадмы везли.

— От Бадмы? От Жалсараева? Вот уж случай к случаю! Встрели его?

Мы начали было рассказывать все по порядку, но из шалаша выскочила Тоня, растолкала нас. В руках у нее была пачка листков и фотография.

— Степан Иванович, вот поглядите хорошенько. Узнаете?

Зотов взглянул на фотографию. Сел к костру, закурил. Потом бережно взял из рук Тони снимок и долго глядел на него.

— Моя пушка! Моя, ребятки. Из нее по белякам палил. В каменоломне в ту пору позиция наша была.

И старый партизан начал свой длинный рассказ...

Путь из долины ключей показался особенно трудным. Медвежонок, шкура медведицы, бутылки с ключевой водой — все это давало себя чувствовать. До берега Байкала шли четверо суток.

Бадма встретил нас на старом месте:

— Похудел! Штаны подрал, рубаха тоже, — говорил он, попыхивая трубкой. — Медвежонка поймал... Старому Бадме шкуру дарил... Воды с ключа привез! Молодец! Больницу в тайге открывать будем?

— Будем, обязательно будем, — отозвался Максим Петрович, снимая со спины тяжелый груз. — Видишь, сколько воды несем? Врачам ее отдадим, химикам, анализы сделать.

Бурят кивал головой, подтверждая, что так и надо.

— А когда поедешь на та сторона?

— Сегодня же ночью.

— Э, нет, утром нада!

— Что вы, дедушка, дорог каждый час! — возразила Тоня. — Скоро занятия в школе.

— Нельзя ночью. Худой ветер будет, ух!

Бадма оказался прав. На Байкале усилилось волне-

ние. Проверив стоявшую возле сетей моторку, мы стали готовиться к ночлегу.

Был поздний вечер. Грозно шумел Байкал. Я лежал у костра и смотрел, как качается на ветру пламя, шипят и ласково потрескивают дрова. Перед глазами ясно, как на экране, всплывали все события последних дней.

— Леша! — услышал я голос Тони. — Ты не спишь? Я должна тебе что-то сказать. — Тоня придвинулась к костру. — Ты, конечно, все еще сердишься на меня?

— Я просто не знаю...

— Помнишь, я не поехала с вами на Байкал, — начала она тихо. — Ты спрашивал меня почему.

— Да мне и сейчас непонятно.

— Причина — вот... — Тоня показала небольшую пачку листков, тех самых, с расплывшимися чернилами, которые она сушила на моторе.

— Это те, что дороже жизни? Ради них ты выходила ночью из палатки?

— Да, я очень берегла их. Это копии архивных документов, которые мне попались накануне вашего выезда из Сибирска. В документах факты, очень важные и очень дорогие тебе и мне, и их подтвердил Зотов.

— Какие факты? — насторожился я.

Тоня раскрыла передо мной свой маленький блокнот с потешной надписью «Путевая книга челюскинцев».

— «Было это, как помню, в тысяча девятьсот девятнадцатом году... — начал читать я. — По Сибири лютовал колчаковец. Наш партизанский отряд, кочуя по тайге, никак не мог пробраться к своим...» Постой, — повернулся я к Тоне. — Это же рассказ Зотова о пушке, который мы от него слышали. Что же тут нового для меня?

— Читай, читай, Леша, — ласково попросила Тоня.

Я придвинулся ближе к костру.

— «У беляков — пушки, пулеметы, а у нас что? Берданы да гранаты ручные. Позарез была нужна нам пушка. И вот отправил меня командир с двумя ребятами через фронт, прямо в Сибирск-город. Наказ дал: «Ты, — говорит, — Степан Зотов, крестьянин. И, как крестьянский человек, обратись ты к заводскому люду, которые за Советы, пусть пушку достанут». А за городом тогда бои шли. Пробрался я с ребятами в Сибирск, с большими трудностями пробрался. Нашел кого надо и задаю

такой вопрос: «А что, если пушечку сделать партизанам? Такую, скажем, не по всем статьям, но чтобы пушка была и уваженье вызывала...» Поглядели на меня рабочие, отвечают: «Конечно, сделать все можно, Зотов, но ты погляди: завод-то стоит. Вагранку пробило снарядом, коксу нет, воздух подавать нечем. Но мы, брат, помозгуем». И вот взялся за все эти дела один старый литейщик, молчаливый, хмурый, а дело знал крепко... Хороший был человек! И что бы вы думали? Собрал он вокруг себя, тот литейщик, помощников и пушечку отлил. Потом на станок ее стаскали — просверлили, где надо, лафет пристроили и недельки так через две отрядили меня к своим. А везти-то тоже надо знать как. Зима была снежная. Запрягли мы подводы, барахлишка всякого набросали, сенца и тому подобного — будто беженцы, от красных спасаемся, — а пушку подо все это спрятали. Ночь была темная. Проводили нас рабочие за шоссе, прощаться стали. А тот молчаливый литейщик и говорит: «Товарищи, жизни не жалейте за советскую власть!» Сказал так-то, да и обнял нас всех по очереди. А потом эта пушечка нас крепко выручала. Такой наводила на беляков страх, что мы каждый раз добрым словом заводских поминали... Когда бои отошли за Байкал, я в город ездил, хотел от всего отряда поблагодарить литейщиков, да не нашел никого. «Все, — говорят, — с Красной Армией ушли». — «А вот, — говорю, — молчаливого такого, седоватого из них не помните?» — «А как, — спрашивают, — его фамилия?» — «Фамилию-то я забыл, разве в этой суматохе упомнишь?..»

Запись рассказа Зотова на этом обрывалась.

Я почему-то боялся посмотреть на Тоню.

— Зотов не вспомнил фамилию литейщика?

— Нет. Фамилию мне назвали листки...

Тоня пошевелила сучья в костре. Красные языки пламени, точно флаги, вспыхнули в серебристом дыму.

— Пушку, Алеша, что мы нашли в каменоломне, отлил твой отец...

Глава тринадцатая

СНОВА ПУШКА

Вдали, за крышами домов, показалось здание школы. Вот из-за забора выглянули мои любимые яблоньки. Одна, вторая, третья... Все на месте, облазанные до самых верхушек, с поломанными сучьями, потускневшей корой.

Я привык видеть их из окна класса, встречаться с ними каждое первое сентября. Постоишь возле них и смело зашагаешь в класс: кончилось лето, наступил новый трудовой год...

Сегодня, идя в школу, я вспоминаю байкальский берег, задумчивое лицо Тони у костра, взволновавший меня рассказ партизана. Не было дня с того вечера, чтобы я не думал об этом. Мой отец своими руками отливал пушку, пушку, которая верно служила борцам за советскую власть... А сейчас на том же заводе работает мой брат Павел... Я видел наводчика Степана Зотова... Как жаль, что мне не удалось познакомиться с этим человеком ближе — ведь он знал моего отца.

Я открыл калитку школьного двора, прошел к тому месту, где не так давно под яблоней стояла наша пушка. Все было как и прежде... С тихим шелестом падали с деревьев листья, из раскрытых дверей школы доносился ребячий гам... Пройдет еще один школьный год последний, и я не вернусь сюда. Где же я буду?

— Леша!

Обогнав Ольгу Минскую, которая несла, прижав к груди, свернутый трубкой синий журнал, Тоня торопливо

сбежала по ступенькам школьного крыльца. Когда Тоня была уже совсем близко, я понял, что она очень расстроена.

— Что с тобой? Ольга, и ты не в своей тарелке? — Я с удивлением и тревогой смотрел то на одну, то на другую.

— Ах, Леша, ты еще ничего не знаешь!

Тоня выхватила у Ольги классный журнал и, раскрыв его, протянула мне. Фамилию «Рубцов» перечеркивала красная жирная черта.

— Понял, Леша? Тебя исключили из школы.

— Исключили? За что? Кто?

— Ковборин. За обман с пушкой. За поездку на Байкал. Мол, он организатор и других подбил...

Я стоял столб столбом и никак не мог освоиться с тем, что произошло.

— Успокойся, Леша. Мы должны немедленно идти к директору и объяснить ему... Доказать, понимаешь? Хочешь, я с тобой пойду?

Тоня взяла меня за руку, но я вырвал руку и бросился к школе.

Я не сразу разобрался в том, что здесь творится. Посреди класса стоял Вовка с медвежонком. Вокруг толпились и орали малыши.

— Медведь, а боится, — заливался смехом вертлявый Петька Романюк.

В самом деле, наш байкальский медвежонок трусливо скулил, тыкаясь мордой в Вовкины ноги. Вовка, придерживая его за ремешок, старался перекричать голоса ребят:

— Чудаки, это же наш подшефный Мишка!.. Он будет жить в биологическом уголке.

И тут, на мою беду, появился Маклаков.

Растолкав малышей, он с ходу пнул медвежонка и плечом подтолкнул Вовку. Тот отлетел в сторону.

— Ах ты, гад! — Я подошел вплотную к Маклакову. — Это все ты... гад! — Больше ничего я не мог сказать.

Я схватил его за лацканы пиджака и поволок из класса. Он так растерялся, что даже пальцем не успел шевельнуть. Но в дверях блеснуло знакомое пенсне.

— Рубцов! — прозвучал ледяной голос. — Мало то-

го, что вы без разрешения заходите в класс, — вы снова устраиваете побоища. Немедленно убирайтесь!

Минуту я колебался — броситься на Ковборина или нет. «Не смей, удержи себя». У меня сдавило дыхание, и я, ничего не сказав, выбежал из класса.

Не помню, по каким улицам и закоулкам я блуждал, но оказался на Ангаре. У причала, возле университета, дымил пароход, сновали по пристани люди, несло речным холодком. «Зачем сбежал? Опять, как тогда...» Вспомнился буран, торосы на замерзшей реке и тогдашнее смятение, и страх, и злость.

Поднявшись по насыпи берега, я пошел вдоль улицы. Река осталась позади, впереди высились трубы завода, сверкала на солнце стеклянная крыша механического цеха.

К Павлу в цех! Пойти и рассказать ему обо всем. А может быть, прямо к начальнику цеха, просить, чтобы поставили к станку? Или к Василию Лазареву — он уже токарь. Ведь я же исключен, вычеркнут из списков. Куда мне деваться?

Вот проходная завода.

— Пропуск! — потребовал вахтер.

Я просил, умолял, требовал. Вахтер был неумолим. Я вышел из проходной и повернул в проулок к заводскому Дому культуры. Вот тихая улочка, серый забор, меченая доска сарая, исковырянная лопатами земля.

Припав к земле, я отвернул край доски... Что же это? Мне показалось, что сердце перестало биться! Сарай был пуст. Куда же девалась пушка? Неужели он, Маклаков? Конечно, это его козни! Встреть я его сейчас, избил бы до полусмерти, сбросил бы в Ангару.

Неожиданно я почувствовал на своем плече тяжелую руку.

— Что, парень, землю целуешь? Червей на рыбалку копаешь, что ли?

Я вскочил и не сразу узнал Петровича. Старый слесарь, как видно, возвращался с ночной смены. Глаза у него были красные и усталые, от спецовки несло свежим запахом машинного масла.

— Что с тобой, Рубцов?

— Да вот... тут дело одно... с пушкой вот...

Петрович потянул меня на краешек тротуара, сел,

снял кепку, вынул из кармана немного ветоши, вытер усталое морщинистое лицо.

— Вон что! Пушечку-то твоего отца сразу я спознал, — задвигал он седыми бровями. — Мы ее с твоим отцом на станок таскали, колеса прилаживали и первый выстрел из нее вместе сделали. Ну вот... А здесь не ищи. Вчера вечером уволокли нашу пушечку...

— Куда же, Петрович? — вскочил я. — Кто?

— Ох, и горячий ты, Алексей! Отцовская кровь... Помню, молчит, молчит, потом вдруг закипит, как металл в вагранке.

— Петрович! — умоляюще сказал я. — Где пушка?

— Где? На месте она. Девица от вас была, командовала...

Тоня? Опять все молчком! Ничего не пойму.

В конце проулка раздался резкий свист в четыре пальца.

Сперва я увидел Вовку.

— Сюда! — кричал он. — Взять в окружение!

Шаткие досочки тротуара заплясали под частым топотом ребят. С другого конца проулка навстречу бежал, тяжело отдуваясь, Игорь.

— Ага, попался! — уцепилась за мой рукав Тоня. — Весь город обегали. Удрать хотел? А портфель где?

Петрович с удивлением посмотрел на меня, на Тоню, на Филю. Потом пожал плечами, надел на облысевшую голову замасленную кепку и зашагал домой. Я рванулся за ним.

— Петрович, пушка-то, пушка где?

Петрович обернулся:

— Вон у девицы спроси, что тебя в окружение взяла! — Он засмеялся, махнул рукой и пошел своей дорогой.

— У нас, брат, не убежишь, — говорил между тем Филя, крепко держа меня повыше локтей. — Мы, брат, сейчас выкупаем тебя в Ангаре. Да, да! Водичка нынче тепленькая... Р-раз, два, взяли, — скомандовал Филя, и не успел я опомниться, как очутился у него на спине.

Локти мои были крепко прижаты, и за ноги кто-то держал. Лежа кверху лицом, я видел одно только небо.

— Пустите! Что я вам, куль с картошкой?

— А будешь убегать? — добродушно-насмешливо спросила Тоня.

— Ну, не буду, пустите, — почти с ненавистью сказал я.

Меня поставили на ноги.

— Чудак, дуб, недотепа! Пушку-то перенесли во Дворец культуры, — сердито улыбаясь, сказала Тоня. — Хотели тебе сюрприз сделать...

— Итак, — сказал Павел, кладя на стол несколько чистых тетрадей, — у нас сегодня первый урок. Что так смотришь, забыл?

Я готов был провалиться сквозь землю. Только сейчас, в седьмом часу вечера, стоя перед братом, я по-настоящему оценил свою горячность. Зачем убежал из школы, не повидавшись даже с Максимом Петровичем? А портфель? Сам не знаю где! Ведь в нем план урока, который надо было согласовать...

— Ладно, учитель, готовься, а я пока маленько отдохну, — сказал Павел, заметив мою растерянность.

Когда он ушел, я кинулся к своему столу. А вдруг все же портфель здесь? Но портфеля с учебниками не было. Ну конечно же, забыл его в классе или потерял дорогой. Я никогда не говорил брату неправду, но что оставалось мне делать сейчас, когда, сбитый с толку событиями прошедшего дня, я не был готов к занятию? А Павел возлагает на меня такие надежды — ведь он решил на дому закончить семилетку... Нет, сдаваться нельзя. Надо взять себя в руки, провести урок. Пусть это будет русский язык, грамматика, которые даются мне легче всего. «Диктантов побольше!» — вспомнил я мимолетный совет Максима Петровича, данный мне еще на Байкале.

Объяснять рабочему человеку науку — дело не простое, это я уже знал. Павел учился не по-нашему, не по-школьному. Когда весной, вскоре после разговора с ним на поле, я решил попробовать свои преподавательские силы и стал объяснять брату физику, то попал в смешное положение. Я рассказывал ему теорию механики, а он вдруг попросил объяснить «по-научному» работу токарного резца. Откуда я мог знать это?

Физику Павел любил. Геометрию считал наукой из наук. Выучив однажды несколько формул на вычисление объема, он принес из цеха комплект чертежей и стал сам

производить подсчеты. К русскому языку относился хоть и уважительно, но занимался без особой охоты, писал медленно, с ошибками.

— К чему столько правил? — ворчал он, открывая учебник. — Кажется, ясно, как слово писать. Так нет, обязательно правило.

«Будь что будет», — подумал я про себя.

— Я готов, Паша!

Павел мгновенно поднялся с дивана. Он аккуратнейшим почерком надписал тетрадь, разгладил ее ребром ладони и обмакнул перо в чернильницу. Я стал ему диктовать отрывок на память:

Ревела буря, дождь шумел...

— Это, Алеха, из народной песни о Ермаке, — улыбнулся брат, написав строку.

— Песня-то народная, но автор ее Рылеев, — заметил. я.

— Рылеев? Декабрист? Не знал я этого. Интересно.— Мой ученик отложил ручку, задумался. Минуту спустя сказал: — А хорошо эту песню в «Чапаеве» исполняют! Помнишь, когда Василий Иванович сидит со своими бойцами и все поют... — Павел закинул голову, и по комнате прокатился его негромкий бас.

— А ну-ка, давай, Алеха, еще чего-нибудь! — сказал он, снова берясь за ручку.

Я понял, что стихи ему понравились, и продолжал диктовать все, что приходило на память. А на сердце было тревожно и смутно.

— Это Пушкин! Ну, а это Маяковский, — радостно узнавал Павел автора стихотворения и, поставив в конце написанного скобки, с величайшей осторожностью вписывал в них фамилию поэта.

— Еще, еще давай! — просил Павел, исписав тетрадочный лист. — Ты скажи-ка, мимо какой красоты жизнь проходит!

У меня нечаянно вырвалось:

Самолет, птица-сталь, славлю имя твое...

Я приостановился.

— Дальше, должно быть, забыл? — спросил Павел, не слыша продолжения.

— Да нет... — смутился я и, набравшись духу, дочитал:

Славлю Родину в крыльях твоих.
А в душе нарастает и звонко поет
Бодрой трелью навеянный стих...

— Откуда это? Не знаю, не слыхал такого стихотворения.

— Пиши в скобках «А. Р.».

— «А. Р.»?

— Пиши, пиши, — окончательно смутился я, — потом узнаешь.

Павел недоверчиво посмотрел на меня и поставил под четверостишием «А. Р.».

Помедлив, я сказал:

— Только строго между нами. И чтобы Зина не знала... «А. Р.» — значит Алексей Рубцов.

Стул под Павлом скрипнул. Брат с удивлением уставился на меня:

— Неужели ты стихи умеешь писать?

— Тут ничего особенного. Я еще на Байкале начал.

— Ты смотри-ка! Рубцовы стихи пишут! А? Знал бы отец! — Он отложил перо в сторону. — Ну, рассказывай, как у тебя прошел первый день в школе...

Глава четырнадцатая

ЗВЕЗДОЧЕТ

Весть о том, что Филипп Романюк открыл на небе новую звезду, с невероятной быстротой облетела всю школу. «В Москву запрос послали!» — «А может, старая, известная!» — «Да нет, совсем новая...» — шли разговоры. Меня, впрочем, звезда мало интересовала, у меня были свои земные заботы... Предстоял разговор с Ковбориным.

В директорский кабинет я был вызван не один, а вместе с Филей — его недавно избрали секретарем комсомольской организации школы.

Ковборин, прохаживаясь по кабинету, цедил слова сквозь зубы. Иногда он брал со стола перочинный ножик и, остановившись против меня, чистил свои длинные ногти.

— Итак, по просьбе некоторых педагогов, я оставляю вас, Рубцов, в составе учащихся десятого класса. Но предупреждаю. Предупреждаю в последний раз. Ясно вам?

— Да, абсолютно.

— Ступайте... Впрочем, погодите, — остановил меня и Филю директор. — Скажите, Романюк, вы в самом деле открыли звезду?

Филя помялся, переступая с ноги на ногу:

— Это не я, мой отец...

— Неважно. Но это факт?

— Вроде этого. Послан запрос в Астрономический институт в Москву.

Ковборин протянул руку за ножичком:

— Оставьте при себе жаргонные слова «вроде этого». Расскажите, как вам удалось совершить такое невероятное открытие.

— Летом я с отцом на паровозе работал. Он машинист, а я вроде... то есть помощник кочегара. Водили мы составы по маршруту иной раз днем, а то и ночью. Колеса стучат, перелески мелькают, огоньки, ветерок. Хорошо!

— Ближе к делу.

— Едем, значит, как-то ночью, — продолжал Филя. — Отец стоит у окна — путь впереди осматривает да небо не забывает: в бинокль глядит. Я уголь в топку бросаю. А ночь темная, звездная... Отец — любитель звезд, все книги, что я мог достать по астрономии, перечитал. И смотрит, конечно, больше в одно место: где девять звездочек мерцают. Вдруг отец как схватит меня за руку. «Филипп, — кричит, — десятая звезда зажглась!» Я не поверил. «Как же, — думаю, — так: вчера целую ночь просидел у своего телескопа и ничего не увидел, а сегодня загорелась?» Перестал бросать уголь в топку, встал рядом с отцом. «Смотри, Филипп, вдоль моей руки, повыше моста». Это отец говорит. Взял я бинокль, а сам не то что звезду — Млечного Пути не вижу, до того руки задрожали. Успокоился, навел бинокль в то самое место, где наши ученые предсказали звезду и... вижу ее! Яркая такая, зеленоватая...

— Ну-с, дальше... — пренебрежительно улыбнулся Ковборин.

— После этого случая, — продолжал Филипп, — как нам с отцом в маршрут отправляться, так я на звезду поглядываю. А у самого в голове вертится: «Неужели и взаправду та звезда, открытие которой предсказали ученые?» Достал атлас звездного неба. Но, сколько ни рассматривал атлас, нашей звезды найти не мог. Решил сходить в астрономическую обсерваторию. Дошел до самого профессора, а тот тоже о звезде не знает. Решили послать запрос...

— Чепуха какая-то! — дернулся на стуле Ковборин.

— Может быть, — смутился Филя.

— Абсолютно новых звезд, как вам известно, вообще не бывает в природе. Это взрываются существующие, но еще не обнаруженные звезды. Взрыв придает им огром-

ную яркость. Через стадию взрыва должна пройти каждая звезда, в том числе и наше Солнце... Так, по крайней мере, объясняет оксфордский астроном Милн. В общем, вам ответят, что вашу звезду открыл Гиппарх или Тихо Браге.

Филя сидел красный от волнения. Было видно по всему, что спорить с директором не так-то просто.

Но Филино открытие взволновало ребят.

— Почему, — интересовались ребята, — ученые, у которых и телескопы и другие точные приборы, не смогли обнаружить звезду, а простой машинист паровоза, любитель астрономии, сделал такое открытие?

— Неужели люди, считающие звезды столько веков, составившие подробнейшие атласы неба, оказались такими простаками? — удивлялась Ольга Минская.

А Милочка Чаркина однажды откровенно при всех нажаловалась Максиму Петровичу:

— В нашем классе сплошь какие-то политические кампании. То челюскинская эпопея, то пушка... Наконец до неба добрались — звезду открыли. Ужасно! Когда на переменах можно будет спокойно отдохнуть!

Учитель физики сказал с улыбкой:

— А вот придет ответ из Москвы, тогда будем судить.

Миновал сентябрь, ответ из Москвы не шел. Впрочем, другие события отвлекли нас от Филиной звезды.

Вот уже в течение многих вечеров в коридорах раздавался беспрерывный стук молотков, по стенам тянулись провода и сыпалась известка, вызывая ворчанье уборщиц. Это Игорь с группой любителей занимался оборудованием школьного радиоузла.

Мне поручили редактировать стенную газету «Ленинец». Вовка, к удивлению всех, стал посещать драматический кружок.

Трудно, конечно, рассказать обо всем, что происходило в нашем классе. Серьезно озадачило многих поведение Тони. Ее снова видели в архиве, но, когда я спрашивал ее, чем она там занята, она делала таинственное лицо и уклонялась от ответа. Что она от меня опять скрывает? Вспомнился вечер на берегу Байкала, рассказ про отца...

Как-то в раздевалке, встретившись со мной, Тоня спросила:

— Что ты сегодня делаешь, Леша?

— Дел много: стенгазету надо выпускать, к уроку с Павлом готовиться...

— Стенгазету отложи, к уроку за полчаса подготовишься. Идем на стадион!

— Нет, Кочка, ты не сердись, но я не успею.

— Что ж, была бы честь предложена! А у нас сегодня волейбольная встреча... — Тоня взмахнула портфелем и исчезла в дверях.

Спустя несколько дней Милочка Чаркина, загадочно улыбаясь, спросила меня:

— Ты не знаешь, кто это... в кофейного цвета костюме? Ну, который на стадионе Кочке цветы преподнес!

Какой еще там в кофейном костюме? Какие цветы? А вдруг Тоня влюбилась? Вот так штука! Вот почему она так весела, хохочет на переменах. Да, но отметки по химии, математике стали у нее снижаться! «Нет, — решил я, — это не по-комсомольски — видеть, что человек совершает ошибку, и не сказать ему об этом». Я стал ловить подходящий момент для объяснения с Тоней. Наконец этот случай представился.

Как-то после занятий, когда я шел по коридору, из пионерской комнаты выбежала Тоня. Не сказав ни слова, она подскочила ко мне и, взлохматив мои волосы, убежала во двор. В коридоре поднялся хохот, и я почувствовал, что уши мои сделались горячими. «Так. Ладно. Не думай, что это пройдет тебе даром!» — сказал я, отправляясь искать Тоню. Она уже успела взобраться на яблоню и, пригибая верхнюю ветку, срывала уцелевшие кое-где плоды.

— Как тебе не стыдно! — начал я. — Какой ты пример подаешь своим пионерам... Портишь такое дерево.

Тоня молчала и продолжала срывать яблочки.

— Ой, Лешка, — донеслось сверху, — яблочки такие спелые! Хочешь, я тебе брошу одно?

Круглая твердая ранетка ударилась о мою голову и отскочила в сторону.

— Слезай, говорю! — Я схватился за ствол и стал раскачивать яблоню.

На голову мне посыпались листья, кора. Тоня спрыгнула с дерева.

— Что с тобой, Лешенька?

— Нам нужно поговорить по серьезному делу, — начал я.

— По серьезному?

— Да. Пошли, я расскажу.

Тоня послушно шла за мной.

Мы сели на скамью у окна в опустевшем зале.

— Ну говори... — прошептала Тоня и стала теребить ленту в косе.

— Видишь ли... — начал я и вдруг понял, что говорить-то мне не о чем. Вернее, не о том мне хотелось. Но я упрямо продолжал: — Видишь ли, через год мы все выйдем на трассы жизни.

— Куда, куда? — переспросила Тоня, и на ее щеках появились коварные ямочки.

— На трассы жизни... — повторил я, чувствуя, что меня бросило в жар. — Понимаешь, все ребята готовятся к этому событию. Становятся серьезными. Много читают. Возьми, например, твою подругу Ольгу. За лето она прочла Белинского, много других книг, думает над своим будущим. Правда, она по-прежнему какая-то индивидуалистка среди ребят, но хорошо играет на пианино, увлекается литературой, английским языком.

— Все это я знаю, а ты... — нахмурилась Тоня. — Ты зазвал меня сюда, чтобы расхваливать Ольгу Минскую?

— Нет, я говорю это затем, чтобы ты не имела недостатков.

— А какие, собственно, у меня недостатки, хотела бы я знать?

— Ты часто ходишь на стадион.

— Верно. Играю в волейбол, а ты отсиживаешься дома. Еще?

— Мало читаешь.

— Откуда тебе это известно?

— Мало. По сравнению с Ольгой, — убеждал я ее.

— Ну, допустим. Дальше?

Я молчал.

— Еще какие у меня недостатки? — повторила Тоня, начиная улыбаться.

— Ты не занимаешься общественной работой.

— Как? Я — пионервожатая четвертого класса «Б»! Мой отряд первый в школе! Не всем же быть редакторами стенгазет. Еще что?

У меня, должно быть, выступил пот на лбу. Но сдаваться было нельзя, и я тихо сказал:

— Ты много смеешься...

— Смеюсь! — всплеснула руками Тоня. — Да что же я, старушка столетняя? Вот не думала, что смеяться грешно! Ну, что еще скажешь?

— Все.

— Ах, все!.. — с насмешкой протянула Тоня. — Я думала услышать от тебя что-нибудь поинтереснее, а ты нашамкал тут по-старушечьи. — Расхохотавшись, она добавила: — В волейбол я все равно буду играть, смеяться мне тоже никто не запретит. О-не-гин! — И Тоня выбежала из зала.

А я? Я словно прирос к скамейке в тихом, безлюдном зале. Нечего сказать, внушил! Даже о плохой учебе ей не напомнил!

Когда на следующее утро я шел в школу, в голове теснились невеселые думы. Вспоминалась эта дурацкая проповедь в пустом зале. Разве об этом надо было говорить!

К тому же еще дождь. Порывами налетал ветер, беспощадно срывая с деревьев последние листья.

Тоня решила не замечать меня. Она делала равнодушное лицо и молча проходила мимо. С другими ребятами и шутила и весело смеялась. В перемену она громко сказала:

— Ребята, организуем волейбольную команду!

Да, и все согласились: и Филя, и Игорь, и Вовка, и даже Ваня Лазарев!

На переменах я много раз подходил к окну, с грустью смотрел, как на холодном октябрьском ветру качались яблони.

За уроком мне кто-то подсунул записку. На листке бумаги, вырванном из тетради, было нарисовано окно, в него пялил глаза долговязый юноша. Под карикатурой стояла подпись, сделанная печатными буквами:

Смотрю в окно. Одет, обут,
Сырую осень проклинаю.
А тучи все идут, идут,
И нет им ни конца, ни краю.

Недоставало, чтобы она еще подсмеивалась надо мной!

Я решил во всем признаться Игорю. Разговор с другом состоялся на «голубятне» — так Игорь прозвал комнатку под чердаком школьного здания, где размещался радиоузел.

Игорь расхаживал по комнатке взад и вперед. Иногда он останавливался и, пощипывая черный пушок над губой, ударял носком башмака об пол.

— Вот сюда, Лешка, поставим наш двухламповый, в этот угол — усилитель со щитком распределения, а на столе — микрофон. Настоящий микрофон, чтобы вести собственные передачи. «Алло! Говорит школьный радиоузел».

— Ты меня слушаешь или нет? — не вытерпел я. — Друг называется.

— Ясное дело, Лешка! Столько лет ты с ней дружишь, и вот — недоразумение.

Но не проходило и двух минут, как Игорь останавливался, прижимаясь ухом к стене:

— Слышишь, Лешка, стучат молотки? Это мои помощники. А вообще, знаешь, правильно она тебя! Не будешь морали читать!

— Ну, знаешь ли, — поднялся я, — за этим, что ли, к тебе пришел?

— Да ты не обижайся! Вот тогда на Байкале уж очень не хотел я тебе говорить насчет лыжного перехода. И Вовка не советовал. А почему?

— Ну, почему?

— Потому, что у тебя привычка: «опасно» да «не стоит», да то, да се... То вспыхнешь, как спичка, то в проповедь ударишься. Что за характер?

— Но тогда, на Байкале, ты и вправду чуть не утонул!

— Значит, и рисковать не надо? Сидеть да раздумывать?.. Вот и Филя. Он тоже вроде тебя рассуждает, — продолжал Игорь. — Ты думаешь, о чем он меня спросил, когда его избрали секретарем? О радиоузле. «Ты, — говорит, — поторапливайся, друг, — радио имеет большое воспитательное значение». Видал, как заговорил? А помог? Ни черта!

Игорь с силой прикрыл открывшуюся дверь и остановился посреди «голубятни».

— Думаешь, откуда я взял это? — похлопал он себя по карманам, набитым роликами. — Выменял у Петьки на авторучку. Петька оказался куда сознательней своего братца: где-то раздобыл их и дал мне.

Дверь скрипнула, и Игорь опять ее прихлопнул, продолжая изливать свои обиды:

— Никто не помогает. Для Ковборина этот узел — что пустое место, «голубятню» и ту с трудом отдал. А Филя совсем... Даже вступительную речь на открытие узла не напишет. Звездочет! Натрепался всем, а теперь в небо тычется.

В это время дверь, которую Игорь так старательно прикрывал, вдруг с шумом раскрылась, и на пороге появилась грузная фигура Фили Романюка.

Игорь от неожиданности даже присел. Но из кармана посыпались ролики, и это быстро привело его в чувство.

— Подслушивал? За дверями стоял? — Он ползал по полу, подбирая ролики. — Ну и правильно! Наматывай на ус. А то где теперь критиковать начальство? Комсомольские собрания не проводятся, школьная стенгазета словно побывала у дантиста и осталась без зубов.

Филя с молчаливой улыбкой прошелся по радиоузлу, пощупал руками усилитель, включил и выключил рубильник.

— Как ты сказал про меня? Звездочет? — Филя уселся на подоконник, снял очки и покрутил их за дужки. — Так вот, документы из Москвы пришли...

— Ну и что?

— А то, что звезда — новая, та самая, вспышку которой предсказывали советские ученые. Гиппарх не знал, Тихо Браге не знал. Вот вам и паровозная астрономия!

— Я... я же, между прочим, так и думал! — радостно объявил хозяин «голубятни». — Вот и готовая речь для открытия радиоузла! Сенсация! Понимаешь, Филя, как ты кстати открыл звезду!

Глава пятнадцатая

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Однажды, проснувшись, я увидел, что за окном белым-бело. Снег облепил деревья, столбы, заборы. Деревянные домики точно выросли за ночь и походили на большие сахарные головы. Воздух с легким морозцем был напоен тем особым зимним ароматом, который ощущаешь даже на вкус. В утренней тишине звучно скрипел снег под ногами, с деревьев отчетливо доносились птичьи голоса. Небо было голубое, ясное, на его бескрайнем просторе белой льдинкой висел месяц, не успевший скрыться за горизонт.

В этот день вечером состоялось наше «небесное путешествие». Всем классом мы высыпали на школьный двор и окружили Максима Петровича.

— Поздравляю, друзья мои, с наступающей матушкой-зимой. Она нынче у нас ранняя, — начал учитель.

— И такая тихая, торжественная! — с воодушевлением подхватила Ольга.

Мы посмотрели вверх. На чистом вечернем небе мерцали звезды. Одни звезды посылали на землю белый свет, другие горели синеватыми, красноватыми и зеленоватыми огоньками. Прямо над нами проходила широкая звездная полоса — Млечный Путь.

— Ну, а теперь предоставим слово Романюку, — объявил Максим Петрович.

Наш астроном смущенно кашлянул.

— Говорить-то, пожалуй, и не о чем. Вон она, — Филя протянул руку.

И, следуя за ней взглядом, мы отыскали на небе

группу небольших, тускло мерцающих звездочек. Среди них находилась звезда, замеченная его отцом.

— Это какая же — та, мутноватая? — ядовито спросил Маклаков.

— Ну да, похожая на угасающий уголек, — подхватила Чаркина.

— А вам какую надо? — сказал Вовка. — Чтобы на гуляньях вам светила? Обыватели!

— Но-но, без оскорблений! — злобно шикнул Маклаков. — Я ведь ни пушки не забыл, ни байкальской истории...

Они стояли друг против друга — маленький, в ватной курточке Вовка и рослый, разодетый Маклаков, готовые вот-вот вцепиться друг в друга.

— Звезда Романюков — явление очень любопытное, — раздался в морозной тишине голос Максима Петровича. Он словно бы ничего не заметил. — Это так называемая «новая» звезда из породы звезд, страдающих «хронической» болезнью вспышек.

— Как... разве она уже взрывалась? — удивилась Милочка.

— Да, восемьдесят лет назад... Используя данные прошлого взрыва, советские ученые предугадали срок ее повторной вспышки. А скромный астроном-любитель машинист Романюк подтвердил это на практике.

Мы с Игорем, слушая учителя, все же на всякий случай придвинулись к Вовке — Маклаков не отходил от него.

— Буржуазные ученые, такие, как Джинс, утверждают, что Солнце также заражено болезнью взрыва, который произойдет неожиданно, как вспыхнула эта звезда. «Стоит ли тратить силы на борьбу за лучшее будущее человечества? — говорят они. — Стоит ли задумываться о недостатках капиталистического строя? Все равно ведь в один момент вся жизнь на нашей планете может пойти насмарку...» — Максим Петрович передохнул и отыскал взглядом Милу Чаркину. — «Да, — отвечаем мы, — стоит! Мы будем бороться за счастье человека на нашей планете, потому что ему ничто не угрожает со стороны небесных светил. Солнце не относится к «хронически» заболевшим светилам... За миллиарды

лет своего существования оно ни разу не подвергалось вспышке и никогда не взорвется!»

Среди ребят поднялся радостный шум, кто-то крикнул «ура», захлопал в ладоши. Воспользовавшись этим, Маклаков хотел было дать Вовке подножку, но я успел свалить его с ног.

Маклаков тотчас вскочил, и мы уже готовы были сцепиться друг с другом.

Между нами стала Тоня.

— Вы с ума сошли — драться на уроке? — Тоня с любопытством глядела на меня. — Пошли бы хоть на Ангару!

Тоня была в шубке с беличьим воротником, в вязаной шапочке и белых пушистых варежках. Во всем этом наряде она казалась какой-то особенно милой.

— Ты похожа на Снегурочку, — не удержался я.

Тоня, помолчав, сказала шепотком:

— Между прочим, я на тебя уже не сержусь, Леша...

— Давно?

— С этой минуты. — Она засмеялась. — Нет, мне уже давно надоело сердиться.

Максим Петрович продолжал рассказ о созвездиях, говорил, что своими очертаниями они напоминают льва, ящерицу, оленя... Но едва ли я слушал его внимательно... Передо мной в голубом морозном воздухе стояли Тонина вязаная шапочка и Тонины губы...

По дороге домой Тоня о чем-то беспрерывно говорила, тормоша меня за рукав. Я молчал. Рядом с нами, согревая руки в карманах пальто, шагал Романюк.

— Филя, ну хоть ты скажи что-нибудь! — приставала к нему Кочка.

Романюк, придерживая очки, поглядел на небо:

— Гиппарх, Тихо Браге... Новых звезд нет в природе...

— Ты о чем это? — спросила Тоня, не знавшая о нашем разговоре в кабинете директора.

— О своем! Глядите, друзья, на небо, ищите новые звезды. Может, и ваша звезда объявится.

Мне было хорошо, и Тоне, наверно, тоже. Точно мы шли не по глухой улице, а плыли по звездной реке.

— Уж не хочешь ли ты променять свою математику на астрономию? — нарушила тишину Тоня.

— Тут и менять нечего, — спокойно ответил Филя. — Науки определенно родственные...

— Это он под впечатлением беседы, — заметила Тоня, когда Романюк ушел. — А что ты думаешь, Леша, вот увлечется наш секретарь астрономией и еще профессором станет. Честное слово, станет. Филипп — он ведь упрямый!

Тоня подняла воротник шубки и снова заговорила:

— Леша, когда Максим Петрович рассказывал о Большой Медведице, у меня были совсем глупые мысли... О нашем маленьком медвежонке... Ты, наверно, сейчас стихи сочиняешь, да? — вдруг спросила она.

— Какие стихи? — опешил я.

— Обыкновенные. Ты думаешь, я ничего не знаю?

— Кто тебе говорил? — спросил я сердито.

— А не все ли равно, кто? Может быть, я иду сейчас с будущим Пушкиным!

Тоня с шутливой торжественностью взяла меня под руку. Я вырвался... мы оступились и полетели в сугроб.

— Замечательно! — рассмеялась Тоня. — Напротив самого-то дома? Ой, если бы видел папа!

Мы долго отряхивались от снега.

— Зайдем, Леша, к нам, погреешься, — пригласила Тоня.

В морозном воздухе сонно прокатилось десять каланчовых ударов.

— Поздно...

— Пошли!

Увлекаемый Тоней, я вошел за нею в дом. Из прихожей в раскрытую дверь виднелась огромная спина доктора. Сидя за столом, Кочкин что-то писал. Над лохматой его головой вился табачный дымок.

Разделись тихо, чтобы не мешать. Но доктор узнал мой голос.

— Как здоровье Павла Семеновича? — спросил он, не повертывая головы.

— Да так... Кашляет, — растерялся я.

— Кашляет? — Кочкин загрохотал креслом, отодвигаясь от стола. — Чего же он ко мне на прием не приходит? Пуля не дура, свое дело знает. — Пригасив в пепельнице папиросу, доктор, хмурясь, сказал: — Ты, Алек-

сей, предупреди брата. А то ведь я с пациентами не церемонюсь. В милицию заявлю!

— Ой, папочка, не пугай! — засмеялась Тоня и, взяв меня за руку, провела в свою комнату.

Присев к ее письменному столу, я увидел на нем стопку книг и бумаг. «Партизаны Сибири» — прочел слова, выведенные крупными буквами. Тоня, вспыхнув, прикрыла бумаги рукой.

— Нельзя читать? — удивился я.

— Да. Пока нельзя. Это выписки из архивных документов.

— Новые выписки? А разве Зотов нам не все рассказал? Зачем ты скрываешь от меня?

Тоня присела на краешек кровати.

— Прости, Леша. Но я могу говорить только то, что проверено и доказано. Таково правило исследователя. — Она помолчала и вдруг рассмеялась: — Здорово я себя похвалила — исследователем назвала!

— Да нет, наверно, не зря. — Я не без зависти думал о том, что Тоня уже выбрала себе дорогу в жизни. — Максим Петрович был прав? Пушка дала выстрел?

— Кажется, да, — ответила Тоня. — Буду подавать заявление в Сибирский педагогический институт. Но все требует проверки. — В глазах ее сверкнули веселые искорки. — А заметно, что я становлюсь историком? Я же меньше стала смеяться. — И она звонко расхохоталась.— Послушай, Леша, я вот о чем хотела посоветоваться...

Тоня рассказала о предстоящем слете красногвардейцев завода и предложила, чтобы мы вместе написали письмо партизану Зотову. И мы тут же стали сочинять это письмо.

— Хорошо бы он приехал! — сказала, провожая меня, Тоня. — До свиданья, мой поэт!

«Мой поэт...» Была зимняя, настоящая сибирская зимняя ночь, когда я возвращался домой. Взошла луна, посылая на землю туманный свет. Снег на мостовой и крышах домов переливался искрами. От домов падали голубые тени. Весь воздух был словно пропитан синевой.

«Млечный Путь над нами... — закружились в голове еще неясные строчки, — искрится, горит...»

Я спешил, я летел домой, боясь растерять рождавшиеся слова, сочиняя новые и досадуя, что не было ни-

какой возможности тотчас их записать. Дома я сразу бросился к столу. Зина остановила меня градом вопросов:

— Где был? Почему так поздно? Что случилось?

— Зина, оставьте меня!

И Зина обиделась, замолчала.

Я оторвался от стола лишь тогда, когда было записано все, что пришло в голову по дороге.

Я торопливо ужинал и скороговоркой объяснял Зине, что задержался на занятиях по астрономии, и потом снова сел за письменный стол. Но мне было, конечно, не до уроков. Я писал стихи. Писал до изнеможения, терпеливо, выбирая самые красивые, самые звучные слова. И наконец облегченно вздохнул. Стихотворение было готово:

Млечный Путь над нами
Искрится, горит.
Любишь ты ночами
Арки лунной вид?
Я скажу, не скрою:
Кто-то был со мною,
Озаренный, нежный,
Что хотелось жить,
Каждый вечер снежный
Астрономом быть!

Из заглавных букв каждой строки составились два дорогих для меня слова: «Милая Кочка». Какими сильными, прекрасными казались мне тогда эти стихи!

Я переписал стихотворение начисто, перечитал его несколько раз и бережно запечатал в конверт. В этот момент я почувствовал, что голова моя стала тяжелеть, навалилась сладкая дремота. Когда я лег в постель, стояла уже глухая ночь.

Что случилось со мной? С той минуты, как был вручен Тоне конверт, я лишился душевного покоя. Перед глазами в невероятном вихре метались слова, рифмованные фразы. Я беспрерывно хватался за карандаш, писал, перечитывал написанное, и мне представлялось, что лучше этих стихов никто никогда не писал.

Так длилось с неделю. Все это время я почти совершенно не спал и на уроках сидел с затуманенной голо-

вой. На контрольной работе по физике я с большими трудностями решил задачи, сдав свою тетрадь почти последним. Во время урока Максим Петрович несколько раз останавливался возле меня и отходил, вздыхая:

— Законы электролиза, друзья, применяйте точнее.

Я понимал, что эти слова относятся только ко мне, хотя говорит их учитель как будто для всеобщего сведения.

Сдав тетради, мы с Игорем сверили решение задач. По двум из них ответы не сходились.

— Как же сойдутся, когда лирика сыплется из всех твоих карманов!

— Какая лирика? — не понял я Игоря.

— Ну, стихи, что ли. На вот, спрячь, — протянул он несколько исписанных листков. — То в парте их забудешь, то в коридоре выронишь. Я как сборщик утиля. Все дрожу, как бы в руки Недорослю не попало.

— Ну уж...

— Конечно, я, может, грубо выразился, Лешка, но у тебя все «милая», «нежная». Ты хоть «Кочка» не пиши, а то влипнешь, и я с тобой. И еще эта самая «трель». Как увидел тогда самолет, зарядил «бодрой трелью навеянный стих», так и дуешь подряд: «трель станка», «трель соловья». А соловья живого ты слышал?

Во время разговора Игорь с таким добродушием вздергивал свои брови-усики, что я не понял: нарочно он решил меня позлить или у него действительно это наболело? Во всяком случае, домой я пришел с испорченным настроением.

Мое огорчение стало еще большим, когда у себя на столе среди вороха листков со стихами я обнаружил клочок бумаги, на котором рукой Зины было написано: «Впрочем, я, как всякий молодой человек, не был лишен этого глухого внутреннего брожения, которое обыкновенно, разрешившись дюжиной более или менее шершавых стихотворений, оканчивается весьма мирно и благополучно. Я чего-то хотел, к чему-то стремился и мечтал о чем-то; признаюсь, я и тогда не знал хорошенько, о чем именно я мечтал».

Это была выдержка из Тургенева.

Так вот оно что! Зина разведала мою сокровенную тайну. Не решаясь пойти на открытый разговор со мной,

она как бы нечаянно подложила нравоучительную выписку из знакомой мне книги!

В первое мгновенье у меня возникло желание затеять крупный разговор. Кто дал право жене брата рыться в моих бумагах? Неужели надо мной, как над маленьким, нужен еще контроль? Но, рассудив как следует, я не нашел доказательств того, что запись адресовалась именно мне. В самом деле, ведь Зина много читала и могла делать для себя какие угодно выписки!

Но оставлять это просто так было нельзя. Не теряя времени, я отправился в школьную библиотеку и взял Куприна. На обратной стороне листка с записью тургеневской цитаты я нарисовал длинный нос, прищемленный ящиком письменного стола, а внизу сделал выписку из рассказа «Белая акация»: «Она знает все на свете... Она читает потихоньку мои письма и заметки и роется, как жандарм, в ящиках моего письменного стола...» Листок я положил на то же место, где он лежал.

Вечером Павел, сидя за уроками, спросил меня как бы между прочим:

— Чем ты, Алексей, Зину обидел?

«Ага, клюнуло!» — обрадовался я. Но вслух сказал:

— Ничем будто не обидел...

А назавтра меня и Филю вызвал к себе Максим Петрович.

Обычно при любом происшествии Максим Петрович приходил в класс сам и начинал подробно разбираться. Этот вызов — первый! Уж не потерял ли я какое из своих стихотворений?

В висках у меня стучало, когда вслед за Филей я вошел в физическую лабораторию. Максим Петрович сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. Он пригласил нас сесть и вынул из стола тетрадь, похожую на альбом. Я внимательно взглянул в сосредоточенные глаза учителя, но что они таили в своей глубине, догадаться не смог.

— Вот, познакомьтесь, — раскрыл перед нами альбом классный руководитель.

Я вгляделся и узнал почерк Милы. На первой странице аккуратнейшим образом было выведено: «Значение взглядов. Печальный — влюблен. Смотрит вверх — ревнует и страдает. Смотрит весело — обманывает вас...»

Филя вопросительно посмотрел на меня, я — на Филю.

— Удивлены? Этот альбом случайно подобрала уборщица в классе, — пояснил Грачев.

«Подобрала уборщица... Еще чего-нибудь она не подбирала?»

— А вот еще...

Я внутренне сжался.

Но Максим Петрович положил перед нами... фотографию Маклакова. Недоросль сидел развалившись на скамейке в саду, с расстегнутым воротом, и раскрытый рот его точно выкрикивал: «О-го-го...»

Филя перевернул фотографию. Небрежной, размашистой рукой на обороте ее было написано: «Моей брюнеточке. Сто поцелуев в твои рубинчики, Милка! Андрей».

— Об этом вы тоже не знали? — спросил Грачев.

Филя, которого явно бросило в жар, вытащил из кармана спасительный гребешок и сразу же пустил его в ход. Ничего не мог ответить и я.

— Этого надо было ожидать, — словно читая наши мысли, заключил Максим Петрович. — Комсомольцы не вникают в жизнь класса, заняты только личным, своим. А успеваемость с каждым месяцем ниже, дисциплина падает. Мало быть самим хорошими...

Слова Максима Петровича походили на спокойные, но веские удары, и от них становилось больно.

— Сколько сейчас комсомольцев в классе?

— Пятнадцать, — ответил Филя.

— Пятнадцать бойцов разбивали на границе отряды самураев. Пятнадцать — это сила! А у вас?

Глава шестнадцатая

СТРАННЫЙ ДНЕВНИК

На большой перемене мы собрались было с Тоней в биоуголок кормить медвежонка. Но нас задержал разговор, который затеяла Чаркина.

— Не понимаю, зачем это нужно всю жизнь учиться? — разглагольствовала Мила. Она уселась на парте в окружении девочек и маленькими кусочками откусывала от бутерброда. — В нашей семье есть такой дурной пример — моя старшая сестрица. Закончила девятилетку, поступила на фило... филологический факультет. Зубрила, зубрила дни и ночи. Превратилась в щепку. На пятом курсе, представьте, втюрилась в однокурсника, у которого и ботинок своих не было, и отправили их, дураков, в сельскую местность. Теперь сидят в глуши с коровами, курами, и ни театра тебе, ни кино, ни парка, ни веселого общества.

— А ты была там? — не вытерпел я. — Знаешь, какое там общество?

— А для этого и ездить туда не надо, в нашем Сибирске — областном центре — всего один театр, и тот драматический.

— Заладила: «театр, театр»! Вся жизнь будто в театре!

— Брось ты с ней связываться, — шепнула мне Тоня. — Пошли быстрее к медвежонку.

Я вспомнил разговор с Максимом Петровичем.

— Нет, Тоня, погоди, этого оставить нельзя.

Но Тоня махнула рукой и вышла.

А я подошел к Чаркиной, которая задиристо посматривала на меня, откусывая мелкими зубками от своего бутерброда.

— Ты, Мила, в актрисы готовишься?

— Хотя бы! — с вызовом ответила Милочка.

— Вот. А сама даже не ходишь на драматический кружок.

— Зачем мне кружок? Был бы талант!

— А если у тебя нет его?

— Во-первых, есть. Во-вторых, если нет — зачем мне драмкружок? В-третьих, закончу курсы машинописи и поступлю к какому-нибудь начальнику секретарем!

— Правильно. А потом выйдешь за него замуж, будешь есть огромные бутерброды и растолстеешь.

— Ну, это положим! Вот назло тебе не растолстею! — И Мила спокойно доела бутерброд.

Те, кто был в классе, окружили нас, с интересом ожидая, чем закончится разговор.

— Эх, Мила, Мила, отстаешь ты от жизни! — начинал уже я кипятиться. — Ты, наверно, и газет-то не читаешь, не знаешь, что делается вокруг. Мелкие у тебя запросы, скажем прямо — мещанские!

— Что? Газеты? — подняла тонкие брови Милочка. — Вот уж верно, газет я не перевариваю. Когда мне не спится, я беру газету в постель и — р-раз — мгновенно засыпаю. А вообще, Рубцов, ты от меня отвяжись. Занимайся лучше воспитанием своей Тонечки. Пожалуйста, читайте вместе газеты!

Взрыв хохота заглушил мои ответные слова.

— Отчего ты такой красный? — удивленно встретила меня в дверях юннатской комнаты Тоня.

— Так, ничего!

— Провел воспитательную работу с Чаркиной?

— Как видишь...

Тоня прошлась со мной по коридору, и я думал, что вот и она внутренне посмеивается надо мной.

Но Тоня задумчиво сказала:

— Что ж, Леша, может, и хорошо, что ты поспорил с Чаркиной. Если убежден, надо доказывать. С Чаркиной — одно, с Ольгой — другое. Но с Ольгой еще труднее.

— А что с Ольгой?

— Понимаешь, Леша, у Ольги какие-то странные взгляды на жизнь.

— Она индивидуалистка, вот и все!

— А отчего? Ну, скажи, отчего? Вот что у тебя нехорошо, Леша: ярлык приклеил, а дальше ничего знать о человеке не хочешь.

Я попробовал отшутиться: мол, Ольга второй день не появляется в школе и судить о человеке за глаза трудно.

— Это все несерьезно, — с досадой сказала Тоня. — Никто из нас по-настоящему не хочет разобраться в том, что происходит с Ольгой. Давай сходим к ней вечером.

Двухэтажный особняк, в котором жила семья известного при своей жизни врача Минского, стоял в глубине пустынной улицы, за нефтяным складом завода. Мы с Тоней шагали навстречу ветру, отворачивая лицо. Гудели провода на столбах, уныло покачивались редкие фонари. Вдруг Тоня вздрогнула и остановилась.

— Ты не слышал? Кажется, выстрел...

Я опустил воротник полушубка, но, кроме свиста ветра, ничего не услышал.

Мы поднялись на второй этаж. Дверь в квартиру была не заперта. Никто не вышел и на наш стук в прихожей. Тоня осторожно прошла дальше, в комнату Ольги, и тихо вскрикнула.

Ольга, бледная, как мел, стянув на груди пуховую шаль, сидела на полу, держа в руке куски стекла. Вокруг нее валялось множество мелких осколков, среди них лежал разбитый будильник.

— Что случилось? — спросил я.

Ольга повернулась лицом к окну. Тюлевая штора надулась парусом, и в комнату порывами залетал холодный ветер.

— Не знаю! Кто-то стрелял... — прошептала Ольга.

Я подошел к окну. Вдали, над заводом, сияло багряное зарево. Ночная смена литейщиков вела плавку чугуна. А здесь, перед домом, темнела огромная территория нефтяного склада. Унылый свет фонаря падал на белую цистерну, и больше ничего не было видно. Пустынно и мертво. Кто же стрелял?

Я заткнул дыру в окне диванной подушкой и подошел к девушкам. Они уже сидели в глубине комнаты на диване.

— Вот здесь я сидела и до выстрела, — сказала Ольга. — Вспомнила, что не заведен будильник, подошла к комоду. Только протянула руку, тут звон разбитого стекла, будильник свалился и завертелся, как волчок, на полу. И портрет отца вон, у двери, покачнулся и съехал на сторону... Самое интересное, — мрачно добавила Ольга, — что я читала «Фаталиста» Лермонтова...

— Ну, это уж мистика, чепуха, — сказала Тоня.

— В жизни много бывает случайностей, — философски заметил я, поглядывая на разбитое стекло.

Ольга, не соглашаясь, покачала головой.

— На днях вечером иду мимо нефтяного склада. Темно, страшно. Вдруг навстречу мне бежит человек. Пробежал мимо фонаря. Вижу — нож блеснул у него в руке. Я застыла от страха — сейчас ударит. А он бросился на другого... на сторожа нефтяного склада. «Значит, не судьба», — подумала я тогда.

— Странные истории творятся на вашей улице и на этом складе, — сказала Тоня. — Ты хоть сказала комунибудь об этом случае?

— Рассказала Феоктисту Павловичу.

— Кто это?

— Ну, Бойко, отчиму...

— А сейчас дома никого нет? — прислушалась Тоня.

— Мама спит, — показала глазами Ольга в соседнюю комнату.

— Опять больна?

— Все то же, — тихо вздохнула Ольга. Его нет четвертые сутки. Мама слегла. Сердечный приступ.

Тоня встала, принесла из прихожей веник и начала наводить порядок в комнате. Из-за двери донесся стон. Девушки тотчас скрылись в соседней комнате.

Оставшись один, я задумался. Что произошло с Ольгой? На пианино стояла ее фотография. Оля года три назад, наверно; в спортивном костюме, с ракеткой в руках. Такой вот жизнерадостной, веселой знал я ее всегда. Правда, уже и в то время она чувствовала себя какой-то одинокой среди подруг, но причинами могли быть музыка, английский язык — эти занятия отвлекали ее от нас,

от школы. Но такой, как сегодня, я Ольгу еще не видел. «Фаталист», судьба... Да еще этот выстрел, человек с ножом. Вот чертовщина! А мы, верно говорил Максим Петрович, ничегошеньки не знаем. Хороши!

Мой взгляд привлек портрет Минского. Стекло в уголке треснуло. Не застряла ли там пуля? Я взялся за рамку и тотчас же к моим ногам упала тетрадь, видимо лежавшая между рамкой и стеной. Надписи на тетради не было. Машинально перелистав страницы, я прочел:

«О-м опять пришел домой пьяный».

Что за «о-м»? Торопливым, но довольно четким почерком было написано дальше:

«Пришел мрачный, ни слова нам с мамой. Заперся в комнате. У мамы снова приступ».

Я хотел было засунуть тетрадку за раму, но любопытство поборолo стыд. И я листал страницу за страницей.

10 июля.

В кафе-молочной за одним столиком я увидела Маклакова с Чаркиной. На руке у Людмилы большой блестящий браслет. Откуда он у нее? Вместе с ними была полная нарядная женщина. Мать Андрея?

Вечером гуляла в саду, сидеть дома было просто невыносимо. Снова видела Маклакова, на этот раз в обществе каких-то двух парней, по-моему, с завода. Все трое курили сигары и приставали к танцующим девушкам. О-м снова пришел пьяный. Бедная мамочка, как мне жаль ее! Но ведь она любит его!

1 августа

Весь день провела в библиотеке, дочитывала Белинского. Какая великолепная проза! Как он умел писать!

Вечером в библиотеке состоялась лекция на тему «Педология как наука». Что за педология? Выступал наш Ковборин. Я испугалась, что он увидит меня, и ушла, а потом пожалела.

7 августа

Получила письмо от Кочки с Байкала. Завтра они отправляются в поход, к своему партизану. Счастливые!

Я завидую всем счастливым и талантливым. Между талантом и счастьем можно поставить знак равенства.

Человек талантливый имеет неоценимое превосходство над людьми обыкновенными. Как я завидую талантливым поэтам, музыкантам, артистам!

Решила проверить, на что я способна в музыке. За вечер разучила сонату Бетховена. Но все же: кем я хочу быть?

10 августа

«Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом в человеческой жизни является завтрашняя радость» (Макаренко).

Выписку сделала в библиотеке и тут же спросила себя: «А какая радость ждет тебя, Ольга?»

Не явился домой о-м. Звонили с завода, он, оказывается, не выходил на работу. Где же он был?

13 августа

Все необычно странно. О-м явился. Весь измятый, отвратительный. Говорит, что попал в аварию. С ним пришел... Ковборин! Вот уж глазам своим не поверила! Никогда не думала, что наш сухарь-директор может с кем-то дружить. Ковборин держался со мной подчеркнуто официально.

Разговор зашел о школе. Мама стала расспрашивать о Максиме Петровиче. Ковборин говорил о нем неприязненно, со скрытой насмешкой.

16 августа

Ковборин снова был у нас. Закрылись с о-мом в его комнате, о чем-то шептались. Я это сразу поняла, так как скрипел стул, отчим вставал и ходил проверять, плотно ли прикрыта дверь. Затем зазвенели стаканы, послышался хлопающий звук, — наверно, вылетела пробка из шампанского. Они расшумелись. Стали доноситься слова. Я даже услышала странную, поразившую меня фразу: «А ведь это та самая пушка, черт бы их побрал!» О какой пушке у них шел разговор?

23 августа

Мне кажется, что наш дом когда-нибудь сгорит. Вчера на складе пролили целое море нефти, она потекла к

заводу. Обвиняют каких-то двух парней: Антона и Семку. О-м чрезвычайно взволнован. Ведь он главный энергетик завода, в случае пожара пришлось бы отвечать.

24 августа

О-м снова пришел пьяный. Он, по-моему, больше представлялся, чем был пьян на самом деле. С какой целью он это сделал? Ко мне о-м вдруг стал добр и внимателен. Может, он не так плох и я сама виновата? На заводе будто ценят его как хорошего специалиста.

30 сентября

Нет, как все-таки хорошо жить! Хорошо, потому что на свете есть Белинский и Максим Петрович. «Ничего себе сравненьице», — сказал бы некто, кому попался бы на глаза мой дневник. А я не смеюсь. Максим Петрович — талантливейший педагог! Кстати, он хвалил Володю Рябинина за успехи в драмкружке. Володя в самом деле комик от природы! Но это разглядели не мы.

1 октября

Ковборин снова сказал маме какую-то гадость про Максима Петровича. Чего он добивается? В школе он первый борец за моральные устои, за качество учебы. А почему он был против нашего увлечения челюскинцами? Почему он так возненавидел партизанскую пушку?

11 октября

Сделала открытие, о котором боюсь сказать маме. О-м действительно часто инсценирует свое «пьянство»...

— Рубцов! Как же не совестно тебе? — раздался за моей спиной возмущенный крик Ольги.

Вырвав из моих рук дневник, она скомкала его и со слезами бросилась ничком на диван.

— Что тут у вас случилось? — подбежала ко мне Тоня.

Ошеломленный, пристыженный стоял я перед ней и ничего не мог ответить...

Глава семнадцатая

СХВАТКА У НЕФТЯНОГО СКЛАДА

«Внимание, внимание! Говорит школьный радиоузел. Сегодня в шесть часов вечера состоится открытое комсомольское собрание, посвященное речи Ленина на Третьем съезде ВЛКСМ. С докладом выступит директор школы Владимир Александрович Ковборин. На собрании будут представители завода. Приглашаются все желающие».

Эти слова разносились на каждой перемене из всех репродукторов.

То, о чем сообщал в своем объявлении радиоузел, я уже знал. Это собрание проводилось по инициативе комитета комсомола и его секретаря Фили Романюка. Но я никак не мог представить себе в роли докладчика Ковборина. Заветы Ленина и... Ковборин! Особенно это было непонятно и дико после того, что я узнал из дневника Ольги.

Когда в зале уже не осталось свободных мест, Филя предоставил слово директору школы. Ковборин, подойдя к трибуне, положил на нее папку с докладом и пристально посмотрел в зал. Глаз его не было видно за стеклами пенсне, блестевшими, как осколки льда.

— Ленин завещал нам «учиться, учиться и учиться...» — начал свой доклад Ковборин.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество...»

Перелистывая страницу за страницей, Ковборин звучно, артистически читал одну цитату за другой. Я старался вслушаться в каждое произносимое им слово. Но

странное дело: как я ни напрягался, до меня не доходил даже смысл отдельных фраз.

— Лешка, ты ведь речь Ленина на съезде читал? — наклонилась ко мне Тоня.

— А как же!

— Там все ясно, а почему сейчас будто все в тумане?

Мы сидели в первом ряду. За Тоней, в следующем ряду, сидела Ольга. Накинув на плечи пуховый платок, она с равнодушным презрением глядела на трибуну. О чем сейчас она думала? Что еще случилось у них дома? Почему в тот вечер она так решительно отреклась от своих записей в дневнике? Как сейчас, помню ее горящие, покрасневшие от слез глаза: «Все это я выдумала, все это бред, понимаешь, Алеша?» Я понимал только одно: во всем этом надо долго и терпеливо разбираться... Что за человек Бойко? И опять налет на нефтяной склад в тот вечер, когда мы были у Ольги. Кто это сделал? Зачем? Молодец все-таки сторож — отбился. Правда, пуля из его винтовки чуть не стала роковой для Ольги...

— Педология как наука призвана быть на страже знаний учащихся, — донесся тягучий голос с трибуны.

«О чем он? Какая тут связь? — старался я понять.— Может, я не понимаю, потому что не люблю Ковборина?»

— С помощью этой науки мы поможем вам, уважаемые воспитанники, определить свои дарования, чтобы стать достойными строителями коммунизма.

— А что это за наука все же — педология? — снова наклонилась ко мне Тоня.

— Я пожал плечами.

— Леший ее знает! — быстро нашелся подслушавший нас Вовка и громко зевнул.

По рядам прошел смех. Председатель позвонил в колокольчик. Но едва ли уже кто слушал докладчика.

После перерыва желающих выступать не оказалось. Смущенный этим обстоятельством, Филя долго и терпеливо упрашивал собрание. Наконец слово взял председатель учкома. Он сбивчиво прочитал свое заранее написанное выступление, и снова молчание.

— Плохо что-то вы разговорились, — упрекнул нас сидевший в президиуме представитель завода, — огонька молодого не вижу!

Это был главный конструктор завода Чернышев — седоватый, невысокий, с живой улыбкой на лице. Он вышел из-за стола, но направился не к трибуне, а в угол зала, где на возвышении стоял макет карты СССР.

Чернышев нажал на макете кнопку, и мало заметная до этого карта озарилась вдруг множеством красных точек. Все получилось так неожиданно, что ребята захлопали и стали приподниматься с мест.

— Каждый огонек — новостройка второй пятилетки, — объяснил Чернышев. — Взять, к примеру, Сибирь. На Кузнецком металлургическом комбинате строится новый мартен. В Голодной степи прорыт оросительный канал. Забил фонтан новой скважины Эмбанефти. Начала выпускать ткани крупнейшая текстильная фабрика в Ходженте. В Москве состоялся пробный рейс первого в Советском Союзе поезда метрополитена, — протягивал он руку то к одной, то к другой точке карты. — Советские аэронавты достигли стратосферы. Блестяще завершена челюскинская эпопея!

Говорил Чернышев просто, негромко, но как его слушали!

— Ведь все это — события только последних месяцев. А если взять годы? Как быстро мы шагаем вперед! Какими образованными людьми надо быть, ребята, чтобы участвовать в этой гигантской созидательной работе! Великий вождь пролетариата Владимир Ильич Ленин поэтому и говорил: «Задача состоит в том, чтобы учиться...»

Чернышев взошел на трибуну:

— Вы — поколение строителей коммунизма, и вы должны быть людьми, достойными нашего великого учителя Ленина! Значит, надо уже сейчас, сидя в школе за партой, воспитывать в себе коммунистов. А что можно видеть в поступках некоторых людей? Пережитки прошлого. Ленин назвал эти пережитки «родимыми пятнами капитализма».

К удивлению многих ребят, Чернышев именовал «родимыми пятнами» эгоизм, недисциплинированность, трусость. Даже шпаргалки и альбомчики оказались в изображении Чернышева вовсе не такими уж безобидными вещами, как это раньше представляли некоторые ученики.

— Я тут не говорил о другом наследии старого мира, — взволнованно продолжал главный конструктор завода. — О наших классовых врагах, об их агентуре в лице троцкистов, вредителей и прочей нечисти. С ними у нас разговор иной, революционный.

Он замолчал, и мне показалось, что ему хочется сказать нам что-то важное, но он колеблется. «Наверно, о событиях на заводе». И я заволновался: сейчас он ответит на все мои вопросы...

Но Чернышев провел рукой по лбу и сказал:

— В школе, в нашей советской школе, мы должны воспитывать убежденных коммунистов!

Чернышев закончил свое выступление. И зал как-то вмиг пришел в движение. Захотелось похлопать в ладоши, подбежать к карте, поближе посмотреть на главного конструктора завода.

Я взглянул на Ковборина. Лицо его было непроницаемо. Ледяным блеском играли стеклышки пенсне.

Желающих выступать появилось сразу много. Одна из учениц потребовала прекратить в школе обидные клички, как «пережиток капитализма».

— Знает ли комитет, что у всех семиклассников, кроме фамилии и имени, есть еще прозвище? Одного ученика у нас прозвали «ослом». Да-да, не удивляйтесь! И, когда классный руководитель сделал замечание, кличку переменили и стали называть не «ослом», а «божьей лошадью»... Но от этого же не легче!.. И вот еще, — продолжала ученица, когда утих хохот, — нас всех интересует вопрос: как учится десятиклассница Людмила Чаркина? Она всем хвастает, что будет кинозвездой, хотя по-прежнему получает «неуды» и даже не читает газет. Говорит, от них спать хочется.

— Это возмутительно! — выкрикнула Милочка. — Мне никто не говорил, что газеты надо читать.

— Стыдно не знать этого, — заметил Чернышев.

Говорили о плохой связи школы с заводом, о том, что необходимо самим сделать такую же карту, какую принес из Дома культуры главный конструктор Чернышев. И вдруг внимание всех собравшихся привлек Маклаков.

Развалившись на стуле и посмеиваясь, он щелкал кедровые орехи и бросал скорлупу под стул. На него шикали, его дергали за рукава, но он не обращал ни на

кого внимания. Тогда Вовка Рябинин вытащил из кармана газету и с невозмутимым видом расстелил ее под стулом Маклакова.

— Подумаешь, о ком заботу проявил! — с возмущением прошипел Игорь.

Но Вовка терпеливо ждал. Когда накопилась горка шелухи, он вытянул из-под стула газету, завернул сверток и, что-то написав на нем, отправил в президиум.

— Вот это да! — ахнул Игорь.

Под любопытными взглядами ребят сверток с шелухой благополучно прибыл в руки председателя.

Сняв очки, Филя осторожно развернул сверток, снова надел очки и, когда очередной оратор покинул трибуну, громко прочел надпись:

— «Я нахален, и при этом я наглядно бестолков. С приветом! Маклаков».

Зал задрожал от хохота.

— Маклаков! — тыча пальцем в сверток, сказал Филя. — Это как же? Зачем послал в президиум шелуху?

— Да я же не посылал! — протяжно крикнул Маклаков.

— Как же? Орехи щелкал, а скорлупу не посылал? Куда же ты ее девал?

— Да это же... да что вы...

— Отвечай! — настаивал Филя. — Оскорбил все собрание!

— А чего ему говорить! — вскочила с места Тоня. — Любого оскорбит! Из-за него сегодня в школу не пришел Ваня Лазарев!

— Почему? Где Ваня? Расскажи, Тоня! — посыпались возгласы со всех сторон.

— И расскажу.

И вот что рассказала Тоня.

Ваня Лазарев одержал победу в городском шахматном турнире. На другой день после окончания турнира, когда все в классе поздравляли Ваню, Маклаков подошел к нему, смерил взглядом с ног до головы и вдруг загоготал: «Смотри-ка, штаны из чепухового материала, а складки — как линеечки... Все понятно: столярным клеем намазал и потом под утюг! Ловко, чемпион. Молодец, победитель!»

— Но это еще не все, — говорила Тоня. — Если бы

только этот дубина посмеялся, а то и некоторые девочки захихикали, понравилось маклаковское остроумие! — Тоня сердито взглянула на Чаркину. — А Ваня на следующий день не пришел в школу. Вот и все.

Тоня села на место. Ковборин, пожимая плечами, что-то сказал Чернышеву. Тот отрицательно покачал головой.

— Да, — сказал он, — верно, не по прихоти своей ходит Лазарев в таких брюках. Разве можно так! Не ум, не талант заметить у товарища, а складки на клею. Это же, это же...

— Подлость это! — выкрикнул Вовка.

— Оскорбляют! — завопил Маклаков. — За что? Я ничего не знаю!

— То есть как это — не знаешь? — всплеснув руками, вдруг выкрикнула Чаркина. Красная от негодования, Милочка встала и повернулась лицом к залу. — Да я же все видела собственными глазами! Честное слово, видела! Да, и я смеялась, и мне сейчас стыдно. Как ты, Андрей, смеешь отпираться?

— Ай да Чаркина! Молодец! Что это с ней случилось?

— Давно пора за него взяться! Всю школу позорит! Барин здоровый! Бока ему намять! — кричали ребята.

Ольга, пораженная выступлением Милы, повернулась ко мне и как бы спросила взглядом: «Что между ними произошло?»

А зал все шумел и шумел, и разговор на собрании шел уже по большому, настоящему счету.

Работа над номером стенгазеты подходила к концу, когда в пионерскую комнату вбежала Тоня. Беличий воротник ее шубки был разорван, косы растрепаны, и по щекам катились слезы.

— Что с тобой? — бросился я навстречу. — Кто тебя так?

— Не знаю, — всхлипывала Тоня. — Налетели двое, столкнули в сугроб. И вчера тоже!

— И вчера! Что же ты молчала?

— Думала, так, простое озорство.

Вовка, рисовавший карикатуру на Маклакова, ткнул в рисунок кисточкой:

— Это Недоросль! — Он отбросил кисточку. — А ну, ребята, пошли! Они, наверно, где-нибудь тут, рядом.

— Пожалуй, — сказал Филя и решительно скатал газету.

Было темно, когда мы вышли на улицу. Начинался буран. Уныло гудели провода на столбах. Ветер с шумом и свистом сдувал с сугробов жесткий, колючий снег.

— Ноябрь, — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной батюшка, — проговорил Вовка и зябко похлопал рукавицами.

— Погодка, прямо сказать, чукотская! — отозвался вынырнувший из темноты Игорь.

— Смотри-ка, не очень зубоскаль, — сердито ответил Вовка. — Ты откуда?

— С узла. Микрофон настраивал.

— Ну, раз пришел, пришвартовывай к нам!

На углу Филя огляделся, спросил о чем-то Тоню и предложил нам с Игорем перейти на противоположную сторону улицы. Сам же с Вовкой отправился вслед за Тоней.

Некоторое время все было спокойно. Игорь, уже знавший о происшествии с Тоней, зорко всматривался вперед. Вдруг на повороте улицы он схватил меня за руку:

— Гляди!

Перед Тоней замаячили две смутные фигуры. Мы подбежали. Филя с Вовкой были уже здесь и, включив фонарики, навели их на неизвестных. Это были парни, одетые в замасленные куртки.

— Они? — повернулся к Тоне Филя.

— Похоже, они!

— А тебе чего? Что ты фонарем в рожу тычешь? — простуженным голосом прохрипел низкорослый вертлявый паренек.

— Хочу знать, откуда вы. Заводские? — спокойно спросил Филя.

— Заводские! Ха!

Парни, переглянувшись, сошли с тротуара на мостовую. И вдруг припустили от нас.

— Аллюр три креста! — закричал Вовка.

Мы бросились вдогонку. Парни свернули в проулок.

— Куда они? — убавил шаг Вовка. — Проулок ведет к нефтяным складам и к пустырю, где мой батька дома строит. Да ну их! Гнаться в темноте, по морозу... Подкараулим в следующий раз.

Но Вовкино предложение не получило поддержки, мы свернули в проулок. Он совсем не освещался. Окна жилых бараков еле-еле мерцали, точно в них были вставлены не стекла, а куски просаленной бумаги. Под ногами змеисто струился сухой снег. А преследуемые точно растаяли в снежной мгле.

Мы остановились, решая, что же предпринять дальше. Мороз покусывал лицо, пробирался за воротник, в рукава... Я вспомнил, что где-то здесь, поблизости, живут Минские. Хорошо бы забежать погреться!

Неожиданно позади нас сквозь свист метели донесся рокот мотора. По переулку запрыгал ослепительно яркий луч.

— Грузовая, прыгай в сторону! — скомандовал Филя.

Спрятавшись за высокий сугроб, мы смотрели на быстро приближавшийся грузовик. Вот он поравнялся с нами, осторожно переехал рытвину и помчался дальше, играя впереди себя веселым зайчиком света. Шагах в ста от нас грузовик осветил две пригнувшиеся человеческие фигуры. Постояв секунду-две на дороге, они тотчас метнулись к штабелям кирпича.

— Вроде они, — сказал Игорь. — А ну, ребята!

— «Они, они!» — ответил Вовка. — На кой черт им кирпичные штабеля!

— За штабелями нефтяной склад, — напомнил я.

— Ну, и что же?

— А вот то! Их надо обязательно поймать! — сказал Филя.

— А если у них ножи? — прошептал Игорь.

— Зато нас четверо.

— Пятеро, — поправила Тоня.

— Вперед! — скомандовал Филя.

Мы крадучись двинулись к штабелям. Кирпич, завезенный для стройки домов и сложенный в штабеля вдоль складского забора, как бы сливался с ним в темноте. Вот край первого штабеля. Тоня осталась возле него, мы стали обходить первый кирпичный куб. Ноги вязли в снегу. Вот угол штабеля. Мы с Игорем рывком завернули за него и невольно вздрогнули: навстречу нам из темноты двигались двое. Но это были Филя и Вовка.

Сойдясь вчетвером, мы начали обходить второй штабель, третий, и результат оказывался прежним. Обошли

последний штабель. Впереди, шагах в десяти от нас, забор нефтяного склада под углом заворачивал влево, а дальше темнел пустырь. Вокруг ни души, только пурга посвистывала. Мы недоуменно переглянулись: «Куда же девались парни?»

Вдруг сверху донесся гудящий металлический звук. Он повторился, пройдя ледяным холодом по нашим спинам. Гудела колючая проволока на заборе нефтяного склада.

Поборов минутный страх, мы бросились к заборной щели. Нефтяной склад стоял на широком заснеженном участке. Посредине его на высоком столбе одиноко маячил электрический фонарь, тот самый, что я видел из окна Ольгиной комнаты. Свет фонаря падал на цистерну, огромным цилиндром подымавшуюся из земли. Чуть дальше темнели очертания других цистерн.

— В этих посудинах хранится нефть для дизелей электростанции завода, — начал объяснять Вовка, но умолк.

Проволока над головой снова загудела, и от забора со стороны пустыря отделилась человеческая тень. Она быстро поползла по снегу к цистерне и скрылась за светлым кругом от фонаря.

— Это же один из них! — ахнула Тоня. — Уж не думает ли он поджечь нефть?

— Нефть на морозе загорается плохо, но, впрочем... — Филя протер очки и снова уставился в щель.

Тем временем тень от цистерны отделилась и так же быстро скользнула обратно к забору.

— Ишь, как торопится! Теперь уж не уйдешь, голубчик, — заметил Вовка.

— А как ты предлагаешь их ловить? — спросил я.

— «Как, как!» Они пойдут той же дорогой, мимо кирпичных штабелей. Ну и подкараулить.

— Верно, — согласился Филя и снял с тулупа ремень.

Мы впятером притаились у штабелей.

Сквозь вой бурана ухо уловило скрип снега под ногами и голоса. Неизвестные, шагая со стороны пустыря, приближались к краю складского забора.

— Сейчас завернут к нам, — предупредил Вовка.

В самом деле, почти рядом мы услышали обрывки фраз:

— Хозяин похвалит, — говорил один с хрипотой в голосе. — Ты не перекрутил?

— А черт его знает, — злобно ответил второй. — Когда же ты, дьявол, от меня отцепишься? Надоело мне все!

— Болтай меньше, а то худо будет!

Из-за штабеля вышли двое. Один низенький, коренастый, другой долговязый. Прошли немного вперед...

— Стой! — крикнул Филя и прыгнул на длинного.

Вовка бросился помогать. Второго свалили мы с Игорем. Уткнув его лицом в снег и не давая опомниться, мы вывернули ему на спину руки и, как он ни бился, стянули их ремнем.

— Сволочи! Дышать дайте! — хрипло орал парень, вертя головой в сугробе.

Когда мы отпустили его, он вьюном повернулся на спину, хотел что-то крикнуть, но только сплюнул, увидев нас. Тут же рядом лежал его долговязый друг, но тот вел себя спокойнее.

— Что, влипли? — усмехнулся Вовка. — Зачем к цистерне лазили?

Парень, которого связали мы с Игорем, попытался вырвать руки, ему стало больно, и он заскрипел зубами.

— Нечего разлеживать, вставайте! — посветил фонариком Филя. — Тоня, напяль-ка на них шапки, а то уши отморозят.

Наши пленники, неуклюже выгибаясь, поднялись на ноги.

— Куда вы нас? — спросил низкорослый парень. Он злобно глядел из-под сдвинутой на лоб шапки.

— В милицию поведем, а там разберутся, — отозвался Филя, стряхивая с себя снег.

— Может, к дежурному по заводу лучше? Мы заводские... — понуро попросил долговязый.

— И правда! — согласился Игорь. — Пусть на заводе разберутся!

По дороге к заводу низкорослый парень не переставал буйствовать и сквернословить.

— Ты чего, Антон, перед ними лбом тычешься? — хрипел он на своего напарника. — Школяры! Вредителей поймали! Ха-ха! Смотри...

— Молчи, Семка, — бубнил Антон. — Молчи! Молчи!

Но Семка не умолкал, и по всему было видно, что он считал себя за главного.

Антон и Семка... Эти имена показались мне знакомыми. Да ведь о них писала в своем дневнике Ольга!

Войдя в проходную, мы вызвали через вахтера дежурного по заводу. Навстречу нам вышел высокий, худощавый мужчина в кожаном пальто.

— Что тут случилось? — сощурил он глаза.

— Товарищ начальник, разрешите высказать, — быстро заговорил Семка. — Они нам руки скрутили, а за что? Мы же для завода старались. Лазили смотреть, как закрыты вентиля после закачки нефти. Сутки на морозе собаками мерзли, нефть качали, а они руки крутить.

— Перестань, разберемся! — властно прикрикнул дежурный. — Развяжите руки обоим.

Нехотя выполнив приказание старшего, Филя, хмурясь, посмотрел на парней:

— Зачем же вы на склад лазили, а? Ворот туда, что ли, нету?

— Сторож складской ушел, — ответил Семка. — Понятно?

— А зачем ее трогали? — показал я на порванный воротник Тониной шубки.

— Кого? — удивился Семка. — Да вы что?

— Неправда! — вспыхнула Тоня. Она протянула на свет рукав, где виднелись масляные пятна. — Это от ваших тужурок нефть. И тогда были вы, только одетые в полушубки.

— Не мы, и все! — отмахнулся Семка. — Вот пристала! Вы уж, товарищ дежурный, утихомирьте их!

Нагловатые глаза парня устремились на дежурного по заводу. А тот молчал, поглядывая на нас.

— А вы кто такие? — резко спросил он.

— Школьники мы, — ответил Вовка. — Вон наша школа, рядом с заводом... А вы кто?

— Я инженер Бойко, — сухо ответил дежурный. — Я во всем разберусь, можете идти.

Бойко! Вот он, оказывается, какой! Я снова вспомнил дневник Ольги, и недоброе чувство шевельнулось во мне...

Глава восемнадцатая

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР

Школьный зал переполнен настолько, что всем становится жарко. Идет комедия Островского «Без вины виноватые». Ольга и Тоня устроились с краю во втором ряду. Рядом с Тоней — первоклассник Петя Романюк, тайком пробравшийся в зал.

На сцене лунная ночь. Площадка в большом барском саду, окруженная старыми липами; на площадке — скамейки и столики. Виден край террасы большого, ярко освещенного дома. На одной скамейке сидят Незнамов и Миловзоров, на другой — Шмага; он смотрит то на луну, то по сторонам, вздыхает, беспрерывно меняя позу. В общем, все идет так, как требует драматург.

«Миловзоров. Что ты, Шмага, вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?

Шмага. На луну сержусь.

Миловзоров. За что?

Шмага. Зачем она на меня смотрит? И какое глупое выражение!..»

Шмага так умильно-укоризненно поглядывает на небо, что в зале стоит гул от хохота. Но Тоне наслаждаться спектаклем мешает Петя. Он донимает ее вопросами.

— Тонечка, а он тоже, как Филя с отцом, звезду открывает?

— Кто?

— Да Володька Рябинин... И зачем у него борода?

— Ой, Петя, это же Шмага... Шмага... — прерывисто шепчет Тоня. — Как ты не понимаешь?

— Да нет, это Володька. Я его хорошо знаю.

Впереди нас сидит главный режиссер городского дра-

матического театра. Из-за сцены выходит руководитель кружка, наша Мария Павловна, и, подсаживаясь к нему, с волнением спрашивает:

— Ну как?

Пышная шевелюра режиссера делает наклон вперед.

— Значит, доволен, — определяет Ольга.

Скоро конец спектакля. Стрелка стенных часов подходит к десяти. На лице Ольги оживление, ей нравится спектакль. Только почему она так старательно обходит меня взглядом? Даже поворачиваясь к Тоне, Ольга словно испытывает какую-то неловкость. Понимаю, Тоня рассказала ей о нашей встрече с ее отчимом.

Меня же мучает совесть: я что-то знаю, в чем-то подозреваю совершенно незнакомого мне человека, но, если спросить, что я знаю о Бойко точного, верного, — ничего. Даже Павлу об этом сказать неудобно. Вызвать на откровенность Ольгу? А что она, в сущности, знает? Она сказала Тоне, что сожгла дневник. Заводских парней — Антона и Семку — голыми руками, видать, не возьмешь: стреляные ребята. Вовка выяснил: нефть на завод поступала, и ее, действительно, качали целые сутки. А вентиля про запас проверить не грех, вытечет топливо — дизельная станет. На Тоню нападали, уж это верно, но они ли — Антон и Семка, трудно сказать. Почему вот только Антон с такой неприязнью смотрел на вертлявого Семку? И их разговор тогда насчет «хозяина»... Нет, все это не так просто!

Со сцены доносится знакомый голос:

«Н е з н а м о в. Надо, брат Шмага, пользоваться случаем. Не всегда нас с тобой приглашают в порядочное общество, не всегда обращаются с нами по-человечески. Ведь мы здесь такие же гости, как и все.

Ш м а г а. Да, это не то, что у какого-нибудь «его степенства», где каждый подобный вечер кончается непременно тем, что хозяина бить приходится, уж без этого никак обойтись нельзя.

Н е з н а м о в. Да, здесь нам хорошо! А ведь мы с тобой ведем себя не очень прилично и, того гляди, скандал произведем. То есть скандал не скандал, а какой-нибудь гадости от нас ожидать можно.

Ш м а г а. Похоже на то. Что ж делать-то? Из своей шкуры не вылезешь».

— Именно: «Что ж делать-то!» — Голова режиссера делает наклон к башне-прическе Марии Павловны. — Шмага ваш просто великолепен!

— Вы слышали, что сказал режиссер о Вовке? — Глаза Ольги вспыхнули, и она с волнением посмотрела на меня...

После спектакля мы с Игорем пошли провожать девушек. Как бы читая мои мысли, Тоня сказала:

— Удивляюсь, почему так спокойно ведет себя Маклаков! Ведь над карикатурой в газете вся школа хохочет.

— А ну его, этого Маклакова! — задумчиво отмахнулась Ольга. — Поговорим лучше о другом. Может быть этот спектакль откроет Вовке путь в театр? Пора пришла нам всем окончательно решать, кем быть.

— Вовка в театр не пойдет, — возразил Игорь. — Он до сих пор все о Чукотке, о героических делах мечтает.

— А если его опять не возьмут туда?

— Как же, он заявление в ЦК комсомола написал. А ты, Оля, свой путь выбрала? — спросил я.

— Я? — Ольга грустно улыбнулась.

— Конечно. Ты же так любишь литературу!

— Да, люблю. Но я все же сомневаюсь. — Ольга ускорила шаг. — Говорят, в нашу школу по приглашению Ковборина скоро придут педологи.

— Кто, кто? — переспросил Игорь.

— Педологи. Это студенты-практиканты педагогического института под руководством ассистента. И вот они должны нам помочь разобраться в путях нашей жизни. Максим Петрович посмеивается: «Педология — это наука в кавычках. Они всех вас зачислят в дефективные...»

— Так и сказал?

— Слово в слово.

— «Имперфектус», «кульпатос», «дедекус»! — расхохотался Игорь.

Когда подошли к дому Минских и Тоня поднялась с Ольгой, чтобы взять у нее забытую книгу, Игорь спросил меня:

— А кем, Лешка, ты все же хочешь стать? Полярником? Инженером? Или, может быть... поэтом? У нас ведь давно на этот счет не было разговора.

Я спросил в свою очередь Игоря о том же самом. Он признался, что мечта работать на Севере стала у него как-то бледнеть, гаснуть.

— Я люблю, Лешка, конструировать, понимаешь? И с каждым днем убеждаюсь в этом все тверже. Смущает одно: смогу ли только работать на заводе, на производстве. Там дисциплина, борьба за план, и все такое прочее. А мне бы, понимаешь, сидеть за чертежным столом и конструировать все: радиоприемники, подводные лодки...

— Водяные лыжи, — подсказал я.

— Нет, этот этап уже пройден... Ну, а ты что думаешь?

Я сказал, что самое правильное следовать все же совету Павла: закончить технический институт и отправляться работать хоть на север, хоть на юг.

— Лучше на север, — добавил я.

— Странно, — удивился Игорь. — Значит, ты после всех своих колебаний решаешь все же стать инженером?

— Да.

— Странно!

— А что тут странного? — не вытерпел я.

Вместо ответа Игорь снял рукавицу и пальцем начертил на снегу, под фонарем, где мы стояли, два кружочка: один маленький, правильной формы, а другой значительно больший, но с заметной впадиной. Над первым кружком он написал «Мозг Игоря», над вторым — «Мозг Алексея». Проделав все это с таинственным видом, Игорь начал читать мне лекцию о том, что голова у него хотя и поменьше моей, но устроена правильно, а моя голова выделяется объемом, но имеет дефект и потому для инженерной работы не годится. Дефект состоит в том, что я пишу стихи.

— Только ты, пожалуйста, не волнуйся, — успокоил меня друг. — Тут ничего не сделаешь. Мой долг высказать тебе напрямик все свои сомнения.

— Уж не педолог ли ты? — обозлился я, вспомнив разговор с Ольгой.

— Что ты! Я ни о каких педологах, кроме Ковборина, слыхом не слыхивал!

Выбежала из калитки Тоня и перебила наш разговор.

— Вы чего как петухи? — рассмеялась она и вдруг

умолкла. Навстречу нам неторопливо шагал Ваня Лазарев.

— Здравствуй! Ты откуда? — спросила его Тоня.

Ваня кивнул головой и ускорил шаг, стремясь пройти мимо.

— Почему в школу не ходишь? — Тоня ухватилась за шахматную доску, торчавшую у Лазарева под мышкой. — В шахматисты-профессионалы записался?

— А вам-то что? — Ваня остановился и исподлобья посмотрел на нас.

— Пожалуйста, не гляди тигром! Ты пропускаешь уроки.

— Поздно учить взялась.

Запахнув свою рваную шубейку, Ваня почти побежал от нас.

— А ну-ка, догоним его!

Ваня отмалчивался, когда, окружив его, мы шли по улице. Не сговариваясь, все ввалились с ним в барак, где жили Лазаревы. Потоптавшись у дверей, Ваня пропустил нас в комнату.

Здесь было грязно и неуютно. Посредине комнаты — стол с немытой посудой. На свободном конце стола лежали открытая тетрадь и учебник по шахматам. Вдоль стен стояли неприбранные кровати. Топилась плита, заставленная котелками и ведрами, из поддувала ее вылетал удушливый дымок. На табурете у плиты сидела русоголовая девочка лет шести.

— Мать дома? — спросил я.

— В больнице, — тоненьким голоском ответила девочка.

— А Василий?

— В ночной, на работе, — буркнул Ваня.

— Ну вот, а ты молчал! — укоризненно покачала головой Тоня. Осмотревшись, она спросила: — Где у вас вода и ведра?

— Зачем тебе?

— Разве в такой грязи можно жить!

— Э, нет! — замахал руками хозяин квартиры. — Я сам могу!

— А без тебя мы не обойдемся. Принеси-ка с Игорем воды, — распорядилась Тоня. — А ты, Леша, займись плитой.

Найдя ведра, Игорь выбежал в коридор. За ним вышел растерянный Ваня. Тоня тем временем подхватила на руки его сестренку и заходила по комнате.

— Знаешь, что мы с тобой сделаем, пока не поправится мама? — говорила она девочке. — Переселишься к нам в дом! Вот как приберемся, так я тебя с собой и унесу!

Часа через полтора в комнате Лазаревых стало чисто, уютно, тепло. Мы уселись возле плиты, где весело потрескивали дрова.

О том, почему Ване приходилось вечерами преподавать в шахматном кружке Дома культуры, мы знали. На скудный заработок матери-уборщицы и Василия, молодого еще токаря, трудно было прожить. Но все же школу он мог посещать.

— Выздоровеет мать, поедем обратно в деревню, — объявил Ваня твердо, как о давно решенном вопросе.

— И ты не закончишь десятого класса?

— А чего? Стану учителем в сельской школе. — Он пригладил вихорок на голове.

Трудно было поверить, что эти слова взрослого человека произносит щупленький паренек, почти еще мальчик.

— Да мы же тебя никуда не отпустим! — заволновалась Тоня.

— Нет! — Ваня сжал кулаки. — Пусть учатся те, у кого суконные брюки.

Мы переглянулись.

— Ты насчет Маклакова, что ли? — спросил я. — Так над ним вся школа хохочет.

— Хохочет? Мало этого! Он не человек, а подонок какой-то! — Ваня приподнял губу, показав два сломанных зуба. Глаза его гневно сверкали.

Не дожидаясь от нас вопросов, он стал рассказывать о том, как на днях в буфете Дома культуры Маклаков давал деньги двум парням.

— Они и тебя били? — быстро спросила Тоня. — Один длинный такой, а другой низенький, вертлявый?

— Вот вертлявый и привязался. Семка!.. А вы откуда их знаете?

...На перемене Филя вызвал Маклакова в комитет комсомола.

— Чего вы меня? Имею я право отдохнуть? — развязно сказал Маклаков. — И вообще... я несоюзная молодежь... Ясно? Не имеете никакого права!

— Право! Ты еще говоришь о праве! — Филя вертел в руках свои очки. — За денежки нанимаешь чужие кулаки!

— Вы чего! Спятили? Какие кулаки? Да я вас привлеку!

— А не тебя ли? — ответил Филя. — Семку и Антона мы уже накрыли. Факт! Чего заморгал? Ты же их подкупил. У самого-то храбрости ни на грош!

— Это провокация! — завопил Маклаков. — Я пойду к Ковборину!

— Эх, ты! — гневно сказала Тоня. — Бессовестный! Ты что Милке Чаркиной предлагал?

— Я? Да что ты городишь?

— Будто не знаешь, почему она на собрании против тебя... Ты думал, за отцовские деньги браслет подарил, так уж купил девушку? Вот твоя записка! Вот! — Тоня провела запиской перед носом у Маклакова. — Не твой почерк? Не твой?

Маклаков вырвал у нее записку и бросился к двери.

— Ну что, доказали? — злорадно засмеялся он, открывая дверь. — Документика-то нет! А вот твои записочки, Рубцов, я приберег! — И он скрылся за дверью.

Судить Маклакова общественным судом решено было сразу после занятий. Пригласили Максима Петровича и открыли собрание. Выступая первым, Филя напомнил ребятам о поведении Маклакова за последние годы. Обеспеченные родители. Единственный сын. Никаких забот — что хочет, то и делает. Отец с матерью избаловали, заступаются за него, что бы он ни сделал, дают волю во всем.

— Помните, — говорил Филя, — еще в восьмом классе мы писали коллективное письмо его отцу, главному бухгалтеру завода. И что же? Хоть бы зашел! Но и мы, откровенно говоря, махнули на него рукой.

— И правильно! — крикнул Вовка. — Противно же на него глядеть, не только разговаривать!

— Хватит, знаем! — закричали ребята.

— Мелкая душонка!

— Кто желает высказаться? — поднялась Тоня.

Она председательствовала на собрании.

— А зачем долго говорить? Стенгазета не помогла. Пусть объясняется! — раздались голоса.

Маклаков, засунув руки в карманы, сидел и молчал.

— Что он как воды в рот набрал? Пусть отвечает, — шумели ребята.

— Исключить его! — не выдержал я.

— Правильно! Я предлагаю просить педсовет исключить его из школы! — решительно сказала Тоня.

Наступила тишина. Маклаков пошевелился, но продолжал настороженно молчать.

— Есть другие мнения? — спросила Тоня. — Может, Маклаков, все-таки что-нибудь скажешь?

Но в этот миг открылась дверь, и в класс вошла полная, цветущая женщина в сопровождении Ковборина. За ними следом стали входить незнакомые нам юноши и девушки с портфелями и папками в руках.

— Педологи нагрянули! — ахнул Игорь.

Ребята потеснились, предоставив за партами место студентам-практикантам.

Ковборин, подозрительным взглядом окинув класс, спросил Грачева, что происходит. Максим Петрович объяснил ему.

— Ну, вот и замечательно! — подхватила цветущая женщина, усаживаясь за учительским столиком, рядом с Тоней. — Послушаем, как изъясняются между собой дети. Я ассистент кафедры педологии, будем знакомы!

— Имперфектус! — донеслось с задних парт.

— Что? — насторожился Ковборин.

И тут слова попросил Андрей Маклаков.

— Рубцов предложил исключить меня из школы, — привстал он за партой. — Но кто такой этот самый Рубцов? — Маклаков искоса взглянул на Ковборина и продолжал: — Рубцов был организатором лыжной «дуэли», позорно бежал с нее, чуть не погубив товарищей. Я видел все это своими глазами. Он получает «неуды». Он сочиняет глупейшие стишки про любовь.

Я вскочил с места и сжал кулаки.

— В качестве доказательства я прочитаю в присутствии всех одно из его любовных посланий. — Маклаков вытащил из кармана вчетверо сложенный лист бумаги и, усмехнувшись, помахал им в мою сторону.

Меня бросило в жар: я узнал листочек из общей тетради, на котором было записано мое стихотворение «Млечный Путь».

— А где ты взял его? — раздался взволнованный голос Милочки.

— Нашел в коридоре.

— Врешь! Ты выкрал его из портфеля Рубцова! Ты сам говорил мне об этом.

Раздался шум.

— Позор! Исключить его! Он жалкий пережиток!

Мне показалось, что кричали и некоторые практиканты.

— Позвольте! Какой пережиток? — очнулся Ковборин. — Что здесь творится? — Он стоял у окна. Пенсне, блеснув, уставилось на Максима Петровича.

Но цветущей даме почему-то сделалось удивительно смешно!

— Дети! — заговорила она, улыбнувшись Ковборину. — Мы помирим вас, обязательно помирим! Педология — это такая наука!..

Глава девятнадцатая

«КЕМ БЫТЬ?»

Да, разговор с Маклаковым не состоялся. С помощью Ковборина и дамы-ассистентки Недоросль снова ушел от ответа. И, может быть, именно это как-то сразу насторожило меня против педологов.

Мы, правда, добросовестно проходили медицинское освидетельствование, заполняли анкетки, отвечали на многочисленные вопросы. Но уже первые заключения студентов-практикантов о способностях учеников породили у нас сомнения.

У Игоря в заключении, сделанном самим Ковбориным, стояло: «Технические способности весьма посредственны. Склонен к наукам гуманитарным».

— Это как же — к гуманитарным? — возмутился мой друг. — Подсунул мне какие-то кружочки, ребусы, засек время по часам, молча забрал мои письменные ответы и ушел. Потом раз меня вызвал студент-практикант. Ты знаешь, что он от меня потребовал? «Скажи, — говорит, — как можно больше слов в минуту сначала с открытыми глазами, потом с закрытыми». Ух, я ему и порол! Сгоряча даже «черта» подсунул! А теперь, погляди-ка, такое идиотское заключение. Я живой человек или нет? Я же технику люблю! А меня теперь что, заставят стихи писать?

— Да, надо оправдать это заключение!

— Но я же ямба от хорея... Сам понимаешь!

— Понимаю, сочувствую!

— Нет, уж дудки! А у тебя что?

Я показал Игорю тетрадь. Рукою цветущей дамы в ней было проставлено: «75%».

— Это как же понять проценты?..

— На сколько процентов у меня ума, не больше и не меньше!

Игорь от удивления прыснул.

«75%»... Сначала, как и Игоря, эти проценты меня веселили. Не был же я в самом деле идиотом! Но прошел любопытный слух... «Интеллектуальный уровень» ученика Маклакова оценили в сто процентов. По каким же данным?

Я обратился с вопросом к студентам. Мне ответили, что над Маклаковым «экспериментировал» сам Ковборин. Что же, тогда все ясно.

Когда в класс явилась цветущая дама, предложив нам писать последнее сочинение, меня охватила неудержимая злость.

— Дети! Вот тема вашей литературной работы... — Предводительница педологов написала мелом на доске: «Куй железо, пока горячо». Заметив удивление на лицах ребят, она доброжелательно улыбнулась: — Да, дети, вот такую тему мы предлагаем.

«Что ж, ковать так ковать! — с ненавистью подумал я. — Пусть буду до конца дефективным!»

Быстро обмакнув в непроливайку перо, стал писать. За все время работы я ни разу не оторвался от бумаги.

Положив свой труд под нос цветущей дамы, я выскочил из класса.

Вечером, придя в пионерскую комнату выпускать очередной номер стенгазеты, я застал там Максима Петровича и Марию Павловну.

— Плохо!.. Прескверно! — Сидевшая за столом Мария Павловна взволнованно прикладывала ко лбу носовой платок.

— Правильно сделал! Молодец Алексей! — говорил Грачев, быстро прохаживаясь по комнате и словно не замечая меня.

— А что здесь правильного? Он же ученик, — мягко возражала учительница.

— Меньше будут ходить, мешать! Разве можно таким

вот бухгалтерским методом помочь ребятам решить вопрос, кем быть?

— Голубчик! Ведь это же все понятно... — Лицо нашей добрейшей Марии Павловны было полно сострадания.

— А раз понятно, так нужно действовать, а не сидеть сложа руки! — порывисто продолжал Грачев. — Послушайте, что трактует ученый лев педологии Бине! Я могу процитировать его наизусть, благо сдавал госэкзамены летом. «В своем методе, — пишет Бине, — мы отделяем природные умственные способности от приобретенных знаний учащимися... Мы пытаемся измерить только чистый интеллект, данный человеку от рождения, отвлекаясь от знаний, которыми он обладает...» Что это еще за «чистый интеллект»? Ерунда, фатализм!

«Недоставало, чтобы они из-за меня поссорились», — подумал я и вышел из пионерской комнаты. Из-за двери до меня донесся встревоженный голос Марии Павловны:

— Но ведь Ковборин затевает против Алеши скандальное дело. Нанесена пощечина представителям педологии. Завтра педсовет в экстренном порядке. Не проще ли пойти и извиниться?

«Педагогический совет? — опешил я. — Ну и пусть... По крайней мере, можно будет высказать все, о чем не дали говорить нам на классном собрании». Я быстро оделся и пошел домой.

Но чем меньше становилось расстояние до дома, тем настойчивей вставал передо мной вопрос: «Что же я скажу Павлу?» Припомнился день первого сентября, моя фамилия, перечеркнутая в списке класса. Теперь-то Ковборин ничего не простит, вышвырнет из школы, как собачонку.

Я стоял возле дома, не решаясь войти. Но дверь неожиданно отворилась. На крыльцо, гремя ведрами, вышла Зина.

— Ты что стоишь? — удивилась она. — К тебе гость приехал!

Я вбежал в комнату, а навстречу мне из-за стола поднялся бородатый человек в медвежьих унтах, черной сатиновой рубахе, подпоясанной кушаком.

— Степан Иванович! — бросился я к партизану, да-

же не обратив внимания на Павла: он тоже сидел за столом.

— Угадал, паря, он самый. Я ведь по вашему приглашению прибыл.

— На слет красногвардейцев завода?

— Так точно!

От Зотова исходил чуть уловимый запах дыма, омулей, хвойной свежести. В памяти встали Байкал, костер на берегу, бурят с трубкой...

— А как Бадма?

— Здоров! Гостинец вам прислал, омулей. А из той медведицы, бишь, обувь мне сшил. — В уголках его пытливых глаз заиграла улыбка. — Разглядел я теперь, Павел Семенович, похож брательник на отца! В цех-то пойдем, где он пушку отливал?

— Пойдем, конечно!

— Когда?

— Да хоть завтра, чего тянуть.

Я взглянул на Павла. «Завтра педсовет. Надо сказать об этом брату». Но Павел, схватившись рукой за грудь, вдруг закашлялся. Проклятая пуля! «Нет, ничего не скажу».

— В литейный пойдем, — ответил я Зотову, — во вторую смену, к плавке чугуна. Завтра же!

И вот подошло это завтра.

Усевшись в дальний угол учительской, я с волнением ожидал, когда соберутся члены педагогического совета. Однако слово «экстренный», добавленное Ковбориным в объявлении, очевидно, никого из них не волновало, потому что собирались они медленно и со скукой на лицах. Такими же скучными показались мне часы, висевшие на стене напротив.

Зато, когда комната все больше заполнялась десятиклассниками — живая цепочка вдоль стены становилась все длиннее, — я почувствовал горячее дыхание друзей: Тони, Игоря, Вовки... Филя на правах секретаря комитета комсомола демонстративно уселся рядом со мной.

Вошли Максим Петрович, Мария Павловна. И, хотя они скрылись за спинами других преподавателей, я почти беспрерывно ловил на себе их ободряющие взгляды.

С приходом Ковборина и дамы-ассистентки педагогический совет начал свою работу.

— Ну-с, что скажете? — опершись руками о стол, обратился директор к десятиклассникам.

Ребята молча и неловко переглядывались. Ведь никто из них не готовился произносить речи.

— Зачем явились? — с нескрываемым интересом продолжал допытываться Ковборин.

Приход класса на педагогический совет так его поразил, что он даже покинул свое председательское место и подошел вплотную к нам.

— Они явились извиниться за Алешу, — раздался добрый, взволнованный голос. Над головами сидевших качнулась знакомая башня-прическа.

— Нет, Мария Павловна, мы пришли протестовать!— Из ребячьей цепочки выдвинулся Ваня Лазарев и смело посмотрел в глаза директору.

Ковборин изумленно втянул голову в плечи и снял пенсне.

— Это в-вы произнесли, молодой человек?

— Да, я.

— Невероятно!

— А что здесь невероятного? — спросил Максим Петрович.

Ковборин повернулся к учителю. Взгляд был тяжелый, ледяной.

— Такая эмоция с точки зрения педологии несвойственна Лазареву!

— Ах, вот оно что! — не выдержал Максим Петрович. — Почему?

— Незакономерно для его личности.

— Ясно!

— Что вам ясно, учитель Грачев? — Ковборин старался держаться спокойно, но в голосе его уже заклокотал гнев. — Меня удивляет воинственное настроение отдельных педагогов. Результат их постоянного заступничества за учащихся налицо. Мы не случайно проводим сегодня педагогический совет.

Взяв со стола пухлую папку, директор потряс ею в сторону Максима Петровича. «Дело», — прочел я на серой корочке, и под сердцем у меня кольнуло. Речь шла обо мне...

Перекладывая листок за листком, Ковборин не спеша стал читать.

— «Пятый класс. Ученик Рубцов выбил в школе стекло...»

Какое стекло? В раздевалке, что ли? Но ведь меня же тогда толкнули.

«Шестой класс. Рубцов был освобожден от бригадиров за неуменье создать рабочую обстановку в учебной бригаде...»

Рабочая обстановка... Да кто серьезно занимался тогда при этом лабораторно-бригадном методе? Весь класс делился на группы, парты сдвигались, и вот, рассевшись кучками, мы самостоятельно изучали материал. Преподаватель с отсутствующим лицом прохаживался по классу. Бригадир читал вслух учебник, а остальные занимались кто чем мог. Игорь, бывало, всегда ковырял бритвочкой стол. Из-за него меня и сняли с бригадиров, да я и не жалел... Вскоре Центральный Комитет партии принял постановление по всем этим методам...

Задумавшись, я слушал, какие каверзы были совершены мной в седьмом и восьмом классах.

— «Девятый класс, — продолжал тягуче Ковборин. — Недозволенное состязание на лыжах... Проявленный эгоизм... Двухнедельный пропуск занятий...»

С безразличным видом смотрел я на страдальческое лицо дамы-ассистентки. От ее оранжевой кофты рябило в глазах. Было ясно, чем закончится педсовет.

— «И, как результат, это ужасное, дикое сочинение».

— Прочитайте! — раздался голос дамы-ассистентки.

— Да, прочитаю. Вот оно. — И Ковборин стал читать, голосом подчеркивая некоторые места: — «Было это в далекие времена, на заре туманной юности, когда Филя Романюк не открыл еще своей звезды, — начинает ученик Рубцов свое сочинение. — В одной деревне жили два брата-кузнеца. Одного звали Иваном, другого Болваном. Что ж делать, всякие бывают имена. Иван ходил в парикмахерскую аккуратно, а Болван не ходил. Он отрастил себе бороду — черную-пречерную, до самого живота. Вот один раз Иван говорит Болвану: «Ну, брат, сгорит когда-нибудь твоя борода». А упрямый Болван отвечает: «Ништо-о!..»

Я услышал приглушенный смех. Ковборин на минуту прекратил чтение.

— «Как-то ковали братья топор. Иван нагрел кусок

железа и только приготовился ковать, глядь — а Болвана нет. «Болван, а Болван, куда тебя черт сунул?» Болван кричит с улицы: «Погоди немного, я до ветру вышел». — «А чего так долго?» — «Да на солнце пялюсь, не взорвалось ли? Может, уж светопреставленье пришло?» Иван обозлился и давай Болвана по-всякому ругать: «Ах ты, болванище, ах ты, сатана распроклятая! Мало того, что железо стынет, так ты еще галиматью вздумал пороть!» — «Какая ж это галиматья? — заартачился было Болван. — Об этом и иностранные звездочеты пишут». Но возражать не стал, кинулся в кузницу. Кинулся, да не рассчитал, за порог запнулся и бородой прямо в горн угодил. Борода задымилась и вмиг запылала. Ладно, Иван из ведра водой плеснул, а то бы пожара не потушить! Поднялся Болван на ноги, хвать, а бороды нет. Как увидели мужики Болвана, так и ахнули: «А где твоя борода, Болван?» А Иван отвечает за брата: «Не ходи не вовремя до ветру. Куй железо, пока горячо!» Ну, и как все это назвать? — заключил чтение Ковборин. — При чем здесь солнце? И вообще... действительно, галиматья!

Очнувшись, я услышал иронический голос Максима Петровича:

— Чего же вы от него хотите, Владимир Александрович? Он дефективный. Рубцов не мог иного написать!

— Позвольте!

— Он же дефективный.

— Имперфект! — подхватил кто-то из ребят.

Ковборин стукнул по столу кулаком:

— Что это, бунт?

— А что это, когда все пятнадцать студентов, присланных для педологического обследования класса, сами признаны дефективными, — привстал Максим Петрович. — Да, да, я уже это уточнял в институте!

В учительской поднялся невообразимый шум. Продолжая стучать кулаком, Ковборин выкрикивал:

— Это беспрецедентный случай! В школе заговор между учениками и группой педагогов! Я снимаю с себя обязанности директора!

— Пошли, — кивнул Филя, направляясь к дверям. — Пусть разберутся без нас.

Мы потянулись за ним.

В коридоре я столкнулся с братом.

— Ты чего же, Алексей! Степан Иванович заждался тебя в литейном.

— Меня? Ах да, ведь я обещал.

И, хотя я был весь охвачен тревогой, где-то рядом с ней вдруг заиграла радость: на завод, на завод, конечно!

— Паша, — попросил я брата, — а можно идти со мной всему нашему классу? Попроси Чернышева.

В литейном цехе в разных направлениях сновали люди, мелькали лопаты, с них летела земля. Из сушильной печи вынимались готовые формы. Всюду сияли электрические лампы. Высоко под потолком с грохотом проносился подъемный кран. Как здесь было хорошо, просторно после душной атмосферы педагогического совета! Наверно, не мне одному, а всем ребятам не хотелось вспоминать о том, что было час назад.

У вагранки, подобно часовому, прохаживался человек в брезентовом комбинезоне. Время от времени он с озабоченным видом прислонялся к печи. Тогда красным фонариком вспыхивало смотровое окошечко.

— Готовятся к розливу чугуна, — пояснил главный конструктор завода Чернышев.

— А скоро? — встрепенулась Милочка.

— Да вот-вот... Но нам надо успеть побывать в старой литейке.

Гурьбой, не отставая от сопровождающего нас главного конструктора, мы пошли между опок и вскоре очутились в пустынном помещении с низким сводчатым потолком. Стены старой литейки были покрыты толстым слоем пыли, потолок закопчен. Всюду валялись обломки железа, кирпича.

— Как здесь неуютно! — поморщилась Милочка.

— Не нравится? — засмеялся Чернышев. — С новым цехом не сравнить! Но здесь-то как раз, друзья, и была отлита ваша знаменитая пушка.

— А где же вагранка? — удивилась Тоня.

— Вагранки той вы не увидите, ее убрали. А на месте, где она стояла, монтируется электросталеплавильная печь.

Инженер показал рукой в дальний угол на стальной цилиндр, окутанный густой сетью трубок. Возле него я увидел Зотова. Партизан, обнажив голову, задумчиво смотрел перед собой. Мы подбежали к нему.

— Вот тут ее, голубу, и отливали, — волнуясь, произнес Зотов. — А теперь, гляди, какой цех отгрохали! Сталь будут варить!

— Значит, не жалеете, что убрали вагранку? — улыбнулся Чернышев.

— Что ж... она свое дело сделала.

Зотов спросил, скоро ли пустят электропечь, и увидел на стене плакат.

— «Социалистический договор, — прочитала вслух Тоня. — Мы, рабочие монтажной бригады, обязуемся сдать сталеплавильную печь в эксплуатацию ко дню Красной Армии. Предлагаем администрации цеха обеспечить нас всем необходимым для работы».

— А что задерживает монтаж? — поинтересовался Игорь.

— Не доставлена часть аппаратуры. Ну, и разные мелкие неполадки, — пояснил инженер.

— Надо устранить эти неполадки! — воскликнула Милочка.

— Милочка-литейщица! — развеселились ребята.

— А что вы думаете? Правильно Мила говорит, — вступилась Тоня. — Давайте следить за выполнением договора монтажников. Ведь это так интересно!

— И поручим Чаркиной докладывать нам! — выкрикнул Вовка.

— Поддержать! Кандидатура самая подходящая.

Но в этот момент из литейного цеха донеслись удары в колокол.

— Начинается ро́злив чугуна, — объявил Чернышев.

Не успели мы занять места возле вагранки, как над головами с шумом пронесся мостовой кран. Он остановился, затем двинулся снова и опустил перед вагранкой большой металлический ковш. Взмахнув ломиком, рабочий в комбинезоне пробил над желобком вагранки отверстие, и из него брызнул серебристый ручеек металла. Озарившись красным пламенем, ручеек этот полился по желобку в подставленный ковш, и вдруг... началась

«бомбардировка»! Из ковша на нас полетело множество раскаленных точек.

— Искры! Искры! — заволновались ребята пятясь.

Рядом со мной раздался писк. Это была Милочка. Она сидела в корыте с месивом огнеупорной глины, и глаза ее были полны ужаса.

— Милка! — бросилась Тоня выручать подругу.

И тут мы все увидели Бойко. Главный энергетик завода быстро шел к нам. Его остановил Чернышев и отвел в сторону.

— Кто это? — дернул меня за рукав партизан, кивая на Бойко.

Я объяснил.

— А давно он здесь? Откуда приехал?

Пришлось подозвать Ольгу.

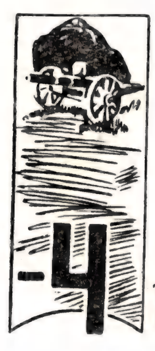
Узнав о том, что отчим Ольги приехал в Сибирск лет пять назад, а до этого всю жизнь пробыл на Урале, Зотов спросил:

— А точно его фамилия Бойко?

— Конечно... — смутилась Ольга. — Вы почему так спросили?

— Так... почудилось, — неохотно ответил партизан.— Каких в жизни совпадений не бывает!

И до конца осмотра завода Зотов больше не произнес ни слова.

Глава двадцатая

ВРАГ ПРОСЧИТАЛСЯ

Что такое инженер? — обратился ко мне Игорь перед началом урока физики.

— Не пойму, что тут неясного, — пожал я плечами.

— Значения этого слова точно не знаю и вот мучаюсь. — Брови-усики моего друга виновато подскочили вверх. — Помнишь, Лешка, я нарисовал на снегу два кружочка и сказал, что твоя голова для инженерной работы не годится?

— Ну, помню, говорил. А теперь?

— Не знаю. А вдруг я ошибся? Пишут, Стендаль был инженером, Гарин-Михайловский, который «Детство Тёмы» написал, тоже, Короленко учился в политехническом институте. Вот только про поэтов я не знаю...

— Отстань!

— А чего ты нервничаешь? Ковборина теперь в школе не будет. Директором, ходят слухи, назначается Грачев.

Новость, второпях рассказанная Игорем, была очень интересна, но Максим Петрович уже начал урок.

Он объяснял устройство двигателя внутреннего сгорания не только по чертежу, приколотому к стене у классной доски. На виду у всех стояла модель автомобильного мотора в разрезе. Стоило учителю повернуть заводную ручку, как начинал вращаться коленчатый вал, а вместе с ним ходили вниз и вверх поршни в цилиндрах, открывались и закрывались клапаны. Эту модель Максим Петрович взял из технического зала заводского Дома культуры. Следить за работой двигателя было интересно. Даже Чаркина, вечно имевшая «неуды» по физике, и та слушала и смотрела с интересом.

— Как вы уже знаете, — говорил учитель, — в цилиндрах происходит воспламенение горючей смеси. Вот и подумайте, головы: что же, в конце концов, определяет мощность двигателя — количество поступающего топлива или количество воздуха?

— Конечно, топлива! — раздались голоса.

Я взглянул на Игоря — он сидел задумавшись. Но тут прозвенел звонок. Максим Петрович предупредил нас, что ждет ответа на следующем занятии.

Вопрос, поставленный учителем, как-то невольно заинтересовал меня. Я шел домой и искал ответа на него. Не топливо ведь, рассуждал я, а воздух, точнее кислород ограничивает мощность мотора! Топлива всегда сгорит столько, сколько имеется для него кислорода в цилиндре. И не больше! Значит... значит, если вгонять в цилиндр дополнительный воздух при всасывании, то можно увеличить мощность мотора! Может быть, поставить воздуходувку? Но чем ее приводить в движение? Эх, чудак же я! А если для этой цели использовать энергию выхлопных газов работающего мотора?

Я пришел домой и засел за чертежи и расчеты. Зотов, квартировавший у нас, часто подходил к моему столу и, глядя на непонятные для него «закорючки» формул, разглаживал седую, в черных нитях бороду:

— Ты, паря, ровно в инженеры готовишься. А мне на слет не терпится... Пойдем-ка поскорее, уважь старика!

В этот вечер открывался слет красногвардейцев завода. С трудом оторвался я от чертежа.

— Что не шел так долго, Лешка? — встретила меня Тоня. — Стихи, что ли, опять сочиняешь? Посмотри, сколько народу возле нашей пушечки!

Партизанская пушка стояла посреди вестибюля Дома культуры — начищенная, с исправленным лафетом. Весть о том, что возле пушки находится ее наводчик — партизан Зотов, быстро облетела все комнаты, коридоры, и в вестибюль стал стекаться народ. Отвечая на вопросы участников слета, Зотов часто кивал на портрет моего отца, висевший в простенке. Но мне не было грустно, как тогда на Байкале. Подходили незнакомые мне люди, знавшие отца, пожимали мою руку, дружески обнимали за плечи:

— Вон, Алексей, каков твой батька был!

Когда я зашел в зрительный зал, меня остановил Чернышев. Главный конструктор завода был так приветлив, что я не удержался и стал рассказывать ему о своих насосах. Мы уселись вдвоем в последнем ряду...

На трибуне появлялись ораторы. В зале то и дело вспыхивали рукоплескания. А я чертил в блокноте Чернышева схему нагнетания воздуха в цилиндр.

— Это называется наддувом двигателя, — потихоньку говорил Чернышев. — Ты принеси мне свой чертеж...

Вдруг на трибуне раздался взволнованный голос Тони:

— Товарищи! Мы — ваша смена. Примите от нас боевой комсомольский привет...

В зале раздались аплодисменты.

Тоня подняла над трибуной раскрытую тетрадь:

— Разрешите мне, товарищи, рассказать вам об одном историческом факте, он записан здесь. Мы нашли это в делах городского архива... — И Тоня стала рассказывать о том, как была отлита партизанская пушка. — Но это, товарищи, не все. Кому известна дальнейшая судьба литейщика Семена Рубцова?

Что еще она знает про моего отца? Я забыл и о чертеже, и о Чернышеве.

— Когда пушку отлили, ее переправили темной ночью через фронт. Семен Рубцов выступил с красногвардейским отрядом. Он пошел на защиту Сибирска. И случилось так, что в одном из боев литейщик Рубцов был ранен и попал в плен к колчаковцам. Семь суток подряд каратели мучили старого, израненного человека, добиваясь от него сведений о расположении частей Красной гвардии. Рубцов молчал. На восьмые сутки допрашивать взялся сам начальник банды, поручик Кронбрут. Он приказал подвести Рубцова к виселице, надеть ему на шею петлю... Литейщик и здесь не проронил ни слова. И только когда раздалась последняя команда палача, он поднял руку: «Ну что, сволочь?» — выкрикнул поручик. «Ваша взяла, — ответил Рубцов. — Я хочу жить, господин поручик!» — «То-то же... Говори, где красные?» — «Чего говорить! Я проведу вас к ним». Казнь отменили.

...Я стиснул карандаш, блокнот. Я чувствовал, как Чернышев взглянул на меня и отвел взгляд. Что она говорит про моего отца! Что говорит!

Тоня продолжала:

— Еле живого Семена Рубцова поставили впереди конников, навели на него пулемет и заставили идти. Каратели двигались вдоль реки, прошли Сосновую падь, верста за верстой продвигаясь к городу. Поручик нервничал. Надвинулась ночь. Дул холодный декабрьский ветер. Силы оставили Рубцова, он упал. Как его ни подымали — плеткой, кулаками, пинками, — он снова валился с ног. «Погреться бы у костра», — выговорил он наконец.

Колчаковцы посоветовались, выставили дозоры и зажгли костер. А на рассвете по вражескому стану точной наводкой ударила пушка. Это стреляла с высоты каменоломни та самая пушка, что сейчас выставлена внизу в вестибюле. Каратели были уничтожены, но погиб и Семен Рубцов. Это произошло пятнадцать лет назад — второго декабря 1919 года. Вот записи допроса пленных колчаковцев. — Тоня подняла над головой свои листки.

Долго толпился народ в этот вечер вокруг старенькой пушки на рельсовом лафете.

Возвращались домой поздно вечером.

— Что же ты не сказала мне обо всем раньше? — упрекнул я Тоню.

— Ой, Лешка, милый! — Тоня придвинулась ко мне. — Долго обо всем рассказывать... Степан Иванович еще на Байкале навел меня на мысль начать розыски, но надо же было доказать... и я только накануне слета закончила всю работу. Леша, это же такой подвиг! Эх, большие мы должники перед делом наших отцов...

Мимо нас стремительно пробежал человек.

— Киров... — только услышали мы.

— Что такое? — испуганно переспросила Тоня.

Мы побежали вслед за человеком.

Декабрьское утро выдалось хмурым. С Ангары на город наплывал сырой, холодный туман. Тускло, как в матовых стеклах, горели уличные фонари. К заборам, афишным витринам, стенам домов стекался народ.

Я протискался сквозь толпу у какого-то кирпичного дома. Освещенный светом уличного фонаря, белел на стене лист правительственного сообщения:

«1 декабря, в 16 часов 30 минут, в городе Ленинграде, в здании Ленинградского Совета (бывший Смольный), от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков) и член Президиума ЦИК СССР товарищ Сергей Миронович Киров...»

«Киров убит...» Да, я уже знал это. С той минуты, как была услышана страшная весть, меня не покидало чувство оцепенения. Перечитав еще и еще раз слова в траурной рамке, я побежал в школу. Бледная, с растерянным видом, сидела Ольга, глубоко задумался Владимир Рябинин. Подперев рукой подбородок и слегка покачиваясь, сосредоточенно слушал Филиппа Романюка Игорь. Секретарь комсомольской организации читал экстренный выпуск последних известий.

— Как бы ни тяжела была утрата, — говорил на собрании Максим Петрович, — все советские люди, и в том числе мы с вами, ребята, перенесем ее мужественно. У могилы Кирова поклянемся еще теснее сплотить свои ряды вокруг великой партии Ленина!

Владимир Рябинин, Иван Лазарев и многие другие ученики принесли заявление с просьбой принять их в комсомол. Рябинин писал: «Коммунизм надо уметь не только строить, но и уметь охранять. Желаю быть в передовых рядах борцов за счастье народа».

Придя домой, я узнал, что Павел с завода не возвращался. Не явился он и на следующий день. Зина забеспокоилась. Тогда я решил пробраться к брату на работу.

В механическом цехе, как всегда, стоял многоголосый гул станков, пахло металлом и маслом. За длинными рядами машин, теряющихся в дальней перспективе, трудились люди. Лица их были сосредоточены, угрюмы. Не выключая станков, рабочие подходили друг к другу, о чем-то тихо переговаривались.

Я разыскал Павла. Он стоял у станка. Рядом работал Лазарев. Глаза Павла от бессонницы провалились, лицо стало сумрачным.

— Таковы-то они дела, Алеха... — оторвавшись ненадолго от работы, проговорил он. И, помолчав, добавил: — Хорошо, что пришел.

— Почему ты не был дома? — спросил я.

Павел молчал.

Лазарев вынул папиросу и стал прикуривать у брата. Папироса не загоралась. Василий зажег спичку.

— Мы, Леша, — сказал Лазарев, — с твоим братом решили по-новому теперь работать. Понял? Больше делать, чем раньше... — Лазарев умолк, задумался и добавил: — Так вот... Павел Семенович говорит: «Мало делать одну норму. Я перед всем коллективом завода беру обязательство на своем станке давать полторы нормы!» Вот они какие дела, паря...

— Полторы нормы! — повторил я.

— Да! — откликнулся брат.

— А как же ты? А сумеешь?

— Пока рабочий день удлиню, буду чаще оставаться на сверхурочные. А там увидим...

— Сколько ты вчера выработал?

— Сто пятьдесят два процента.

— И днем и ночью работал?

— Как видишь. Но слово свое я должен сдержать! — Павел закашлялся и отбросил папиросу.

— Ты бы хоть, Паша, курить бросил. Надорвешь грудь, — услышал я за спиной строгий старческий голос.

— Ладно, Петрович, погоди, — отмахнулся Павел.

Вечером Зина говорила мне:

— Лечиться Павлу надо. Пуля дает о себе знать, особенно после простуды. А он, видишь, за полторы нормы взялся, да еще ученье тянет. Упрямый, послабления себе не дает. К хорошему врачу бы обратиться.

— Он же был у Тониного отца, у доктора Кочкина.

— Был, да толк какой! Не слушает он. Сейчас тем более. Скажет, не время. Все вы, видно, Рубцовы, такие

Этот день мне никогда не забыть. Над Сибирском сгущались сумерки. Крепчал мороз. В ворота школьного двора один за другим входили ребята. Разговаривали вполголоса. У каждого в руках была длинная палка с приделанной жестяной баночкой для факела. На бревнах, возле бидона с керосином, расположился Романюк

— Факелы зажигать, когда построимся, — предупреждал он. — Не торопитесь! Будьте осторожны с огнем!

Посреди двора стоял Максим Петрович, окруженный ребятами.

— Хоронить Сергея Мироновича будут возле Мавзо-

лея Ленина. Во втором часу дня там начнется траурный митинг, — кратко пояснял Максим Петрович. — По нашему времени это в седьмом часу вечера. Сегодня Красную площадь вся страна будет слушать, весь мир...

Мы быстро построились в колонну, зажгли факелы. Над сосредоточенными лицами юношей и девушек закачались оранжево-черные языки пламени. Из школы вынесли красное полотнище, обвитое крепом. Дрожащий свет факелов падал на него, выделяя слова «Прощай, наш дорогой товарищ Киров!»

При выходе из ворот мы увидели, как навстречу нам текла широкая живая огненная река. Это шли рабочие механического завода. Впереди колонны несли большой портрет Сергея Мироновича, обрамленный траурными лентами. Пламя факелов колебалось, и лицо Кирова казалось подвижным, живым. Огненная река вобрала в себя нашу колонну и вновь полилась — все вперед, вперед... Посредине городской площади высилась трибуна. Над ней полыхали на ветру траурные стяги, освещенные лучами прожекторов. Площадь напоминала большой костер.

Мы остановились недалеко от трибуны. Со всех улиц города на площадь текли и текли человеческие реки... В декабрьском воздухе неслись стонущие звуки оркестров... Вдруг площадь замерла. Из репродукторов раздался знакомый бой кремлевских курантов. Говорила Москва, Красная площадь. Репродукторы смолкли, их сменили голоса с трибуны на городской площади.

Игорь тронул меня за плечо:

— Смотри, Зотов говорит от имени партизан.

Но я и сам уже видел Степана Ивановича и с волнением слушал, как он, посланец тайги, сурово говорил:

— Мы — как байкальский хребет, нас не сдвинешь! Колчака побили, через какие трудности прошли. Враг просчитался! Киров будет с нами!

Снова Красная площадь. Затихали последние звуки траурного марша. Сливаясь с прощальным салютом Москвы, над городом пронесся рыдающий голос сирены. Его подхватили гудки паровозов, заводов, депо... Со стороны Ангары воздух разорвали орудийные залпы.

Вся страна, весь народ прощался в эти минуты с Кировым.

Глава двадцать первая

«СКВОЗНЯЧОК»

— Ну, как твои успехи, Алеха? — спросил Павел, необычно рано вернувшись с работы. — Скоро ведь каникулы?

— С завтрашнего дня!

— Хорошо! Мне тоже передышка.

Я подал ему табель за первое полугодие. Брат поудобнее уселся в кресло и стал внимательно рассматривать серую книжечку.

— Что же, выходит, ты круглый отличник? — сказал он, улыбнувшись. — Поздравляю! А ну-ка, взглянем в мой табелек...

Я достал тетрадь, в которой ставил ему оценки.

Брат раскрыл тетрадку.

— Алгебра — «хорошо», ну и хорошо. Химия — «уд», физика — полугодовой оценки не выставлено, потому что не пройден материал. Справедливо, но плохо. География — то же. История — «уд». И ни одной отличной оценки? — Павел задумался. — Да, дела с учебой пошли неважно.

Брат достал из кармана блокнот и, перелистывая его, стал читать:

— Второе декабря — 152 процента, десятое — 160, четырнадцатое — 135, двадцать шестое... Словом, вчера, Алексей, я выполнил свое обязательство — полторы месячные нормы уже есть.

— Но как же ты думаешь дальше? — Зина вглядывалась в усталое лицо Павла.

— Дал слово — выполняй!

— А с учебой? Ты дал и другое слово: пройти в этом году за седьмой класс, — напомнил я.

Павел не ответил. Он схватился рукой за грудь, задохнувшись в мучительном кашле.

— Господи! Когда же все это кончится? — запричитала Зина.

Брат, упрямо мотнув головой, подсел к моему столу.

— Ничего, вылечусь!.. Слышал я, ты, Алексей, с Чернышевым познакомился, — заговорил он, оправившись от приступа. — Одобряет он твой чертеж.

— Что одобряет? Наддувы в моторах уже существуют. Я ничего не изобрел.

— Тебе уж сразу изобретать... Похвалу от Чернышева не тяп-ляп заработать. Он человек серьезный. А вывод таков, как я и раньше думал: тебе на инженера надо учиться. — Брат потянулся к пачке папирос, но отдернул руку и сердито заговорил: — Конечно, и ты и Зина правы, нельзя мне так дальше работать. И здоровье гроблю, и времени для учебы не остается. Да и какой толк, что я таким вот путем даю полторы нормы?.. А станок какой, Алеха!

Брат оживленно взглянул на меня.

— Выход есть. Гляди-ка! — Он придвинул к себе бумагу, взялся за карандаш и начал что-то рисовать. Линии рисунка получились у него неровные. — Коряга, а не рука, — ругался брат, но на листке бумаги я ясно увидел контур токарного станка. — Вот патрон, куда деталь вставляется, а вот резцовая головка, — стал объяснять Павел, подрисовывая неясные места. — Зададут в наряде сотню втулок главной оси — успевай только поворачиваться. А как тут развернешься, когда основное время тратишь на закрепление этой втулки в патроне. Думал я, думал, Алеха, какой выход найти, и надумал: что, если мне спариться с Василием Лазаревым и обрабатывать деталь «сквознячком»?

— Это как же «сквознячком»? — не понял я.

— А вот так, посмотри-ка! — Павел склонился над рисунком. — Вот чугунная втулка, которую надо обработать. По старому способу я должен ее обточить сначала с одного конца, потом с другого и каждый раз тратить время на установку в патроне. А если мне производить только одну операцию, а Василию, скажем, другую, и не трогать патрона?

— Как же ты без него обойдешься?

— Патрон в станке останется! Но в него я намертво закреплю приспособление, чтобы быстрей устанавливать втулку. Слыхал, что такое приспособление?

— Слыхать-то слыхал, а вот какой вид должен быть у него, не представляю.

— Об этом и надо подумать... — Брат откинулся на спинку кресла. — Начальнику цеха сказал — он только рукой махнул. Технолог прямо говорит: «Не трать попусту время, Рубцов, производственный процесс расстроишь».

— А к мастеру обращался? — спросил я.

— Он в ту же дудку. Технические нормы, говорит, есть и работай. Нормы, мол, — закон производства, и ломать их никому не дозволяется.

— Дай-ка мне чертеж твоей втулки, — попросил я Павла.

Было еще светло, когда я шел на каток. Тропинка вилась через запорошенный снегом парк. После ледостава на Ангаре установилась тихая морозная погода. Склонив заснеженные ветви, не шелохнувшись, стояли деревья. Но, куда бы я ни смотрел, передо мною была огромная накидная гайка с крупной резьбой. «Обязательно с крупной, чтобы не мялась, — думал я. — Надо увидеть Игоря».

Теплушка катка полна народу. Беспрерывно раздаются шутки, смех, грохот коньков по деревянному полу. А вот и Игорь... Он осторожно затягивает ремешок на ноге Милочки Чаркиной.

— Гайка с крупной резьбой! — кричу я ему, усаживаясь напротив

— Алеша, какая гайка? — недоуменно спрашивает Тоня, поправляя на голове пушистый берет.

Она появляется откуда-то сбоку:

— Вот такая! Для приспособления! — показываю я рукой.

— Ничего не понимаю...

Коньки на ногах. Через раскрытую дверь нас обдает свежестью зимних сумерек. На просторном поле стадиона, точно подгоняемый музыкой, переливается бесконечный поток разноцветных свитеров, шарфов, шапочек...

— Где же наш «паровоз»? — смеется Тоня, прыгая на лед.

И, как бы услышав эти слова, пыхтя и отдуваясь, мимо проносится Игорь.

— Цепляйтесь! — кричит он, чуть-чуть сбавляя скорость и на ходу формируя шумный «состав».

Все быстрей, все стремительней движение. Мчится веселый «поезд». Но на повороте «сцепка» одного из «вагонов» подвела, и весь «состав» кубарем летит под откос. Крушение! И только «паровоз» оказался хитрее всех: вовремя сманеврировав, он умчался по ледяному простору.

Отряхнув снег после «крушения», я догнал Игоря:

— Ты понял, о чем я тебе крикнул в теплушке?

— О какой-то накидной гайке.

— Ну да! Ты понимаешь, мы с Павлом придумали, как сделать приспособление!

— Стоп! — Сделав энергичный разворот, между нами вклинилась Тоня. — Довольно вам летать метеорами. Нам тоже интересно узнать насчет гайки. — Она показала в сторону скамейки под елками.

Я рассказывал и чувствовал, что Тоня радуется за меня.

— Ну вот, теперь затяни мне ремешок на ноге, — сказала она, — и... не скрывай от меня ничего!

Дома меня встретила плачущая Зина. Она ходила по комнате, собирая в узелок вещи Павла.

— Свезли в больницу. Прямо из цеха на операцию...

Операция! Вынимать пулю, застрявшую где-то у самого сердца!

Не раздеваясь, я сел на кровать.

— На вот, отнеси! У меня сил нет, — Зина протянула мне узел. — Тут белье чистое...

Не помню, как я очутился у дверей больницы. На мой стук вышла женщина в белом халате. Она взяла у меня узел, вынесла пальто, одежду и сказала, что больной Павел Рубцов в операционной у доктора Кочкина и что делать мне здесь больше нечего.

Она закрыла дверь. Откуда-то из глубины здания донесся крик. Мне показалось, что это был голос Павла. Я рванул за ручку двери — дверь была закрыта; прыгнул с крыльца, намереваясь найти другой вход, но не мог найти. Тоскливо светились окна больницы, и я стоял один среди пустынного двора. Так было и восемь лет

назад, когда умерла мама... Но тогда рядом со мною находились Павел, Зина. Ласково обняв, они повели меня домой.

«Нет, я не могу уйти, пока не узнаю, что с ним». Вот бы доктора увидеть, спросить его, он хороший. Отец Тони в операционной... Да, но кто меня пустит в это угрюмое серое здание? Поглубже запахнув полушубок, я сел на ступеньку крыльца.

Издали медленно наплывали звуки колокола с пожарной каланчи — семь, восемь, девять... В темноте за больничным забором лаяла собака. Стало клонить ко сну.

Вдруг под самым ухом я услышал жалобное мяуканье. Котенок! Осторожно цепляясь коготками за шубу, он вскарабкался ко мне на колени и ткнулся мордочкой в рукав. Я сунул теплый комочек за пазуху, прижал его. Нам обоим стало теплее.

— Эй, проснись, замерзнешь! — раздался над ухом чей-то громкий голос.

Я открыл глаза. На крыльце стоял доктор Кочкин и тряс меня за плечо.

— Это ты, Алеша?

— Павел... как?

— Что Павел, сам ты чуть не погиб!

Подхватив под руки, доктор втащил меня в небольшую, ярко освещенную комнату и стал раздевать.

— Ишь ты какой! — хмурился он, растирая мои руки, ноги, лицо. — Да еще с котенком! Ладно, обошлось. Ложись, — показал он рукой на койку. — Спи до утра да не стесняйся, это мой кабинет.

— Операция была?

— Спи, Алексей, спи, — вздохнул доктор.

Надев больничный халат и белый колпак, Кочкин вышел.

С тревожным чувством я закрылся одеялом. Замяукал котенок, но вскоре затих, а я так и не смог уснуть.

Когда рассвело, в комнатку вошла какая-то женщина в белом.

— Спишь? — погладила она меня по голове.

— Нет. А где доктор?

— В палате. Прислал тебя проведать.

— Операция кончилась?

— Да.

— Ну как?..

Я приподнялся, с трепетом ожидая ответа, но женщина сказала:

— Ступал бы ты, голубчик, домой. Вечером все узнаешь...

В ногах мяукнул котенок. Я приподнял его и, сунув котенка под рубашку, стал собираться домой.

С котенком я и прокоротал весь долгий день. В сумерках пришла Зина. Увидев меня, она разрыдалась.

— Потеряно много крови... Дышит кислородной подушкой...

Жизнь Павла находилась в опасности. Это было совершенно ясно. Когда стемнело, я пошел в больницу.

И здесь, у крыльца, меня встретила Тоня.

— А я к тебе заходила... Я ведь только сегодня все узнала от папы!

— Отец твой был дома? — спросил я.

— Да, обедал... И снова уехал в больницу.

— Как Павел? Он ничего не говорил?

Тревожные глаза Тони уставились на меня прямо, открыто.

— Крепись, Леша... Не сразу ведь хорошо бывает. А раз папа взялся... Ой, да ты без рукавичек! — дотронулась она до моих холодных рук и тотчас сунула их в свои теплые варежки. — Теперь лучше?

— Да, — ответил я, сжав ее пальцы.

— Вот давно бы так. Ходишь один, переживаешь... Чем ты сегодня занимался?

Я рассказал про котенка.

— Ну вот, котенок... А чертежи приспособления, о которых ты говорил мне на катке?

— К чему они теперь?

— Ты неправ, Леша. Нужно взять себя в руки. Павел Семенович выздоровеет, вернется домой, вот увидишь... Он вернется! Как же ты в трудную минуту забыл о своих верных друзьях?

...И вот потекли дни трудного и медленного выздоровления брата. Да, таких дней я еще никогда не переживал. С утра я садился за чертежную доску, которую раздобыл где-то Игорь. Потом, когда приходил мой друг, я уступал ему место, а сам отправлялся проведать брата.

Чем радостнее шли вести из больницы, тем быстрее продвигалась наша работа...

К середине каникул чертежи приспособления были готовы, и мы с Игорем принесли их в цех.

— Толково сделали. Должно получиться, — одобрил Василий Лазарев.

— Это что! — вмешался в наш разговор Петрович. — Надо не чертежи, а само приспособление сделать к приходу Павла Семеновича. Вот сюрприз будет!

— А когда делать-то? — покачал головой Лазарев.

— Вот нашел о чем горевать! — посмеялся Петрович. — Да сегодня и начинать. Меня в бригаду берите. — И старый слесарь повел нас в мастерскую под лестницей.

Деревянный потолок мастерской просвечивал, и ходившие по лестнице люди могли свободно видеть все, чем занимался старик. Эта особенность потолка и послужила, очевидно, причиной того, что вскоре после нашего прихода в мастерскую в ней появился главный энергетик завода Бойко.

— Почему стоим? Работы нет? — спросил он придирчиво.

— Работы хватает, товарищ начальник, — объяснил Петрович. — Решаем, как «сквозной» способ внедрить...

— «Сквозной»? Что это за слово «сквозной»?

Лазарев расстелил перед энергетиком чертеж и стал рассказывать о новом способе обточки втулок, предложенном моим братом. Инженер слушал токаря рассеянно, лишь изредка по его чисто выбритому лицу пробегала снисходительная улыбка. Не дослушав Василия, он раздраженно махнул рукой:

— Это в вас грузчик еще сидит, Лазарев, а техника не терпит наскока. Для выдумок существуют инженеры, дело рабочего — выполнять наряд.

— Какая ерунда! — не выдержал Игорь. — Люди вносят ценное предложение, стараются поднять производительность труда...

Бойко не без интереса перевел взгляд на Игоря.

— Я где-то видел вас, молодой человек... Вы инженер или техник? — иронически прищурил он глаз.

Мне показалось, что в эту минуту главный энергетик был очень похож на Ковборина.

— Я ученик десятого класса подшефной заводу школы, — ответил Игорь.

— Ну, знаете ли, это больше чем дерзость! Мальчишкам нечего делать в цехе! Как вас сюда пропустили? — Бойко повернулся и пошел прочь, небрежно сунув руки в карманы своего кожаного пальто.

Мы растерянно взглянули друг на друга, на Петровича.

— А вы бы, ребятки, молчали, и точка. От него это дело не зависит, — сказал Петрович. — Если задержка насчет пропуска будет, к Чернышеву пойдем. Тот поможет!

Донесся протяжный гудок. На морщинистом лице слесаря заиграла улыбка:

— Теперь спокойно поработаем. Конец первой смены, начальство-то все поуходит из цеха.

Петрович присел на корточки, открыл дверцу верстака и стал подавать инструмент:

— Резцы победитные тебе, Алексей. Корпус приспособления вместе выточим. Напильник бархатный Василию причитается, он всеми мелкими штучками займется. А тебе, — протянул он руку Игорю, — зубило и молоток, слесарить станешь.

Петрович смерил линейкой чугунное кольцо, лежавшее в углу мастерской, и велел мне катить его в цех.

— Так, так, — подбадривал старик, идя за мной, — двигай прямо к станку Павла.

Вторая смена токарей уже приступила к работе. Мне казалось, что все рабочие смотрят на нас с Петровичем.

Василий с Игорем задерживались в мастерской, и, не дожидаясь их, Петрович приступил к делу. Взявшись за рукоятку станка, он проверил, все ли в порядке. Потом вынул из инструментального ящика специальный ключ, разжал им патрон.

— Подымай, Алеша, — негромко скомандовал слесарь.

Ставя чугунное кольцо в патрон, я предупредил Петровича, что мне еще не приходилось работать на станке.

— Знаю, что не умеешь. Поэтому и в помощники взял. Гляди, — протянул свои жилистые руки Петрович. — Четыре десятка годков они с резцом дружили, а под старость лет пришлось в ремонтники переходить, слесарить.

Склонившись над патроном, он долго и терпеливо устанавливал в нем кольцо, чертыхаясь, что на установку всегда идет много времени.

— Ну вот, теперь можно к обдирочке приступить. Где у тебя чертеж?

Я подал Петровичу свернутый в трубку лист ватманской бумаги. Он долго и сосредоточенно рассматривал чертеж, что-то тихонько напевая, потом зажал в суппорте резец и, сказав: «Дай-то бог», надавил кнопку. Раздалось монотонное гуденье станка.

— Ну, Алексей, начали!

С этими словами Петрович осторожно подвел резец к чугунному кольцу, и на темном теле отливки появился тонкий серебристый поясок. Он становился все шире, светлее. На жестяной противень под станиной станка градом сыпались стружки.

Обточив кольцо раз, другой, Петрович отвел резец и передал мне рукоятку:

— Пробуй-ка, парень!

— Я?

— Ну конечно, ты.

Стараясь не выдать охватившей меня робости, я повернул рукоятку. Резец двинулся к детали. Еще поворот — он впился в нее, и в волосах моих запуталась горячая стружка.

— Не торопись, подачу убавь. Вот так, — густо задымил махоркой Петрович. — Еще проточи разок...

Но вдруг раздался треск, и резец вылетел из державки.

— Перепугался, поди? — Петрович выключил станок. — На первый раз всегда резцы ломают. Попробуй-ка еще. Вот так, так... А у тебя, Алексей, пойдет токарное дело!

Оставшиеся дни каникул мы с Игорем почти целиком провели в цехе. Корпус приспособления, над которым трудились вместе с Петровичем, вышел точно по чертежу. Не совсем ладилось вначале с накидной гайкой, но Игорь проявил столько упорства, что получились и гайка и остальные детали приспособления.

— Башковитый у тебя дружок, — сказал мне как-то Петрович.

Здесь, в цехе, за рабочим верстаком, заметил я в Игоре перемену. Сказать, в чем она состояла, мне было еще трудно. Но теперешний Игорь едва ли пустился бы через Байкал на своих лыжах и вряд ли купил бы автоматическую ручку на деньги, предназначенные для радиоприемника.

Работа над приспособлением двигалась к концу. И вот однажды...

— Начнем, что ли? — спросил Василий, бросая недокуренную папиросу.

— А чего ждать-то? Смена на перерыве, начальство из цеху повыходило, мешать некому, — отозвался Петрович.

С помощью Игоря я вставил в патрон корпус приспособления и попросил Петровича проверить установку.

По тому, как Василий засовывал руки в карманы и тотчас вынимал их обратно, по настороженным взглядам, которые он бросал вокруг себя, я чувствовал, что на душе у него было неспокойно.

— Крепи! — отрывисто бросил Петрович и кивнул Лазареву, чтобы тот готовился.

Василий подошел к своему станку, взял из кучи литья втулку, которую надо было обточить, и уставился на часы в руке Игоря.

— Засекай!

Услышав команду Петровича, токарь вставил деталь в патрон, включил станок. Из-под резца брызнули синеватые стружки. Они то каскадами сыпались вниз, то вились ручейками, то, пыхнув дымочком, стремительно отлетали в сторону.

Движения Василия были почти неуловимы, но ведь обточку фланца втулки он проделывал сотни раз. Главное-то состояло не в этом!

Токарь остановил станок, быстрым поворотом ключа разжал патрон и крикнул:

— Держи, Петрович!

— Двенадцать минут! — засек Игорь.

Приняв в руки втулку, слесарь несколько секунд недоверчиво смотрел на нее, как бы решая, что же с ней делать, и вдруг протянул ее мне:

— А давай-ка ты, Алексей!

— Что вы, Петрович!

— Ничего, ничего, учись. С приспособлением легче пойдет, бери!

Слесарь почти бросил мне деталь. Подхватив втулку, я вставил ее фланцем в приспособление, набросил на нее накидную гайку и, схватив поданный Игорем ключ, с силой подтянул ее до отказа.

— Добре сидит, — проверил старик. — Пускай станок.

Не помню, как я нажал электрическую кнопку. Загудел мотор, резец двинулся с места, и по черному телу втулки пополз светловатый поясок. С каждым мгновением он становился все шире, и вдруг деталь как бы исчезла, растворилась в воздухе. Ее присутствие выдавала только сияющая дорожка света, вытянувшаяся вдоль оси. По спине у меня пробежал холодок.

— Выключай станок. Так. А теперь замерь, — командовал Петрович. — Смени резец. Растачивай изнутри. Да чего ты? Не теряй времени.

— Семнадцать минут! — объявил Игорь, когда я снял со станка готовую деталь.

Блестящая, принявшая ровные очертания, она казалась совсем не похожей на своих сестер в куче литья.

— Ну что, пот прошиб? — весело посмотрел на меня Петрович. — А руки-то, руки-то дрожат... Матушки!

Вытерев платком мокрое лицо, я от усталости присел на ящик у станка.

— Да, конечно, встряска серьезная, — продолжал подшучивать слесарь. — Ты, поди, думаешь, уже токарем стал? Черта с два! Приспособление всему причина. Ну что, сколько времени вкруговую затратили?

— Двадцать девять минут, — подсчитал Игорь.

— Вот... А если бы за станком стоял Павел? Еще меньше! Эх, братцы, какой мы ему подарочек приготовили! — радовался Василий.

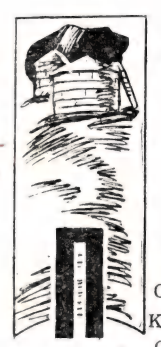
С перерыва стали возвращаться рабочие. Они подходили к станку, разглядывали приспособление.

— А ну, показывайте, каким «сквознячком» вы решили продуть наше начальство? — спросил кто-то.

— Показать можно, за это деньги не берут, — рассмеялся Петрович и взглянул на меня: — Начнем, что ли, токарь?

Глава двадцать вторая

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подходил февраль. Как-то утром, вбежав в класс, Тоня подсела ко мне. Она вся сияла от радости.

— Лешка, папа разрешил тебе свидание с братом... Приходите вдвоем с Зиной.

— Когда?

— Да хоть сегодня!

Трудно передать словами охватившую меня радость. Письма, записки, которыми мы обменивались, разве могли заменить встречу? Сколько новостей мне нужно рассказать Павлу!

Но настроению моему суждено было вскоре измениться...

— Что это, твой брат в шкурники записался? — пристал на перемене к Ване Лазареву Маклаков. — Ладно, ладно, не юли, весь завод говорит.

— Мой брат не шкурник! — выкрикнул возмущенный Ваня.

— Го-го! Факт! Куда попрешь... Карточки на хлеб отменили, денежки становятся дороже, отчего не подработать?

— А ну, оставь его! Опять, Маклаков, за старое? — подскочил я к Недорослю.

— Нет, за новое! Вот, почитай! — Маклаков вынул из кармана пиджака лист тонкой папиросной бумаги и швырнул листок мне в лицо.

— «20 января, — прочитал я, — токарь третьего разряда Василий Лазарев, получив срочный наряд на из-

готовление штучных деталей к комплекту «Г», отказался выполнить работу и покинул цех. Известно, что Лазарев, несмотря на мое категорическое запрещение, скрытно от всех изготовил какое-то приспособление к станку и стал работать один за двоих. Отказ от выполнения ответственного задания вызван исключительно корыстными побуждениями Лазарева.

Приказываю: за проявленную недисциплинированность токарю Лазареву объявить строгий выговор и понизить его в разряде сроком на три месяца. Осудить «сквозной» способ работы, как рваческий, создающий разногласия среди рабочих и нарушающий нормальный ритм технологического процесса.

Начальник цеха...»

И далее шла неразборчивая подпись.

— Как попал к тебе этот приказ? — спросил я Маклакова.

— А ты что, прокурор? Допрашивать вздумал! — Вырвав у меня листок, Маклаков поспешил из класса.

Эх, нечем, выходит, порадовать Павла...

С замиранием сердца шел я по длинному больничному коридору, путаясь в неудобном халате. Доктор и совсем маленькая рядом с ним Зина шагали немного впереди.

— Леша! Зина!

Брат чуть приподнялся с кровати, благодарно взглянул на доктора.

— Уговор — не волноваться! — шутливо пригрозил Кочкин.

Прикрыв дверь в палату, он отошел к окну. А мы с Зиной придвинули свои табуретки к самому изголовью кровати, точно собирались сказать Павлу что-то необыкновенное. Да так ведь было и на самом деле. Собирались!

— Ну как, Алеха, твои дела? — тихим голосом начал брат. — Ты что-то ничего не писал о чертежах. Помнишь, хотели делать с тобой? А как с пуском электропечи в литейном?

Павел задавал мне такие вопросы, на которые я не мог ему ничего ответить. Об электропечи с момента экс-

курсии в классе никто даже не вспомнил... С приспособлением... Мог ли я рассказать брату то, что стало мне известно от Маклакова? Не знаю, как расценил Павел мою молчаливость, но он заговорил с Зиной о домашних делах.

Весь урок Чаркина вертелась, шуршала газетой, перешептывалась с подругами, поглядывала в мою сторону. В перемену Ольга на правах старосты класса сделала ей замечание.

— Да я же для всех старалась! — обиженно оправдывалась Мила. — Специально многотиражку выпросила у библиотекарши. Вы почитайте, что тут написано. Статья-то какая! А Рубцов все скрывает от нас!

— Что скрывает? Да тише вы! — раздались голоса. — Чаркина, читай!

Мила подошла к учительскому столику, лукаво посмотрела на меня и, когда все немного успокоились, принялась читать:

— «Шире дорогу новому!» Это заголовок, — объявила она. — А дальше вот что написано: «На днях партийный комитет занимался разбором одного поучительного факта. Известный своей ударной работой токарь механического цеха член партии Павел Рубцов предложил так называемый «сквозной» способ обработки деталей, имеющий важное значение для поднятия производительности труда. При участии токаря Василия Лазарева и учеников подшефной школы Алексея Рубцова и Игоря Русанова было изготовлено специальное приспособление, давшее заметный производственный эффект.

Однако этого не захотел понять начальник механического цеха. Под предлогом защиты технологической дисциплины, он пошел против новаторов. Если бы не своевременное вмешательство главного конструктора завода товарища Чернышева, «сквозной» способ мог бы не увидеть света...»

Мила прервала чтение и строго повела бровями.

— Да, да, так и написано: «Алексей Рубцов и Игорь Русанов». Тише, сейчас кончу. — Чаркина продолжала читать: — «Напарнику Павла Рубцова токарю Лазареву, человеку творческому и бескорыстному, было предъявлено обвинение в шкурничестве. Но новый способ нашел

себе дорогу, его одобрила рабочая масса...» Ну что, разве я неправильно говорила? — размахивала газетой Мила. — Делали чертежи? Делали! Скрывали от нас? Скрывали!

— Это конечно, — сказал Игорь. — Дело ведь нешуточное. Мы на завод пошли не для того, чтобы свалиться в корыто с глиной, как некоторые!

— Зазнайки вы! — крикнула Милочка.

— Нет, все-таки молодцы! — сказал Филя. — Объявим им от класса благодарность.

— Правильно! Благодарность!

«Эх, почему этот разговор не произошел на день раньше? Как бы обрадовался Павел!..»

— А теперь два слова о Чаркиной, — сказал Филя.

— Что я опять натворила? — всполошилась Милочка.

— Ребята, вы заметили, что Мила теперь постоянно читает газеты?

— Даже многотиражку! — прыснул Вовка.

— Если бы она еще «неуд» по физике ликвиднула! — мечтательно сказал Филя.

— Что ж, я сама не знаю? — вспыхнула Чаркина. — Вот обязательно сразу надо и похвалить и разругать!

— А как же! В том и критика. Вот ребята поручили тебе следить за монтажом электропечи, а ты хоть бы что, только Русановым восхищаешься.

— Да что ты! Никем я не восхищаюсь!

— Как! А тем, что он приспособление сделал?

— Ну, это другое дело. И вообще, отстаньте...

Все же спустя три дня в школьной стенгазете была обнаружена свежая вклейка:

«Внимание, внимание!!! Передаем сводку выполнения соцдоговора монтажной бригады литейного цеха на 12 февраля. Работы по электропечи близятся к концу. Вчера произведена футеровка (обкладка огнеупорным кирпичом внутренней части). Среди прибывшей аппаратуры не обнаружен трансформатор. Сделан телеграфный запрос заводу-поставщику. Записано со слов главного конструктора завода товарища Чернышева. Информатор Чаркина».

— Трансформатор-информатор, — смеялись ребята, читая заметку в газете.

Через два дня снова заметка:

«*14 февраля.* С Уральского завода вернулась бригада литейщиков. Они прошли практику по стальному литью. Скоро можно печь затапливать, но нет трансформатора. Информатор Чаркина».

Эта заметка наделала особенно много шуму.

— Эй, трансформатор-информатор, чем будешь электрическую печь затапливать — дровами или хворостом? — помирали от смеха ребята.

— Керосином! Бензином! Подсолнечным маслом! — неслось со всех сторон.

— Это оттого, что физику плохо учила, — назидательно выговаривала Чаркиной Ольга.

Тогда Мила стала помещать сообщения покороче и без подписи.

«*18 февраля.* Закончено испытание водяного охлаждения электропечи. Прошло удачно».

«*20 февраля.* Трансформатор прибыл! Скоро состоится пробный пуск печи (на электрическом накале)».

— «На электрическом накале»!.. Поправилась называется! — возмущалась Ольга. — Что с этой Чаркиной делать? Ведь она же провалит физику на экзаменах!

— А ты, чем ругаться, взяла бы да и помогла ей, — посоветовала Тоня.

— В чем же, интересно?

— Разумеется, в физике. Ну, хотя бы повторила с ней раздел «Электричество».

— Вот еще новости! — фыркнула Ольга. — У меня не хватает времени для музыки и английского языка, а тут извольте: заниматься с этой пустышкой Чаркиной! Не обязана я!

— Это не обязанность, Оля, — убеждала Тоня, — а товарищеская помощь. Миле плохо дается физика.

— Если неспособная, пусть не учится. Десятый класс — не детский сад. Есть известная истина, что в науке нет столбовой дороги, а нужно самому карабкаться по ее каменистым тропам.

— Оля! — сказала Тоня. — Это пережиток индивидуализма. Ведь ты же староста класса, пойми.

— Пожалуйста, переизбирайте, сделайте одолжение!

— Ну что ж, не хочешь — не надо, — резко сказала Тоня.

Тогда встал Игорь:

— Поручите мне... заниматься с Милой.

— На каком основании? — спросил Вовка.

Все рассмеялись, а Игорь покраснел.

— Ладно, поручим! — великодушно согласился Филя.

Назавтра вокруг свежего номера общешкольной стенгазеты собралась шумливая толпа. В газете рассказывалось много интересных новостей. Была заводская хроника. Были заметки о том, как с помощью электросварки изготовили железную клетку для медвежонка, который пытался выскочить из юннатской. Тут же критиковались и пионеры четвертого «Б», которые жалели своего подшефного Мишку и в клетке его держать не хотели. Были и другие интересные заметки. Но внимание большинства ребят привлекал яркий заголовок справа внизу: «Индивидуалистка».

«Ольга Минская думает лишь о себе. Решила жить, как Робинзон на необитаемом острове. А ведь ей товарищи помогли в трудную минуту. Вот и строй с такими коммунизм...»

На уроке я получил от Ольги записку: «Огорчена, редактор, что не имею настоящих друзей».

Когда прозвенел звонок, Ольга быстро вышла из класса, и в школе в этот день ее больше никто не видел.

— Почему нет света? — спросил я, войдя утром в школьную раздевалку.

— Да вот, выключили. Может, неполадки какие, — объяснила сторожиха Матвеевна.

Школа освещалась от заводской электростанции.

«Что же могло случиться на станции?» — подумал я.

— Пуск электропечи сорван! — услышал я чей-то взволнованный голос. — На заводе вредительство...

Я побежал в класс.

— Электропечь должны были включить в одиннадцать часов вечера, — рассказывал Филипп Романюк, побывавший в числе приглашенных гостей в литейном. — Сначала, как обычно, шли приготовления... Потом инженер, руководивший пуском, подал команду. И сразу же погас свет. Позвонили на электростанцию, оттуда ответили, что дизеля стали. Вызвали главного энергетика, того самого Бойко, помнишь? — повернулся ко мне Фи-

липп. — В последние дни он болел и на завод не явился. Пошли к нему на квартиру, а его и дома не оказалось.

— Куда же он девался? — спросила Милочка.

— Кто его знает! Дело серьезное. Стали выяснять причину аварии... Оказалось, что нефтяной бак, из которого в дизеля поступало топливо, наполовину заполнен водой. Но вода же не горит!

— Вот так история!

— Слушайте дальше. Директор завода распорядился дать горючее из запасной цистерны, прямо с нефтяного склада. Открыли там вентиля, а нефть не идет. Пошли проверять, в чем дело, оказывается, цистерна пустая...

— Пустая? — загудели ребята. — Кто же это мог?

— Не та ли это цистерна, к которой те парни однажды подбирались? — насторожился Вовка.

— А куда девалась нефть? А сколько ее было? — раздавались со всех сторон вопросы.

— Говорят, пятьсот тонн, — хмуро ответил Романюк.

Глава двадцать третья

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Солнечным весенним днем, когда плакали сосульки на крышах, Павел вернулся домой. Сидя в кресле перед окном и гладя мурлыкающего на коленях котенка, он говорил:

— Ну вот, наконец-то! Спасибо доктору Кочкину. Передохну денька два-три и в цех подамся.

— На работу?

— Да нет, пока еще так, в разведку...

— Куда тебе ходить больному. Сиди дома, — сказала Зина.

— Ладно, ладно вам... — улыбнулся Павел. — Слышите, гудок с обеда зовет.

Брат в самом деле на третий день отправился в цех. Увидел дома я его уже вечером, когда, склонившись над абажуром лампы, он что-то писал за столом.

— Ну вот и сходил... — вздохнула Зина. — Началась карусель.

— Да, а как ты думаешь, зря сходил? — отложил ручку Павел. — Нет, правильно сделал! Нельзя допускать такую беспечность. Вот пишу в партком...

— А что случилось? — встревожился я.

— Песок... в станке, — хмуро повернулся ко мне брат.

— Какой песок?

— Наждачный... Кто-то подсыпал. В десять станков.

— И в твой?

— И в мой! — Павел тяжело вздохнул. — Петровича поранили... В больнице старик.

Потирая ладонью лоб, Павел коротко рассказал о происшествии на заводе.

Вчера в полночь, когда рабочие второй смены ушли домой, Петрович погасил огни и решил, как он часто делает, переночевать в цехе. Есть у него там любимое местечко — у батареи парового отопления. Но в эту ночь что-то не спалось старику. Ворочался он с боку на бок, а потом вдруг открыл глаза и видит, что кто-то крадучись ходит возле станков. Старик сначала подумал, что ему померещилось. Да нет! Петрович присмотрелся. Открывая крышки коробок скоростей, человек торопливо бросал туда что-то. Слесарь смекнул, что дело неладно. Кинулся к станкам, чтобы изловить неизвестного, но его опередили — ударили чем-то по голове. Когда старика обнаружили лежащим у дверей цеха, он в бреду шептал о коробках скоростей... Решили проверить и обнаружили в станках наждачный песок.

«Какой подлец мог это сделать?» — ломал я голову над рассказом брата.

Максим Петрович созвал классное собрание по поводу предстоящих экзаменов. «Выпускных!» — подчеркивали ребята. Я пришел в класс раньше всех и стоял у окна, ожидая, когда придут остальные. Вдруг сквозь открытую форточку до меня донеслись встревоженные голоса:

— Медвежонок! Медвежонок!

Уж не выбежал ли из юннатской Мишка? Тоня говорила, что с наступлением весны наш таежник стал скучать. К тому же он вырос за зиму! Я мигом выскочил на улицу. В самом деле, по палисаднику, неуклюже перебирая лапами, мчался наш байкальский Мишка, а вдогонку ему улюлюкали и свистели мальчишки с забора. За медвежонком, шлепая по грязи, бежали сторожиха Матвеевна и какой-то долговязый парень в замасленной куртке.

Я сразу узнал его. Перед глазами мелькнули заснеженные штабеля кирпича у нефтяного склада и двое связанных парней. Один — вертлявый, боевой, другой — долговязый, мрачный. «Антон». Я даже имя вспомнил. Но почему он здесь?

Не добежав нескольких шагов до медведя, Антон провалился ногой в приготовленную под посадку дерева яму, заплывшую весенней жижей. Он упал, перепачкался, но сейчас же вскочил и продолжал погоню, и, когда Мишка хотел перемахнуть через забор, парень ухватил его за ремень ошейника. Скуля и мотая головой, упрямый зверь вынужден был следовать за человеком. Я помог перевалить медвежонка через штакетник и затащить его в комнату юннатов.

— Ведь что за молодец парень-то! — приговаривала бледная от пережитого Матвеевна. — Не доведись его, убежал бы наш медведь. И как он ухитрился выскочить?

В юннатской стали собираться десятиклассники. Тоня сначала подбежала к медвежонку, погрозила ему пальцем и потом, подойдя к молодому рабочему, пожала ему руку. Выпачканный в грязи, красный от смущения, Антон стоял, опустив голову, и мял в руках кепку.

— Мы, кажется, знакомы, Антон, — заговорил я.

— Ой, верно ведь! — воскликнула Тоня.

Парень приподнял голову:

— Да, вроде знакомы... — И он как-то виновато посмотрел на Тоню. — Иду мимо, вижу — из окна медведь лезет. Школьный, думаю. В деревне-то жил, приходилось медведей ловить.

— А-а, ты, значит, из деревни на завод пришел? — спросила Тоня. По всему было видно, что ей хотелось вызвать Антона на откровенность.

— Батрачили мы с отцом, — угрюмо добавил парень. — Отец потом в колхоз вступил, а я вот сюда...

— А тот, второй, дружок-то твой? Семка, кажется? Он откуда?

У Антона сверкнули глаза. Напялив на голову кепку, он повернулся и пошел прочь. Вопрос остался без ответа. Мне вдруг припомнились штабеля кирпича, контора завода. Да, за всем этим действительно что-то скрывалось...

Зайдя в класс и слушая Максима Петровича, я размышлял о случившемся. «Иду мимо», — сказал Антон. Может, не случайно шел он мимо?

— Думайте о своем будущем! — между тем говорил Максим Петрович. — Большая жизнь впереди у вас, у страны — готовьте себя к этой жизни!

Я знал, что и Игорь и Филипп Романюк получили из вузов ответы на свои запросы. Им сообщали программы вступительных испытаний, описывали лаборатории, кабинеты, общежития... А что же я? Никуда не пишу, никого не запрашиваю.

Перед глазами встал цех. Станок Павла. Сыплющаяся из-под резца стружка. Дымящий махоркой Петрович, его слова: «А у тебя, Алексей, пойдет токарное дело!..» А Василий Лазарев, а инженер Чернышев? Почему же я должен бежать, словно одурелый медвежонок, от этих людей? В Сибирске нет индустриального института. Ну так что же? Павел сумел найти время учиться дома и, если бы не болезнь, уже заканчивал бы седьмой класс. Почему же не смогу работать и учиться я?

— Ты о чем, Лешка, задумался? — потянул меня за рукав Игорь. — Давай сходим после собрания в кино, мне так хочется с тобой поговорить.

— Зачем в кино? На завод пошли! — схватил я руку Игоря. — Пошли!

Я еще сам хорошо не знал, для чего мы должны были идти сейчас на завод, но мы должны быть там. Нет, не зря приходил Антон в школу, — именно приходил, а не очутился возле нее случайно. И, казалось, стоит только появиться нам с Игорем на заводе, как все станет ясным.

На завод нас не хотели пускать. После вредительства охрана строже относилась к пропускам, пришлось искать и просить Чернышева.

Так же, как и в те дни, когда шла наша работа над приспособлением, в цехе монотонно гудели станки, гулко катался над головами подъемный кран.

— Чего пожаловали? — удивился Лазарев.

— Да вот, Лешка затянул, — ткнул меня в бок Игорь.

— А ну, тогда, паря, вставай к станку, — пошутил токарь. — Гляди, сколько втулок подвалило.

Я принял его приглашение всерьез и подошел к станку Павла.

— А я ведь с ним наловчился, — кивнул Василий на работающее приспособление. — Здесь пущу в ход и потом бегу к своему станку обтачивать фланец. Хлопотно одному только.

— Дай-ка резец, — попросил я токаря.

Лазарев с нескрываемым удивлением открыл инструментальный ящик, вынул резцы, помедлил.

— Давай, давай!

Засучив рукава, я взялся за рукоятку суппорта, сказав Игорю, чтобы он держал наготове следующую втулку.

Резец плавно врезался в металл, попыхивала дымком стружка, и я уже не испытывал прежнего страха, что он может сломаться или вырваться из державки. Вспомнился весенний ангарский берег, печеная картошка в костре и рассказ брата о какой-то хитрой детальке... «Это как понять? Не романтика?»

Приближалась полночь, а мы все не уходили с завода. Работа на многих станках прекратилась, и в цехе то там, то здесь стали гаснуть огни. Пройдясь меж станков, мы осмотрели, нет ли лишнего народа, и уселись возле батареи, где частенько ночевал Петрович. Игорь беспрерывно зевал, жаловался, что у него сосет под ложечкой. Но когда Василий рассказал какую-то смешную историю и вдобавок, сбегав за кипятком, угостил нас ужином, сон у моего друга прошел. Оставив Лазарева отдыхать у батареи, мы стали с Игорем бродить по цеху.

Ночная смена не была полностью загружена. Работали только карусельный и строгальный станки и светилась конторка мастера. Кругом стоял полумрак.

— Лешка, — взял меня под руку Игорь, — я тебе что-то давно хотел сказать.

— Говори.

Игорь смущенно кашлянул.

— Понимаешь, какая со мной история приключилась. Она ведь такая славная...

— Кто — она? — удивленно поглядел я на друга.

— Милочка Чаркина... Только ты, пожалуйста, не смейся, — предупредил Игорь. — Живет она сейчас на другой квартире, и ходить нам с ней почти по пути. И вот иду я как-то с занятий, гляжу — впереди меня шествует Милочка, идет и напевает. Я догоняю ее и спрашиваю: «Поешь, Мила?» — «Пою! — засмеялась она. — Когда идешь и напеваешь, то дорога от школы до дома кажется совсем короткой...»

— И все?

— Все, Лешка.

Игорь помолчал и сказал совсем тихо:

— А какая она красивая! Ты знаешь, как хорошо, что она теперь с Недорослем не дружит.

Помолчали.

— Ты твердо решил стать инженером? — спросил я.

— Да, Лешка, в один институт с тобой. В Томск, — радостно ответил Игорь. — Погоди, а чего ты остановился?

— Так...

— Не веришь, что из нас инженеры получатся? Получатся! Куда же нам больше? Филя, тот наверняка по астрономии двинет, Тоня — по истории, Вовке из ЦК комсомола вызов пришел: на полярную станцию приглашают.

— Я в Томск не еду, — перебил я Игоря.

— Ты чего, Лешка? Обалдел? Из-за брата?

В этот момент у стены, за которой находилась электрическая будка, раздалось подозрительное бренчание.

— Что такое?

Мы инстинктивно присели за станком. Прошла минута, две... Бренчание повторилось, но осторожней, тише. Походило на то, будто кто-то случайно зашел на лист железа и хотел с него неслышно сойти.

— Смотри! — прошептал Игорь.

В просвете между станками я увидел человеческий силуэт. Он медленно двигался вдоль стены по направлению к электрической будке.

Сердце мое заметалось. Крикнуть Лазареву? Но не успел я собраться с мыслями, как на пути силуэта выросла чья-то длинная тень и тотчас прыгнула на неизвестного.

Мы с Игорем бросились туда же.

— Сволочь! — раздался знакомый голос Антона. — Вот ты меня на какое дело заманивал, златые горы сулил. Не выйдет!.. Не выйдет!.. — злобно приговаривал он. — Хватит того, что отец на вас всю жизнь батрачил.

Подоспевший Лазарев включил свет. На полу лежал Семка. Его давил коленом Антон. Неподалеку валялся финский нож.

— Берите, пока не придушил кулацкую гадину! Хотел электрические кабеля перерезать.

Шли дни. Небо стояло в зареве лесных пожаров. В окна врывалась весенняя теплота.

Сидя в воскресный день дома, я раскрыл учебник по химии.

«Среди соединений с замкнутой цепью углеродных атомов, — читал я, — особый интерес представляет углеводород бензол. В молекуле его содержится 6 атомов углерода, соединенных кольцеобразно, и 6 атомов водорода. Формула бензола...»

Отвлек меня от занятий стук в дверь. Открыв ее, я увидел Игоря и Милочку. Облокотившись на велосипеды, раскрасневшиеся и веселые, они держали в руках каждый по огромной охапке багульника.

— Один из букетов — редактору школьной стенгазеты, — протянула мне цветы Мила и тут же начала объяснять: — Сегодня мы с Игорем за физикой сидели, прямо обалдели — и вот решили прокатиться в лес... Погода такая чудесная! А тут — физика!

— И химия! — вздохнул я.

— А вот тебе и физика и химия сразу, — сказал Игорь: — на заводе обнаружено нефтяное месторождение!

— Какое? — опешил я.

— Нефтяное, как в Баку, — серьезно подтвердила Милочка. — Если не веришь, спроси Вовкиного отца. Он и открыл это месторождение.

— Да как же это случилось? Ничего не понимаю!

— А вот слушай... Ты знаешь, что Вовкин отец работает на стройплощадке каменщиком? Это возле нефтяного склада, на пустыре, где мы зимой были. Помнишь? Так вот, недавно он обнаружил там масляное пятно. Пятно появилось как-то вдруг, и это его заинтересовало. На другой день пятно увеличилось. Тогда Вовкин отец принес лопату, выкопал маленькую ямку. И что ты думаешь? В ней скопилась нефть. Вовкин отец собрал ее в бутылку и принес домой.

— Нефть?

— Мы видели эту нефть сегодня у Вовки! — подтвердила Милочка. — Черная такая, маслянистая...

— Может быть, это с нефтяного склада? — допытывался я.

— Как же нефть попадет на пустырь? Трубопроводы ведь туда не проложены! — возразил Игорь.

— Ну и загадка! Да что у нас, в самом деле, Баку? — недоумевал я.

— Баку не Баку, а уж сегодня на том месте копают...

...«Нефтяное месторождение на территории Сибирска! Предполагаются большие запасы нефти!» — услышал я наутро по школьному радио. Что за чудеса! Но многие ученики даже не удивлялись этому. «Ведь есть нефть на Байкале, так почему ей не быть в Сибирске? Это же рядом», — рассуждали одни. «Интересно, что теперь будут делать с заводом — переносить на другое место? И когда начнется добыча нефти?» — гадали другие.

После занятий мы всем классом отправились на пустырь, к нефтяному складу.

Там действительно была выкопана широкая яма. Возле нее толпился народ. Черные бока ямы лоснились на солнце. Пахло керосином. По дну ямы, утопая резиновыми сапогами в маслянистой луже, бродили рабочие. Одни из них прилаживали к насосу гофрированный шланг, другие прокладывали трубы по направлению к нефтяному складу.

— Сейчас я приведу своего батьку. Он растолкует, что к чему, — объявил Вовка и скрылся в толпе.

Через несколько минут он вернулся с пожилым мужчиной в брезентовом фартуке.

— Так что же, — сказал отец Вовки, — интересуетесь нефтяным месторождением?

— Очень интересуемся! — воскликнула Милочка.

— Так вот, — Рябинин вытер о фартук руки, — никакого месторождения нет.

— Как же нет? — зашумели ребята.

— А так и нет, — подтвердил каменщик. — Видите вон те дыры, что с обеих сторон ямы? Это срезы подземного кювета, канавы такой, словом. Оттуда и пришла нефть.

— А как же она попала в эту подземную канаву?

— В том и загвоздка. Кювет тянется с нефтяного склада через весь завод к реке, — неторопливо начал рассказывать Вовкин отец. — Когда-то по нему стекали ливневые воды, потом кювет обвалился, его забросили и построили новый, бетонный. Но в одном месте старый

кювет пересекается с нефтепроводом от цистерны. Кто-то, как видно, заранее разъединил трубы прямо под кюветом. А потом, зимой, открыл на цистерне вентиль, и нефть потекла под землю. Разлилась она по всему кювету, он же длинный... А весной, когда земля оттаяла, нефть проступила наружу.

— Вот тебе и ответ на вопрос, куда исчезли пятьсот тонн нефти, — нахмурился стоявший рядом со мной Филипп. — Не зря гремела проволока на заборе в ту ночь. Эх, понастойчивей бы нам быть тогда!

— Что же, теперь эту нефть выкачают из кювета? — спросила Тоня.

— Готовят насос, да где уж! Поди, в землю впиталась. Главное и не в нефти. Бойко завод сжечь замахивался.

— Бойко? — раздались встревоженные голоса.

— Ну да, бывший главный наш энергетик, — сердито сплюнул Рябинин-отец. — Хотел он этот кювет подпалить, а тогда сами знаете, куда бы пламя пошагало... Сначала бандитские налеты на склад делали, а потом решили тихой сапой. Арестован Бойко-то, как ни скрывался, нашли. Да и подручных его тоже, которых он обманом к себе завлек, отыскали. Один из них, Антон — может, слышали? — помог разоблачить шайку. Глаза-то у него прозрели.

Я оглянулся, отыскивая глазами Ольгу, и вспомнил: уже второй день, как она снова не ходит в школу.

Глава двадцать четвертая

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Выпускные экзамены начинались сочинением по литературе. Начинать всегда тяжело, поэтому добрая половина волнений и переживаний за все экзамены была именно перед письменной.

Утром, перед тем как зайти в класс, я встретился с Максимом Петровичем.

— Волнуешься?

— Волнуюсь, — признался я.

— Я тоже, Но это, кажется, в порядке вещей. А вот каково тем, кто не пришел сегодня на экзамен?

— Вы об Ольге Минской?

— Да. Такая способная ученица!

— Она же болеет, потому и не пришла, — торопливо объяснил я.

— Ты думаешь, только в этом дело? — Учитель задержал на мне внимательный взгляд. — Не кажется ли тебе, Алеша, что вы как-то все вдруг от нее отвернулись? На это есть, конечно, причины.

— Тоня Кочкина заходила к ней на днях.

— И что же? Ольга ведь решила бросить школу...

«Бросить школу...» Я как-то сразу представил себе Ольгу одну в пустынной квартире. Как ей должно быть сейчас тяжело! Звонок прервал мои мысли. Вместе с другими учениками я вошел в класс.

Еще накануне заботливые руки девушек придали ему особенно уютный вид. На окнах стояли цветы. Между столиками протянулись ковровые дорожки. На столе экзаменационной комиссии, покрытом сукном, стояли букеты сирени. Мы тихо расселись по местам, с волнением

ожидая, когда откроется дверь. И вот наконец в класс вошли члены комиссии...

Максим Петрович поздравил нас с началом экзаменов, подошел к классной доске и торжественно снял лист бумаги, которым были прикрыты названия тем сочинений.

«Труд — дело чести, доблести и геройства», «Творчество великого русского поэта А. С. Пушкина», «Отечество, каким я представляю его через двадцать пять лет».

Какой будет наша страна через четверть века? Ведь это же очень интересно... А что, если взять да и написать мне об этом?

Я увидел свою отчизну в ярком убранстве садов... Я, точно наяву, шел по живописному берегу Байкала и видел огни Ангарской гидроэлектростанции. «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы...» Я начал писать.

«Счастье человека в пользе, приносимой обществу. Нам открыты все дороги...» Это все верно, очень верно, но ведь это лишь общие фразы, восторги. А наше место в жизни? И готовы ли мы к борьбе? Вот Ольга... Она же не сдает экзаменов. Кем хочет стать Чаркина? Почему школа не сумела перевоспитать Маклакова? Я задумался, перечитал написанное, и сочинение мне не понравилось. Нет, не такого слащавого рассказа ждут от выпускника десятого класса. Жизнь — это борьба. И то, что совершится в предстоящие годы, будет завоевано упорным трудом, а может быть, и кровью. И мы, выпускники школы, должны стать беззаветными участниками этой борьбы.

Я заново начал писать сочинение.

Свою работу я сдал одним из последних.

— Лешка! — окликнул меня в коридоре Филипп. — Ты слышал, что наделала наша Милочка?

— Смешное что-нибудь...

— Да нет, наоборот! Она, понимаешь ли, ходила проведать Ольгу!

— Что же тут особенного? — перебил я Романюка.

— Ну как же! Разве ты забыл, как пренебрежительно относилась к ней Ольга? А Мила сумела побороть в себе обиду и пошла к ней. Ты почитай, что пишет Ольга всему классу.

Я вынул из протянутого мне конверта вчетверо сложенный листок, узнал почерк Ольги.

«Милые, дорогие ребята! — писала она. — От всей души спасибо вам. Только теперь я поняла цену вашей суровой и честной дружбы. Вы требовали от меня жить с коллективом, а я сторонилась вас. Я даже отказалась помочь в трудную минуту Милочке. А она, оскорбленная, униженная мною, пришла ко мне. Она долго сидела у моей постели и говорила... Говорила так тепло, сердечно... Вот пишу и плачу и не могу собраться с мыслями. Почему я была так далека от вас? Вы, может быть, уже слышали, что мне пришлось разоблачить своего отчима. Узнав, что он скрывается на квартире Бонч-Борина, я сообщила об этом. Но ведь все это можно было сделать гораздо раньше, если бы я верила вам, своим товарищам. А я поступала, как мне вздумается, сожгла свой дневник, пыталась забыть все, что видела и слышала плохого, и даже разубеждала Алешу. Правда, все было так сложно, запутанно, но почему я боялась заговорить с кем-то из вас? Мне представлялось — подымется шум, разговоры, а я хотела жить спокойно... Ах, какая ошибка! И, когда в литейном цехе (помните, на экскурсии?) партизан Зотов обратил внимание на Бойко, заподозрив в нем кого-то, я уже не могла оставаться безразличной...

Ольга.

P. S. Я незаметно для себя написала фамилию «Бонч-Борин». Не удивляйтесь! Ведь это «наш» Ковборин. Он служил в том же карательном отряде, которым командовал отчим, а отчим вовсе не Бойко, а поручик Кронбрут!»

Кронбрут? Командир карательного отряда? Это тот, который убил моего отца?

Я долго не мог прийти в себя. Вот оно что! Вот какой выстрел дала наша пушка!

Шефы с завода преподнесли нам подарок: номер «Ленинца», который должен был выйти обычной стенгазетой, они издали, как печатную газету. «Ленинец» вышел перед самым торжественным собранием.

Когда, запыхавшийся, я вбежал в школу, Тоня встретила меня упреком:

— Где ты пропадал?

Я показал ей на пачку газет под мышкой:

— Понимаешь, Тоня, их нужно срочно передать Максиму Петровичу.

— Он на сцене. Но через зал не пройти. Народу полным-полно! Беги с другой стороны коридора.

На сцене, к моему удивлению, горела единственная лампочка. Пахло пихтой. Ребята гремели стульями, расставляя их для президиума.

— Почему здесь так темно? — спросил я суетившегося тут Вовку.

Он загадочно улыбнулся.

Я выглянул в зал. Недалеко от сцены сидели Павел, Зина, рядом с ними — Василий Лазарев. Доктор Кочкин что-то им рассказывал. Слушая его, Павел беспрестанно смеялся. Ведь сегодня он тоже был выпускником, только «домашним», как подшучивала Зина. Чуть дальше сидели инженер Чернышев и Виталий Львович.

— Все готово! — Вовка поставил последний стул.

Мы пробежали с ним в зал. Люстра погасла. Медленно раздвинулся занавес. И в этот миг сцена вспыхнула яркими разноцветными огнями. Сразу видно, что над ее украшением потрудились десятки умелых рук. Длинный, покрытый красным бархатом стол обступали зеленые ели. Вершины их горели гирляндами малиновых, синих, голубых электрических огней. Слева от стола, обитая красным плюшем, возвышалась трибуна с гербом СССР. К ней из зала по ступенькам лестницы вела ковровая дорожка. Заиграл оркестр. За столом президиума разместились учителя, родители, шефы с завода, новый директор школы Максим Петрович Грачев. Он и сделал доклад о результатах учебного года.

— Партия направила школьную жизнь по новому пути, и мы будем твердо идти этим путем... Отличное усвоение знаний... Сближение учебы с жизнью, с социалистическим производством.

Но вот Максим Петрович заговорил о нас, выпускниках, и голос его зазвучал как-то особенно проникновенно:

— Немногим более года назад наши сегодняшние вы-

пускники загорелись мечтою ехать на Север — помочь челюскинцам. Благородная цель! Но ведь жизнь наша богата и другими волнующими событиями. Они, эти события, врывались в стены школы каждодневно. И мечты наших друзей стали дерзновеннее, богаче. Первый выпуск десятого класса с честью оправдал наши надежды.

Слушая Максима Петровича, я смотрел на него и думал: чем заслужил такую привязанность ребят и особенно нас, десятиклассников, этот строгий и очень простой с виду человек?

Что-то говорили Тоня, Филя. Я плохо слушал... Дарили цветы учителям. Вот из зала по ковровой дорожке на сцену вбежал ученик. Это был Петя Романюк. Подражая взрослым, он решил говорить с трибуны и, став за нею, исчез с головой.

В зале засмеялись.

— Петя, ты лучше выйди на середину сцены, — сказал Максим Петрович.

— Мне учительница с трибуны велела говорить. Только там табуретку не поставили.

Опять все засмеялись.

Романюк-младший вдохнул побольше воздуха и громким голосом произнес свою коротенькую речь:

— Дорогие выпускники! Мы — младшая ваша смена. Мы желаем вам счастливого пути! Мы обещаем вам, что будем учиться так же хорошо, как вы, и даже еще лучше.

Выступающих оказалось много — педагоги, родители, шефы с завода. В конце собрания каждый из нас подошел к столу и получил удостоверение об окончании средней школы. Отличникам учебы были выданы награды.

Потом начался бал-маскарад.

Я не узнавал друзей: все были в масках. Вовка переоделся Хлестаковым. Игорь изображал надменного Онегина, Милочка — кокетливую барышню-крестьянку.

Грянул оркестр. Мелькали костюмы, улыбки, взлетал серпантин.

— Скучать изволите, барин? — раздался за моей спиной голос Милочки.

Я обернулся.

— А вы что, грибы изволите собирать, барышня-крестьянка?

Милочка рассмеялась.

— Давай по-современному. Ты почему не танцуешь?

— Кочка куда-то исчезла... — сказал я растерянно.

— И я тоже одна! — ответила Милочка. — У Игоря стряслось что-то с этими... как их называли-то раньше... рейтузами! — Милочка взяла меня под руку. — Пойдем...

И мы стали танцевать.

— Сказать тебе откровенно, Леша, о чем я жалею сегодня? О том, что не вступила в комсомол. Обидно за себя. Столько лет была какой-то глупой девчонкой. Я ведь иду в госпиталь медицинской сестрой.

К нам подбежали Евгений Онегин и цыганка в широких одеждах. Она оторвала меня от Милочки и закружила. Сквозь музыку я услышал недовольный голос:

— Ну какой же ты невнимательный! Вертелась около тебя почти целый час, а ты даже не замечал.

— Прости, дорогая Кочка, у нас с Милой был серьезный разговор.

— То-то же!

Голова ходила кругом, ноги не чувствовали пола, а мы с Тоней все кружились и кружились.

— Который час? — спросила «Кармен».

Я посмотрел на часы:

— Половина первого... Пойдем на балкон, послушаем, может, пароход подошел.

— Ой, Лешка! — воскликнула Тоня. — Смотри, кто пришел!

Недалеко от оркестра в белом нарядном платье стояла Ольга и с тихой грустью смотрела на танцующих.

Все вместе мы вышли на балкон.

После шума и музыки темная летняя ночь показалась нам нежной и ласковой.

— Как чудесно здесь! — вздохнула Ольга. — Вы знаете, ребята, о чем я думаю весь вечер? Не о том, что мне не удалось вместе с вами закончить десятый класс. Экзамены мои перенесены на осень, и я, конечно, сдам их. Я думаю о том, что сегодня мы расстаемся. Ребята разъедутся по всему Союзу, и, как подумаешь, что их не будет рядом с тобой, становится грустно-грустно...

— Но ведь часть десятиклассников остается здесь, в Сибирске, — сказала Тоня. — И в том числе я.

— Это, Тонечка, очень хорошо! — сказала Ольга.

Несколько минут мы стояли молча.

— А что, Тоня, на пароходе и педагоги и родители поедут?

— Непременно, Олечка!

— И будем кататься всю ночь?

— До самой зари!

С реки донесся протяжный гудок парохода, и мы стали собираться на прогулку по Ангаре.

Река встретила нас прохладой и тихим плеском воды на прибрежных камнях. И вода и небо казались черными. Вдали по горизонту рассыпалась цепочка мерцающих огней. Над ними изредка поблескивали сполохи.

— Дождем попахивает, — забеспокоился Игорь.

— А что нам дождя бояться! — весело хлопнул его по плечу Романюк. — Смотри, какой красавец нас ожидает!

У причала стоял пароход. Над его трубой поднимался золотистый сноп искр. С палубы мигали зеленые и красные огоньки. Ярко светились окна кают. Слышалось мерное дыхание паровой машины. Когда все разместились, раздалась команда капитана. Заскрежетала якорная цепь. Пароход медленно покачиваясь на волнах, отошел, и за кормой зашумела резвая ангарская вода.

Мы стояли на палубе, всматриваясь в темень летней ночи. Свежий ветерок омывал лица. За бархатно-черной полосой воды светился бисер переливающихся огней родного Сибирска. В этом море света где-то притаились и смотрели на нас огни милой школы... Но где они? Прощай, школа! Прощай, счастливая школьная пора!

— Проезжаем мимо Песчаного острова! — крикнул капитан. — Не причалить?

— Обязательно! Костер разожжем! — раздались голоса.

Когда по трапу сошли на обрывистый берег, Максим Петрович приказал:

— С каждого выпускника по охапке хворосту!

— Есть набрать хворосту! — отозвались радостные голоса.

— Я с тобой, Леша, — тихо сказала Тоня, ныряя в

густые заросли тальника. — Здесь очень страшно, — прошептала она.

Я сжал ее руку:

— Не бойся...

Мы пошли. Я — впереди, раздвигая ветви кустов, Тоня — за мной, доверчиво держась за мое плечо.

— Теперь не страшно?

— Нет.

Как мне хотелось остановиться и стоять так, вместе, долго-долго... Но, не замедляя шага, я шел вперед, с ожесточением пригибая ветви. Вскоре кустарник стал редеть, и мы очутились на берегу, у воды.

— Как же так получилось — с берега и на берег? — засмеялась Тоня.

— А ты думаешь, мы много прошли? Вон огни парохода...

Тоня огляделась вокруг:

— Леша, прогуляемся по бережку, мне нужно тебе что-то сказать.

Взявшись за руки, мы пошли по прибрежной гальке. Остановились у самой воды. Тихо шелестела волна. Где-то вдали певуче крикнула птица.

— Леша, — волнуясь начала Тоня, — ты не едешь учиться в Томск, я все знаю!

— А ты недовольна?

— Что ты, Лешка!.. Мы будем с тобой встречаться каждый день! И часто-часто вспоминать о том, как темной июньской ночью после выпускного вечера стояли на берегу родной Ангары... — Тоня передохнула. — Но дай мне слово, Леша, что, где бы ты ни был, ты всегда будешь учиться, идти вперед!

Вместо ответа я крепко поцеловал милую Кочку.

За тальником полыхнул костер.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Александровский Виктор Николаевич

КОГДА НАМ СЕМНАДЦАТЬ...

Редактор *А. С. Ткаченко.* Художник *Г. М. Манткава.*
Художественный редактор *В. М. Гевлич.*
Технический редактор *Л. И. Мемешкина.*
Корректоры: *В. А. Гончарова, В. С. Шпиндовская.*
Подписано к печати 10.XII.1962 г. Формат бумаги 84×108/32. Печ. л. 6,25 (условных 10,25). Уч.-изд. л 10,4. Тираж 55000 (30001—55000).
Зак. 4618. Цена 41 коп.
Сахалинское книжное издательство, г. Южно-Сахалинск, ул. Торговая, 96.

Типография № 1 Крайполиграфиздата, г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

41 коп.

САХАЛИНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

КОГДА НАМ СЕМНАДЦАТЬ